

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 9 (66)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2010

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»
www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
- Малышев Е.А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
- Романова Н.П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Шалавина А.А.** – литературный редактор;
- Витовская М.А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 9 (66). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 138 с.
Chita State University Journal. № 9 (666). – Chita St. Univ. Pr. 2010.

Экономические науки

УДК 657.471.65

Баранова Елизавета Сергеевна
Elizaveta Baranova

РАЗВИТИЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ
ПРЕДПРИЯТИЕМMANAGERIAL SYSTEMS
DEVELOPMENT

Дан анализ развития теорий систем управления промышленными предприятиями, обоснована необходимость развития информационных технологий как наиболее важного критерия успеха в конкурентной борьбе. Рассмотрен процесс внедрения ИТ на российском рынке на современном этапе, конкретно в корпорации Росатом, и связанные с этим проблемы

Ключевые слова: система управления предприятием; социальный фактор управления; информационные технологии; централизация функций планирования; холдинговая структура; бюджетное планирование; система ERP (Enterprise Resources Program); корпоративная информационная система; комплексная система управления предприятием

The article analyzes trends and directions of the theory of managerial systems development and substantiates the necessity of information technologies development as the most important competition criteria. It exemplifies the current process of IT employment in Russian enterprises, «Rosatom» corporation specifically, and the problems involved therein

Key words: information technologies, social factor of management, budget planning, ERP (Enterprise Resources Program) system, corporate information system, enterprise management system, holdings structure, overall system of enterprise management, centralization of planning functions

История развития мировой промышленности предопределила эволюцию научных взглядов классической школы управления. Теория Тейлора (1911 г.), основателя классической школы управления, основывалась на выработке многочисленных правил, законов и формул, оформленных в виде норм выработки и норм времени, регламентирующих действия индивидуально-рабочего работника [14]. В последующем Анри Файоль (1916 г.) развил теорию управления на более высоком уровне и очертил сферу деятельности администрации в виде шести направлений: техническая, коммерческая, финансовая, защитная, бухгалтерская, администрирование.

Основной функцией управления Файоль

определил администрирование и создал систему управления – «административную науку» – на основе 14 принципов: 1) разделение труда; 2) полномочия и ответственность; 3) дисциплина; 4) единоначалие; 5) единство направлений; 6) подчиненность личных интересов общим; 7) вознаграждение персонала; 8) централизация; 9) скалярная цель; 10) порядок; 11) справедливость; 12) стабильность рабочего места для персонала; 13) инициатива; 14) корпоративный дух [9]. Данные принципы не являются догматическими и в зависимости от конкретных условий допускают введение новых положений.

В настоящее время в некоторой степени изменился подход к пониманию отдельных

положений, и в качестве основных функций управления преимущественно используются планирование, руководство, учет, контроль, анализ. Однако принципиальная основа, созданная представителями классической школы, осталась почти неизменной, и к системе управления определился подход как к целостному понятию.

Существенный теоретический вклад в развитие мировой науки управления внес немецкий социолог Макс Вебер (1930 г.), который развил положения Тейлора и укрепил созданный жесткий порядок управления предприятием, подтвердив созданную систему как наиболее эффективный метод управления. По теории Тейлора-Вебера выполняемая работа должна быть разделена на отдельные функциональные составные элементы – операции, подвергаемые строгой регламентации и контролю. В развитие этой теории Вебер обосновал специализацию персонала и разделение функционирующей организации на составные части с нормированием работы каждой из них. В этом случае организация строится по линейному признаку, т.е. каждый отвечает за свои действия лишь перед вышестоящим начальником. Кроме того, он полагал, что можно регламентировать функции и количество управленцев. Практически было обосновано построение бюрократической системы.

С начала зарождения теории управления и до 60-х гг. прошлого века принципы управления фирмами были построены по закрытому типу. На таких принципах базировалась управленческая деятельность и в нашей стране. Одновременно происходила эволюция системы управления в направлении перехода от рационального фактора к социальному. Рациональный фактор имеет в виду достижение конкретных целей – прежде всего максимизацию прибыли. Исходя из этого, организовывалась работа компаний. Однако в своем развитии разработчики теории управления пришли к пониманию того, что получение максимальной прибыли возможно лишь при совпадении интересов и целей фирмы с интересами исполнителей, т.е. рабочих и служащих, что,

в свою очередь, привело к существенному смещению рационализма в сторону ориентации на социальный (человеческий) фактор.

В связи с развитием общества, усложнением видов выпускаемой продукции и ростом наукоемких производств управленческая наука преимущественно стала подходить к решению возникающих проблем на основе социальных факторов с приоритетным учетом внешних обстоятельств, т.к. работа компаний во многом обусловлена внешней средой, рыночной конкуренцией, объемами сбыта и некоторыми другими факторами.

В период существования Советского Союза система управления развитием промышленного сектора исключала частную деятельность, все предприятия входили в государственную собственность, за исключением отдельных кооперативов сельхозпредприятий. Система управления государства основывалась на принципе централизации планирования и учета деятельности всех предприятий, которая предполагала выработку оптимальных пропорций производства для самообеспечения потребностей страны в промышленной продукции и в сфере потребительского рынка.

В восьмидесятые годы, в связи с широким внедрением нового поколения ЭВМ в управленческие процессы, вопросам автоматизации стало уделяться значительно большее внимание, что сказалось на появлении соответствующих исследований в данной области. Однако примеры создания и внедрения реальных алгоритмов решения организационных задач являлись редким исключением, поскольку основные исследования по проблемам экономики труда в этот период, как правило, не предусматривали широкого применения вычислительной техники и создания экономически-математических моделей управления предприятиями [8].

Современный уровень управления предполагает использование информационных технологий. Решение в этих условиях задач управления кадрами имеет двойственную природу. Во-первых, усложнение и

развитие системы управления предприятием (СУП), в том числе с учетом функций, выполняемых кадровой службой, требует обязательного применения информационных технологий (ИТ), поскольку иначе нельзя справиться с обработкой больших объемов информации и поддерживать оперативный уровень решения задач и принятия управленческих решений. А во-вторых, постоянное совершенствование и развитие ИТ позволяет непосредственно корректировать СУП.

В начале XXI в. многие крупные отечественные предприятия для повышения устойчивости на рынке сбыта продукции в процессе совершенствования системы управления начали создавать автоматизированные системы бюджетного планирования на базе компьютерной информационной системы (КИС) 2000. Первоначально были разработаны организационные аспекты построения системы бюджетирования на предприятиях, затем сформировалась методология бюджетного планирования, позволяющая с наибольшей точностью и в кратчайшие сроки получать несколько вариантов будущей деятельности предприятия в целях выбора наиболее оптимального. Внедрение на развитых предприятиях ИС существенно способствовало их устойчивому экономическому росту [2].

В настоящее время принципиально изменилась организационная структура промышленного и торгового комплекса в России. Если в конце XX в. сложная экономическая ситуация в стране определила преимущественное развитие направления разукрупнения действующих предприятий с образованием дочерних компаний по отдельным самостоятельным направлениям деятельности или оказываемым услугам, то в начале XXI в. в наиболее развитых отраслях промышленности получило развитие направление корпоративного укрупнения путем скупки государственными компаниями акций ранее приватизированных предприятий, и в результате акционерные самостоятельные предприятия были объединены в большие холдинговые компании. Например, предприятия, производя-

щие продукцию для российской атомной промышленности, объединены по сферам деятельности. В частности, акционерные предприятия, добывающие природный уран, редкие и благородные металлы и занимающиеся геологоразведочными работами на урановых месторождениях, вошли в корпорацию ОАО «Атомредметзолото» (АРМЗ).

На первом этапе вхождения предприятий в крупные корпорации действующая система управления сохранялась в прежнем виде, а холдинги взяли на себя только функции планирования и контроля по основным корпоративным технико-экономическим показателям. Затем, в соответствии с развитием государственной экономической политики, отечественные корпорации начали реформировать свою систему управления в направлении максимальной централизации всех функций планирования, учета и контроля производственной и финансово-бюджетной деятельности, используя прогрессивный мировой опыт.

Выбор направления реформирования системы управления в значительной степени был аргументирован созданием надежного метода контроля движения финансовых потоков, блокирующих возможность использования коррупционных отношений между участниками рынка и производителями.

Мировая практика показала, что в системе управления создаваемых крупных холдингов без новых принципиальных усовершенствований методов управления могут возникнуть прежние организационные проблемы, в принципе, подтверждающие известное заключение С.Н. Паркинсона «Чем больше и разветвленнее паутина, тем больше дел стекается в головную контору, а решать их некогда. Вот и принимаются неверные решения, да еще с опозданием, а неотложные проблемы валяются в одну кучу с пустяковыми» [16]. Поэтому, с учетом современных условий интенсивного развития отечественной экономики, в корпорациях и в крупных промышленных компаниях потребовалось создание эффективных систем управления на основе инновационного

развития теории управления с использованием передового международного опыта информационного обеспечения производственных систем. Для решения этой проблемы многие крупные предприятия под угрозой экономического кризиса, опираясь на развитие информационных технологий, как на наиболее важный критерий успеха в конкурентной борьбе, приступили к полномасштабным инвестициям в ИТ, начали разрабатывать и внедрять дополнительные меры по повышению эффективности производства, снижению себестоимости продукции и услуг.

В крупных корпорациях активно ведется реформирование работы отраслевых финансово-экономических блоков и служб информационных технологий, которые нацелены на создание системы оптимизации планирования направлений и объемов производства, а также для осуществления прозрачного контроля над эффективным расходованием инвестиций и оборотных средств по всем технологическим и структурным звеньям.

Достижение высокой экономической эффективности использования новых систем управления ожидается за счет повышения производительности труда и сокращения затрат по следующим статьям: снижение себестоимости производства, объектов капитального строительства; снижение уровня складских запасов и повышение оборотных активов за счет более точного их планирования; сокращение затрат на закупку материалов.

С 2010 г. все предприятия атомной отрасли промышленности перешли на единую систему материально-технического снабжения, выбора подрядчиков для различных работ и услуг, основанную на электронных торгах с полной прозрачностью заключаемых сделок, исключая возможность коррупции и закупок по завышенным ценам.

В конечном варианте во всей корпорации «Росатом» должно быть не более десяти ИТ-программ. Главенствующую роль в ИТ-программах займет система ERP (Enterprise Resources Programm). На такую

систему придется более половины разных технологических решений, поскольку она охватывает около 100 % административных процессов в действующих компаниях и около 70 % процессов, связанных с производственной деятельностью. Практически на ИТ возлагается выполнение важнейших базовых функций централизованной системы управления предприятием и холдингом.

В отраслевой программе развития уранодобывающей корпорации «АРМЗ» значительное внимание уделяется обеспечению эффективной работы ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО), крупнейшего в России уранодобывающего предприятия, использующего передовые способы подземной добычи, обогащения и переработки урановых руд.

До недавнего времени на различных участках системы управления предприятием использовались разнородные программы, требующие сложного сопровождения и не позволяющие оперативно получать информацию о текущем состоянии производства. В целях реорганизации управления предприятием в 2007 г. по инициативе руководства Росатома в ОАО «ППГХО» была начата разработка проекта интегрированной информационной системы, включающего не только создание единого источника информации для управленческого, бухгалтерского и налогового учета, но и модернизацию имеющейся информационной инфраструктуры предприятия [5].

Задача создания единой информационной системы заключалась в организации надежной системы управления, позволяющей руководству и специалистам предприятия оперативно получать достоверную информацию, необходимую для принятия управленческих решений, вести бухгалтерский и налоговый учет в режиме реального времени, а также исключить человеческий фактор при подсчете, сортировке и передаче информации.

В единую информационную сеть объединены все подразделения «ППГХО»: урановое горнорудное управление, разрезууправление «Уртуйское», гидрометал-

лургический завод, теплоэлектроцентраль, управление ОАО «ППГХО», кустовой вычислительный центр, управление материально-технического снабжения и комплектации и т.д.

Функциональные возможности информационной системы охватывают управление затратами и себестоимостью; финансами; договорами; основными средствами и нематериальными активами; персоналом, включая кадровый учет и расчет заработной платы; бухгалтерский и налоговый учет (формирование бухгалтерской и налоговой отчетности); материально-техническим обеспечением и запасами.

В части модернизации ИТ инфраструктуры предприятия произведено:

- усовершенствование комплекса инженерных систем центра обработки данных, обеспечивающего функционирование центрального узлового сегмента единого информационного пространства;

- создана единая сеть передачи данных, обеспечивающая доступ пользователей подразделений предприятия к серверам системы управления ресурсами и к сети ИНТЕРНЕТ;

- расширено корпоративное программное обеспечение.

В результате проведения этих мероприятий на предприятии введены в промышленную эксплуатацию все рабочие места конечных пользователей (до 2000 ед.), что позволило перейти на качественно новый уровень управления процессами деятельности объединения.

Внедрение ИС на предприятии «ППГХО» началось путем полной замены используемого ранее документооборота на цифровой в единой информационной сети, что в начальный период освоения новых методов серьезно усложнило систему планирования, учета и управления производством. Период внедрения и освоения новых информационных систем потребовал значительных дополнительных трудовых затрат на освоение новых информационных программ и на цифровой ввод большого перечня различных исходных данных по всему производственному комплексу, но после освое-

ния системы прогнозируется значительное сокращение промежуточных оперативных звеньев и численности сотрудников.

В качестве основной ИС по критерию минимальной стоимости была выбрана система «Ахарт», но в связи с тем, что информационная система «Ахарт» была создана разработчиками для маломасштабных торгово-промышленных предприятий, в начальный период работы внедряемого варианта системы на «ППГХО» потребовалась корректировка ряда программ применительно к условиям крупного уранового горно-химического предприятия. В частности, на первом этапе внедрения были отмечены значительные отклонения вычисленных результатов от фактических данных по различным видам продукции по причине принятого программой метода укрупнения номенклатуры и усреднения цен по хранящимся и поступающим материалам. Поэтому с учетом полученных результатов произведена корректировка программы ввода исходных данных по основным влияющим факторам. Информационная программа также включает систему управления ремонтами, в которой учтен весь перечень эксплуатируемого оборудования. Для каждого работающего механизма в ИС введены графики выполнения капитальных и текущих ремонтов, определен перечень необходимых материалов в соответствии с утвержденными нормами. Движение материальных потоков при реализации графиков ремонта полностью контролируется информационной системой.

Все направления развития ИС отрасли и предприятий предусмотрены принятой за основу программой трансформации финансово-экономического блока, рассчитанной на период до 2011 г. и направленной на повышение эффективности деятельности госкорпорации «Росатом» за счет внедрения единых стандартов и подходов в области политики планирования и оценки деятельности, бюджетирования, инвестиционной, учетной политики, формирования финансовой отчетности по международным стандартам (МСФО), а также создания единого информационного пространства отрасли на

основе передовых информационных технологий.

В результате внедрения первого этапа единой отраслевой ИС в 2010 г. 100 предприятий «Росатома» впервые сформировали единый консолидированный бюджет госкорпорации. В ближайший период за-

планирована детализация и более глубокая проработка методик, а также автоматизация процессов планирования и бюджетирования, которая позволит значительно уменьшить количество рутинной и бумажной работы, сократить количество ошибок и повысить производительность труда.

Литература

1. Андрианов В. Интеллектуальная модель управления в бизнесе (опыт компании) // Проблемы теории и практики управления, 2001. — № 3.
2. Гайфуллин Б., Обухов И. Современные системы управления предприятием // Компьютер Пресс, 2001. — № 9.
3. Галушка И. Управление экономикой. — М.: Политлит, 1985.
4. Головлев А.В. Создание информационной системы в ОАО «ППГХО» // Горный журнал, 2008. — № 8.
5. Иванов В.Г., Култышев В.И., Колесаев В.Б., Литвиненко В.Г. и др. Оптимизация разработки сложноструктурных урановых месторождений. — М.: Горная книга, 2007.
6. Колас Б. Управление финансовой деятельностью предприятия. Проблемы, концепции и методы: учеб. пособие для вузов. — М.: Финансы, ЮНИТИ, 1997.
7. Кутыркин С.Б., Волчков С.А., Балахонова И.В. Повышение качества предприятия с помощью информационных систем класса ERP // Методы менеджмента качества, 2000. — № 4.
8. Любимова Н.Г. Менеджмент — путь к успеху. — М.: Агропромиздат, 1992.
9. Мартынов С.Д. Профессионалы в управлении. — Л.: Лениздат, 1991.
10. Николаев Ю. Оцифровка Росатома // Атом-пресса, 2009. — № 50.
11. Новицкий Н.И. Организация производства на предприятиях: учеб.-метод. пособие. — М.: Финансы и статистика, 2001.
12. Оганесян И.А. Управление персоналом организации. — М.: Амалфея, 2000.
13. Слоан Д.А. Управление горными предприятиями. — М.: Недра, 1987.
14. Тейлор Ф.У. Научная организация труда. — Изд. 2-е. — М.: Транс. Печать, 1925.
15. Шехватов Д. Управление основными фондами: как автоматизировать ремонты и техническое обслуживание // Журнал СЮ, 2003. — № 2.
16. Шим Джей К., Джоэл Г. Сигел. Финансовый менеджмент. — М.: Информационно-издательский дом «ФИЛИНЪ», 1996.
17. Щиборщ К.В. Бюджетное планирование деятельности промышленных предприятий // Аудитор, 2003. — № 1.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Баранова Е.С., доцент кафедры экономической теории, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Служ. тел.: (3022) 28-20-18

E. Baranova, assistant professor, Department of economic theory, Chita State University

Научные интересы: теория и практика управления

Research area: theory and practice of management

*Мальшев
Евгений Анатольевич
Evgeni Malyshev*

*Сокол-Номоконов
Эдуард Николаевич
Eduard Sokol-Nomokonov*

*Сокол-Номоконов
Владимир Эдуардович
Vladimir Sokol-Nomokonov*

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОПОТРЕБЛЕНИЯ
РЕГИОНОВ В ПРОЦЕССЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)**

**REGIONAL PLANNING AND ELECTRIC POWER
CONSUMPTION FORECASTING
(ZABAIKALSKI KRAI CASE STUDY)**

Исследуется методика прогнозирования электропотребления регионов в процессах территориального планирования на уровне субъектов Российской Федерации

Ключевые слова: метод прогнозирования, территориальное планирование, сценарии развития, электропотребление

The authors offer techniques of forecasting regional electric power consumption in view of territorial planning in the Russian Federation

Key words: method of forecasting, territorial planning, scripts of progress, power consumption

Выбор метода прогнозирования электропотребления (далее – ЭП), прежде всего, по критерию достоверности его результатов, определяет эффективность процессов отраслевого планирования развития региональных электроэнергетических систем и территориального планирования на уровне субъектов Российской Федерации.

Вероятнее всего, этот метод будет основан не на детальных расчетах, а на приблизительных оценках, выполненных на основе изучения макроэкономических показателей региона, характеризующих связь между ЭП и основными показателями экономической деятельности (например, ва-

ловым региональным продуктом, далее – ВРП).

Исследуя связь между ВРП и ЭП традиционными методами, можно прогнозировать динамику ЭП на основе прогнозируемого роста ВРП.

В целях установления зависимостей между ВРП и объемами регионального ЭП, нами исследована динамика изменения этих показателей в 13 регионах Сибири и Дальнего Востока (как наиболее схожих по климатическим условиям, демографическим показателям и уровню экономического развития).

Традиционно связь между ВРП и ЭП

характеризуют таким параметром, как электроемкость ВРП. В общем виде электроемкость ВРП – это макроэкономический параметр, зависящий от множества факторов: состава и объемов производства различных видов продукции; роста экономики и трансформации ее структуры; развития электроемких видов экономической деятельности и особенностей связанных с ними технологических процессов; технического состояния основных фондов и проведения модернизации оборудования, совершенствования технологии производства; влияния климатических и погодных условий; пространственной конфигурации размещения хозяйства и расселения и др.

Электроемкость ВРП определяется как отношение объема регионального ЭП (млрд кВт·ч) к ВРП (млн руб.).

Для сравнения региональных показателей удобнее использовать величину обратную электроемкости, которую мы назвали электроэффективностью региональной экономики (или электроотдачей ВРП). Данный параметр показывает, какой объем ВРП

(млн руб.) может быть произведен при потреблении экономикой региона одного кВт·ч электроэнергии. При этом ВРП рассчитывается на уровне отраслей и секторов производственным методом как разница между выпуском товаров и услуг и промежуточным потреблением, образованным из стоимости товаров и услуг, которые трансформируются или полностью потребляются в процессе производства. Термин «валовой» указывает на то, что показатель определен до вычета потребления основного капитала.

Начиная с 2004 г., данные о ВРП в основных ценах публикуются на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

Данные об объемах регионального ЭП получены из Сценарных условий развития электроэнергетики Российской Федерации на 2009-2020 гг. [1].

Распределение электроэффективности региональной экономики (далее – ЭРЭ) по 13 регионам Сибири и Дальнего Востока показано на рис. 1.

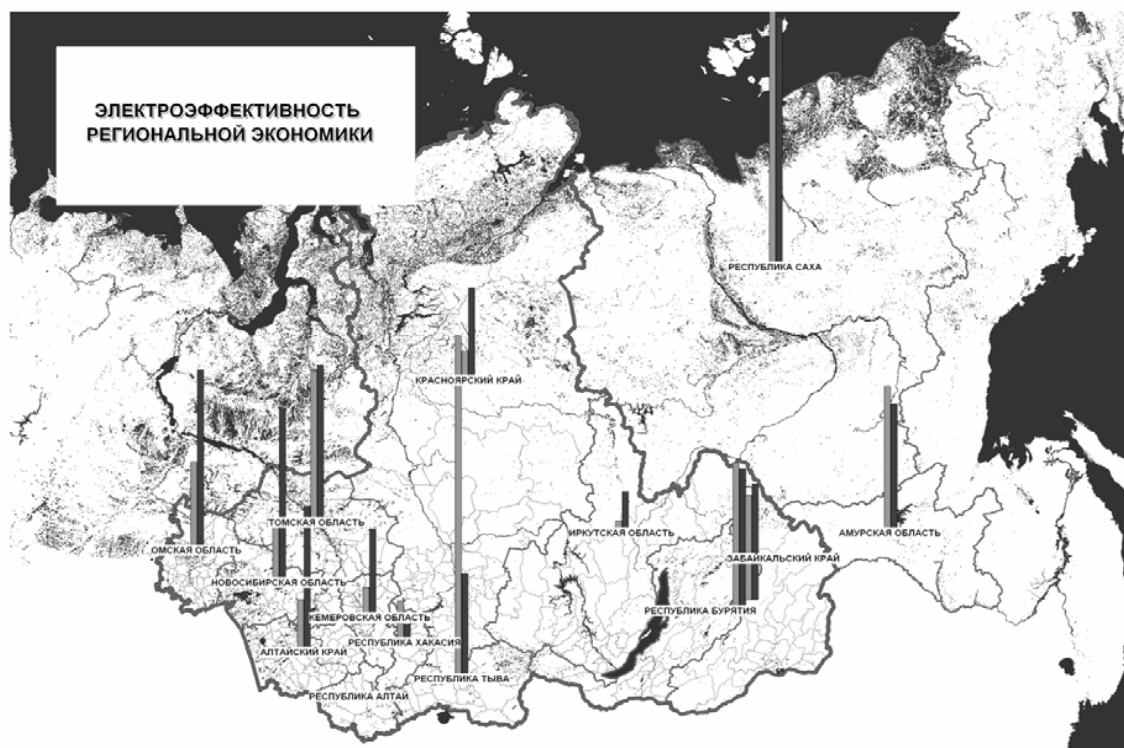

Рис. 1. Распределение ЭРЭ по ряду регионов Сибири и Дальнего Востока

Первый столбец диаграмм (серый цвет) показывает величину удельной ЭРЭ, отнесенной к численности населения региона (на душу населения). Следует иметь в виду, что представленные диаграммы ЭРЭ и удельной ЭРЭ несопоставимы и отличаются в 1000 раз.

Простое сравнение показывает, что ЭРЭ в энергоизбыточных регионах (Красноярский край, Иркутская область и Республика Хакасия) существенно меньше, чем в регионах, пользующихся покупной электроэнергией.

Максимальные значения ЭРЭ характерны для регионов-аутсайдеров, какими являются в исследуемом периоде (2006-2008 гг.) Республика Тыва и Республика Саха.

Исследование природы подобных распределений интересно как объект самостоятельного изучения, но в свете изучаемой проблемы не играет существенной роли. Можно лишь высказать предположение о том, что низкая ЭРЭ основных энергетических регионов обусловлена проводимой в них политикой сдерживания тарифов в энергетике и большой долей собственного вклада энергетики (как отрасли) в ВРП.

В то же время неэффективное ЭП в этих регионах завышено в связи с ее доступностью и относительно низкой ценой.

В регионах с высокой ЭРЭ розничные цены на электроэнергию значительно выше, чем у соседей, что приводит к относительному росту ВРП. Изложенное позволяет утверждать, что ЭРЭ каждого региона является уникальным параметром. Динамика ЭРЭ, как правило, аппроксимируется линейной функцией (рис. 2), отражающей особенности региона.

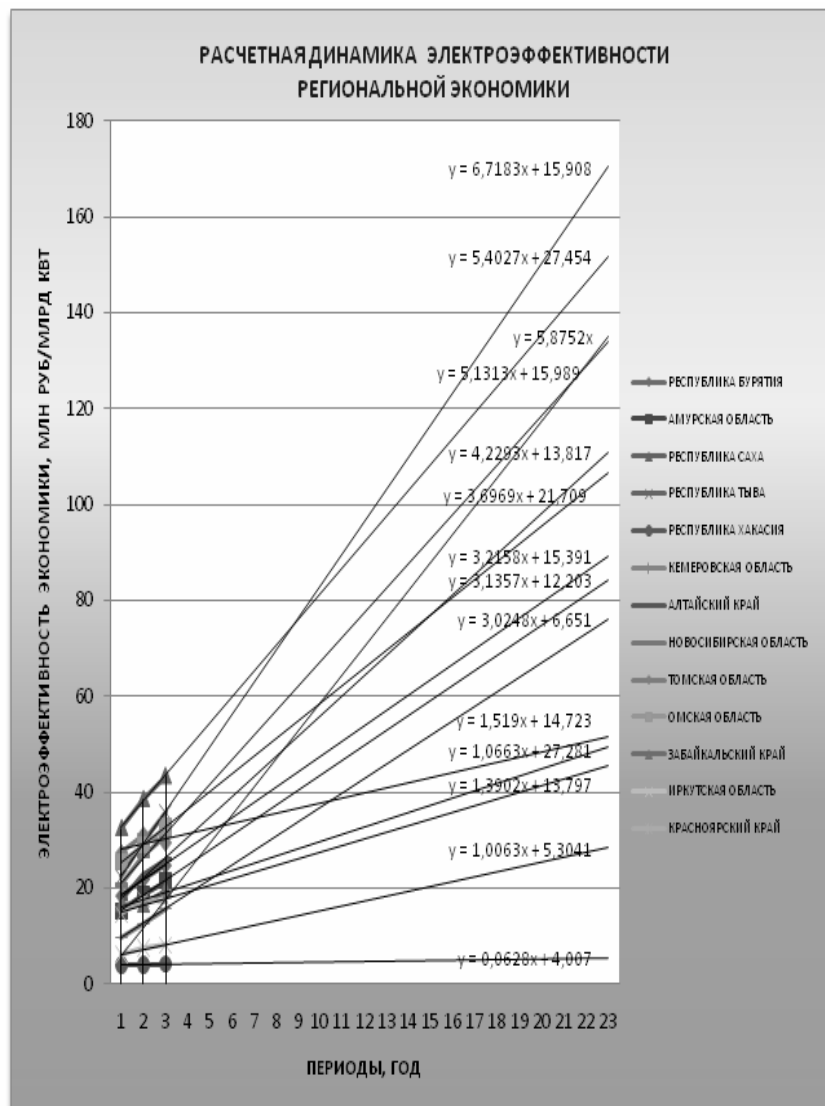

Рис. 2. Расчетная динамика ЭРЭ

Последнее означает, что по характеру изменения ЭРЭ в прогнозируемом периоде (в течение которого не происходит непредсказуемых изменений в структуре энергетического комплекса, технологиях генерации и передачи электроэнергии, в ценовой политике электроэнергетических компаний) можно судить об ожидаемых объемах ЭП на основе прогнозируемых изменений ВРП.

Результаты таких оценок для исследуемых регионов Сибири и Дальнего Востока представлены в таблице.

**Расчет динамики ЭП по прогнозируемому приросту ВРП
(годовой темп роста 20 %)**

Наименование региона	ВРП 2008, млн руб.	ВРП 2018 , млн руб.	ЭРЭ 2018, руб/ кВт·ч	ЭП 2008, млрд кВт·ч	ЭП 2018, млрд кВт·ч
Республика Бурятия	126830	253660	47	5,08	5,30
Амурская область	136784	273568	43	6,34	6,30
Республика Саха	304986	609972	81	7,02	7,50
Республика Тыва	24409	73227	83	0,68	0,88
Республика Хакасия	74087	148174	4	17,52	35,20
Кемеровская область	575942	1151884	37	36,58	31,38
Алтайский край	286841	573682	56	10,95	10,24
Новосибирская область	460087	920174	83	14,80	11,05
Томская область	251726	503452	37	8,51	13,60
Омская область	352937	705874	59	10,74	11,90
Забайкальский край	140866	281732	30	7,09	8,56
Иркутская область	456705	913410	15	55,74	59,70
Красноярский край	740233	1480466	28	42,59	52,80

В Забайкальском крае прогнозируемое значение ЭП по годам будет расти крайне медленно и достигнет к 2015 г. уровня 8,44 млрд кВт·ч, к 2023 г. – 8,69 млрд кВт·ч, а к 2029 г. – 8,80 млрд кВт·ч.

Оценка ЭП по прогнозируемой динамике ВРП интересна тем, что она не привязана жестко к отраслевой структуре экономики региона и уже тем более к составу конкретных объектов капитального строительства.

Сравнение полученных в данной работе результатов с данными федерального прогноза ЭП показывает, что максимальные расхождения результатов прогнозирования наблюдаются для Хакасии, Якутии, Новосибирской и Кемеровской областей. В остальных регионах расхождения незначительны, а для Красноярского края, Омской области и Тывы данные практически совпадают.

Очевидно, что достоверность прогноза во многом определяет перспективы развития энергетической отрасли региона, инвестиционную политику в энергетике, тарифную политику и последующее плани-

рование развития энергетической инфраструктуры региона.

Представляется, что использование методов прогнозирования, основанных на выявленной связи между объемами ЭП и прогнозируемыми изменениями ВРП, уместно при подготовке энергетических разделов документов территориального планирования регионального уровня.

Для решения вопросов территориального планирования, а именно – установления параметров и размещения объектов электроэнергетики, определяются потребности в дополнительной мощности и электроэнергии на территории субъекта Российской Федерации в связи с планируемым социально-экономическим развитием территории и размещением новых потребителей электроэнергии (объектов капитального строительства).

Потребности в дополнительной мощности определяются прогностическими методами. В процессе прогнозирования используются различные подходы, основанные на использовании прогнозов, осуществляемых федеральными органами в связи

с планируемым развитием энергетической отрасли страны в целом; эконометрических методах прогнозирования с учетом наблюдаемой динамики ЭП в регионе; оценках динамики ЭП в связи с прогнозируемой динамикой изменения макроэкономических показателей (ВРП); использовании результатов планирования развития электроэнергетических систем районного (местного) уровня при подготовке документов территориального планирования муниципальных районов на основе утвержденных нормативов, скорректированных в связи с планируемым размещением объектов капитального строительства регионального значения; расчетах ЭП объектов, планируемых к размещению непосредственно в составе СТП субъекта РФ на основе утвержденных нормативов ЭП и предполагаемых к размещению объектов капитального строительства федерального, регионального и местного уровней.

Последний подход является наиболее сложным, поскольку требует значительного объема дополнительных расчетов, основанных на гипотезах социально-экономического развития региона и его муниципальных образований. Метод прогнозирования, основанный на прямых расчетах ЭП, используется в процессе принятия решений по мероприятиям территориального планирования.

Два первых метода прогнозирования относятся к экспресс-прогнозам. Они необходимы для предварительной оценки перспективного ЭП при различных вариантах и сценариях территориального развития. Результаты прогнозов, полученных при использовании таких методов, верифицируются. Делается вывод о достоверности прогноза и о необходимости (или отсутствии необходимости) в развитии энергетической инфраструктуры и ее элементов.

Оценка динамики ЭП в связи с прогнозируемой динамикой изменения ВРП требует разработки в составе схемы территориального планирования (далее – СТП) субъекта РФ раздела, содержащего варианты перспективного социально-экономического развития территории, включая

вопросы развития топливно-энергетического комплекса.

Определение вариантов перспективного социально-экономического развития территории необходимо, в том числе, в связи с определением потребности в электроэнергии в новых и традиционных отраслях экономической деятельности. Именно на этом этапе происходит формирование гипотез экономического развития территории, обуславливающих предполагаемые объемы ЭП.

Результатом решения задачи рассмотренного этапа планирования были сценарии территориального развития, которые связаны с оценками изменений ВРП в прогнозируемом периоде.

Таким образом, для каждого из выбранных сценариев на основе изучения динамики изменений ЭРЭ могут быть сделаны прогнозы по объемам ЭП в регионе.

С учетом выделенных в документах территориального планирования Забайкальского края территориальных кластеров экономического развития, исходя из стратегических целей развития Читы и провинций края, сложившихся внешних условий социально-экономического положения, наиболее вероятными и приемлемыми сценариями в первом десятилетии XXI в. являются следующие:

1) «развитие края по инерции». Предполагается, что развитие будет идти в общем русле российской экономической политики в соответствии со складывающимися тенденциями, адаптируясь к происходящим изменениям в мире, стране, федеральном округе. Перспективы края будут определяться в большей мере внешними движущими силами;

2) ускоренное развитие края в направлении обретения им положения современного промышленного и сельскохозяйственного региона, ориентированного на рост производства сырьевой продукции, по существу, означающий возврат к основной специализации начала XX в. («сценарий, основанный на традиционных приоритетах развития или сырьевой сценарий»);

3) ускоренное развитие края как цен-

тра производства и потребления, ориентированного (с сохранением традиционных приоритетов) на ускоренное развития вторичного и третичного секторов экономики («Забайкальский край как реги-

он интенсивного развития всех секторов экономики»).

Представляет интерес рассмотреть прогноз изменения ВРП в базовых ценах 2004 г. для всех трех сценариев (рис. 3).

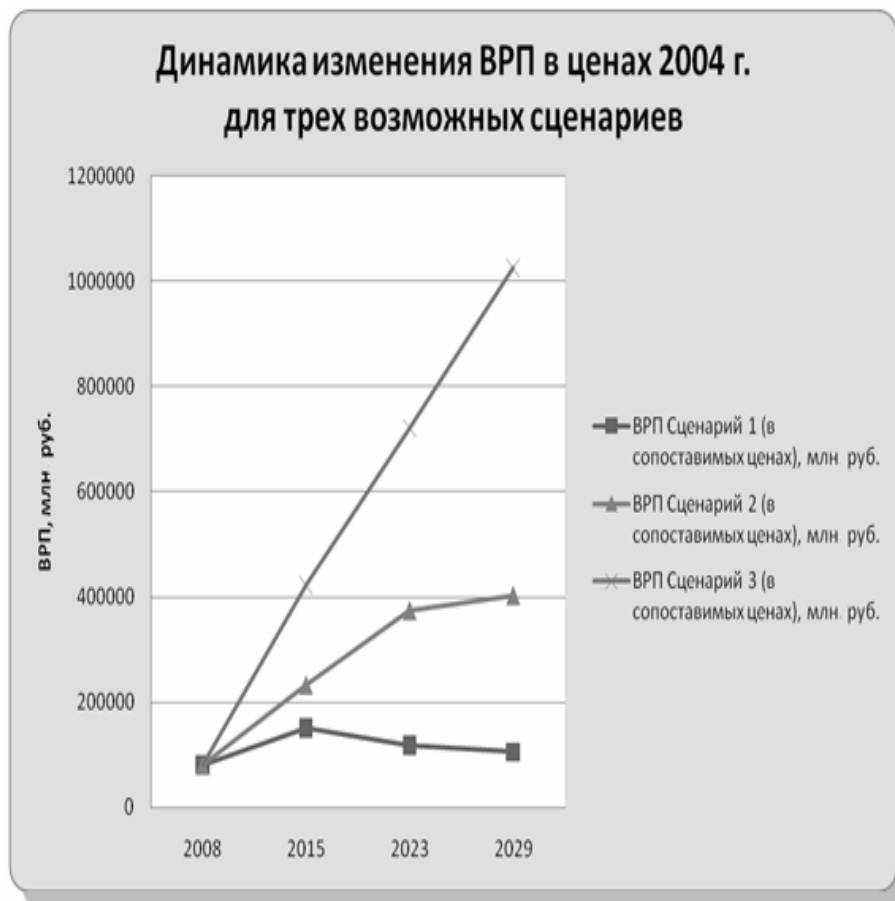

Рис. 3. Динамика изменения ВРП Забайкальского края в ценах 2004 г. для трех возможных сценариев

Прогнозируемая динамика показывает, что при инерционном сценарии возможно падение ВРП (в сопоставимых ценах) в среднем на 0,8 % в год. Сырьевой сценарий демонстрирует средний темп роста ВРП на 6,9 % в год (в сопоставимых ценах) или на 46,3 % в текущих ценах. Сценарий, основанный на интенсивном развитии всех секторов экономики, демонстрирует средний темп роста ВРП на 11,2 % ежегодно в сопоставимых ценах или на 85 % в текущих ценах.

Таким образом, только третий сценарий позволяет достичь в 2026 г. прироста ВРП (к уровню 2012 г.), предусмотренно-

го Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. По второму сценарию такого прироста можно достичь только за 22 года.

Расчет ЭП, выполненный по предложенной нами методике (без учета планируемого снижения инфляции), дает следующие результаты. При инерционном сценарии ЭП будет расти крайне медленно и достигнет к 2015 г. уровня 8,0 млрд кВт·ч, к 2023 г. — 8,69 млрд кВт·ч, а к 2029 г. — 8,9 млрд кВт·ч, что сопоставимо с результатами, полученными выше. При сырьевом сценарии ЭП будет расти с уско-

рением и достигнет к 2015 г. уровня 9,46 млрд кВт·ч, к 2023 г. — 10,33 млрд кВт·ч, а к 2029 г. — 10,7 млрд кВт·ч. При комбинированном сценарии ЭП будет расти более ускоренными темпами и достигнет к 2015 г. уровня 12,83 млрд кВт·ч, к 2023 г. — 13,97 млрд кВт·ч, а к 2029 г. — 14,46 млрд кВт·ч.

Таким образом, различие в ЭП между крайними сценариями развития составит 1,62 раза. Экспресс-прогноз динамики ЭП, выполненный методом экстраполяции (по наблюдаемой динамике за 2005-2008 гг.), дает результаты, показанные на рис. 4.

Рис. 4. Прогноз ЭП в Забайкальском крае до 2029 г. (по наблюдаемой динамике)

Сравнение различных методик показывает, что прогнозирование ЭП простейшим способом может быть использовано только в условиях инерционного развития.

Выполненные нами прогнозные оценки ЭП при их сопоставлении с интегральными расчетами, полученными в СТП Забайкальского края, и результатами федерального прогноза, полученными в Сценарных условиях развития электроэнергетики Российской Федерации на 2009-2020 гг., позволяют отметить следующее.

Сценарные условия прогнозируют рост ЭП уже к 2020 г. в 1,5 раза (при оптимистическом сценарии), что с точки зрения

инерционного сценария является явной переоценкой роста электропотребления, а по комбинированному сценарию — его недооценкой. Укрупненные интегральные расчеты роста ЭП в СТП Забайкальского края дают к 2029 г. рост в 1,64 раза, что на 20 % меньше, чем дает прогноз по предлагаемой нами методике, выполненный для комбинированного сценария.

Таким образом, очевидны преимущества методов прогнозирования динамики ЭП по заданным сценариям развития экономики регионов в документах территориального планирования субъектов РФ.

Литература

1. Сценарные условия развития электроэнергетики Российской Федерации на 2009-2020 гг. – М., 2008.
2. Схема территориального планирования Забайкальского края: аналитический доклад. – Москва-Чита, 2010.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мальшев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор Читинского государственного университета (ЧитГУ)
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, Candidate of technical sciences, docent, Chita State University, vice president eamalyshev@mail.ru

Научные интересы: региональная экономика, экономика энергетики

Research area: regional economy, power engineering economy

Сокол-Номоконов Э.Н., канд. техн. наук, доцент, профессор Читинского государственного университета, академик РМА

E. Sokol-Nomokonov, Candidate of technical sciences, docent, professor of Chita State University, RMA academician

Научные интересы: региональная экономика, экономическая и градостроительная география, муниципальное и государственное право, градостроительство и архитектура
Служ. тел.: (3022) 28-27-17

Research area: regional economy, economic and town-planning geography, municipal and state law.

Сокол-Номоконов В.Э., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 28-27-20

V. Sokol-Nomokonov, post-graduate fellow, Chita State University

Научные интересы: региональная экономика, экономика энергетики, градостроительство и архитектура

Research area: regional economy, power engineering economy, town-planning and architecture

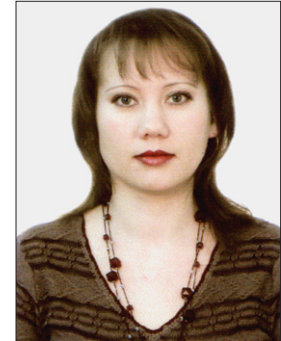
Философские науки

УДК 70 216

Зенкова Татьяна Леонидовна
Tatyana Zenkova

ДУХОВНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

SPIRITUAL ANTHROPOLOGICAL PARADIGM OF HUMAN BEING STUDY

Статья посвящена проблемам духовной антропологии и человеческого духу, в частности. Постигание человеческого духа означает познание человека в целом. Основой становления данной области знаний являются религиозная, педагогическая, психологическая, культурная, когнитивная и лингвистическая антропологии, а также когнитивная лингвистика

The article is devoted to issues of spiritual anthropology and to human spirit in particular. To understand human spirit means to understand human nature holistically. At the base of spiritual anthropology lies religious/pedagogical/psychological/cultural/cognitive/linguistic anthropology as well as cognitive linguistics

Ключевые слова: человеческий дух, религиозная антропология, духовная антропология, педагогическая антропология, психологическая антропология, культурная антропология, когнитивная антропология, лингвистическая антропология, когнитивная лингвистика

Key words: human spirit, spiritual anthropology, religious anthropology, pedagogical anthropology, psychological anthropology, cultural anthropology, cognitive anthropology, linguistic anthropology, cognitive linguistics

На рубеже XX-XXI вв. произошел антропологический взрыв в области гуманитарного знания. Появились такие направления, как «философская антропология», «социальная антропология», «культурная антропология» и др. Это свидетельствует о том, что центром мироздания становится человек, т.к. прогресс общества, несомненно, связан именно с ним. Поэтому актуальным представляется вопрос о том, является ли столь возросший интерес к человеку открытием нового знания о нем. Общеизвестно, что не было ни одного учения, сфокусированного на познание его в целом.

В рамках данной статьи рассматриваются проблемы духовной антропологии, основанной на религиозной, педагогической, психологической и культурной антропологиях, объектом изучения которых является дух человека, его духовная сущность, репре-

зентирующаяся через его мыслительные процессы и, в частности, через язык.

Анализируя основные аспекты духовной антропологии, философ А.А. Корольков отмечает, что «собственно исторически никаких иных образов антропологии не существовало, кроме телесной (естественно-научной, натуралистической) и духовной (религиозной). Иногда они обособлялись друг от друга, а иногда соединялись» (1; С. 6). Во всех классических антропологических трудах обнаруживается стремление осмыслить целостную природу человека, единство духовной и телесной организации. Даже в сочинениях религиозных антропологов подчеркивается единая духовно-телесная природа человека и обобщаются знания психологии, медицины и биологии.

Проблемы телесной и духовной антропологии у разных мыслителей рассматрива-

лись по-разному. У античных философов в большей степени звучала тема «душа-тело», в патристике «духовное-телесное», в Новое время зазвучала античная тема души и тела как психофизическая проблема, затем Гегель отверг психологизацию данной темы и апеллировал к Абсолютному Духу. При этом исходили из того, что телесной антропологией занимается преимущественно физиология и комплекс наук соответствующего медико-биологического направления, а духовная составляющая антропологии представлена психологией.

Однако отделить эти две составляющие невозможно, если считать, что человек построен по образу и подобию Бога. Ветхозаветный человек ощущал и осознавал себя как таинственное сопряжение души и тела, как соитие высокого и низкого. Новозаветное понимание человека иное: дух его воскресен, и он может не только осознавать сам себя, но и творить себя под действием Духа Божия. Новозаветный человек — человек духовный. Рассматривая человека с этой точки зрения, можно утверждать, что у человека четко прослеживается троичное деление — дух, душа и тело.

Многие отцы церкви, особенно греческие, отождествляли «дух» с греческим словом «νοῦς» (нус) — ум. В европейской традиции «дух» — это «раух», т.е. дуновение, однокоренными словами которого будут «дыхание», «вдохновение», т.е. необыкновенное состояние, когда человек чувствует подъем, прилив сил. Другими словами, дух — это то, что мы все время ощущаем. Человечество пронизано духом. Следовательно, чтобы познать человека в целом, нужно познать его дух, его духовную составляющую, то, чем он «дышит».

Поэтому обращение к проблемам духовной антропологии возникло в XXI в. случайно. А.А. Корольков полагает, что «духовная антропология питается через корни христианской, религиозной антропологии, но имеет широко раскинувшиеся ветви, крону в культуре, в семейных традициях, в национальной психологии, в образовании» (1; С. 14). Основываясь на данном толковании, следует отметить, что духовная ан-

тропология возникла на основе интеграции таких антропологических составляющих, как религиозная, педагогическая, психологическая и культурная. Развивая целостную концепцию человека, важное значение имеют результаты взаимодействия разных наук. В рамках данной статьи представляется необходимым рассмотреть проблемное поле так называемых «ассоциативных» антропологий.

Особое место в данной проблематике занимает религиозная антропология, как основополагающая в становлении духовной антропологии. Она изучает человека и его отношение к богам, божеству, освященному в этнических и мировых религиях, а также рассматривает человека, находящегося во взаимодействии, взаимоотношенности с неким сверхъестественным божественным началом. Известно, что вопросами религиозной антропологии занимались такие ученые, как К.И. Никонов («Современная христианская антропология». — М., 1983), Г. Нисский («О природе человека». — М., 1995) и др. К основным общеизвестным положениям религиозной антропологии следует отнести: во-первых, рассмотрение человека в его неоднородной двойственности, которая может пониматься как трансцендентное и имманентное, небесное и земное, духовное и телесное; во-вторых, возжелание к трансцендентному, что означает несвязанность человека своей природой как застывшей и неизменной определенной данностью, а осуществление ее в качестве самопреодоления, экзистирования или трансцендирования; в-третьих, способность человека раскрывать свою глубинную родственность с божественной сакральностью в особых состояниях, таких как соприкосновение со смертью, стояние перед необходимостью выбора, любовь, отстаивание своего права на свободу и т.д.

Следующим этапом в становлении духовной антропологии выступает педагогическая антропология — человековедение, служащее воспитанию и обучению людей. Человек рождается без какой-либо религии, только через воспитание и обучение «развивается» дух человека, и он пред-

ставляет собой «богоподобное существо». Педагогическая антропология стремится понять, как очеловечивается человек и как люди разного возраста влияют друг на друга. Законы индивидуального и группового развития становятся базой.

Объектом педагогики является растущий, развивающийся человек в неразрывном слиянии природного, общественного и индивидуального в нем. Педагогика направлена на совершенствование личности как единства физического и духовного, унаследованного и приобретенного, биологического и социального, соматического и психического. Современный исследователь В.Г. Малахов подчеркивает, что «именно духовность является той фундаментальной категорией, на которой должно базироваться становление личности» (3, эл. вариант). Духовность занимает первое место, а уже потом человек приобретает самосознание, возможность осознать свои потребности и интересы, оперировать символическими ценностями для других и определять свои потенции в отношении ценностей «для себя». Духовное измерение предполагает, прежде всего, изучение содержания и внутренних механизмов становления и развертывания духовного потенциала человека. Сущность человека – в движении, в постоянном духовном преобразовании себя, в актах выхода за свои пределы, в самостроительстве, в самовоспитании. Выдающийся педагог К.Д. Ушинский полагает, что синтез научного знания о природе человека служит объяснению и пониманию не только сущности воспитания, но и самого развития, которое он рассматривает как многоуровневый, иерархический процесс восхождения от физиологических процессов к душевным, от них – к духовным. Следуя православной традиции, К.Д. Ушинский связывает воспитание с иерархическим трехкомпонентным устройством человека – его духа, души и тела. Именно духовная жизнь в человеке определяет начало его цельности и органической иерархичности. Выражением духовного начала в человеке служат душевная и физическая сфера. Целостность человека и иерархичность его

организации обуславливают особенности в его развитии. Целью воспитания, согласно Ушинскому, является «сам человек, а в человеке – его душа». Предпосылки органичного, целостного развития ребенка ученый-педагог видит в природе его души. Таким образом, педагогическая антропология не может существовать и иметь место быть без знаний в области психологии как науки о человеческой душе.

На определенном этапе развития психологическая антропология включала в себя изучение категории «души» как предмета познания. Так, Сократ под термином «душа» понимал психические качества человека, свойственные ему как разумному существу, умеющему действовать согласно нравственным идеалам. Главным двигателем человеческого поведения, по его мнению, должен быть разум, который в отличие от изменчивых чувствований обладает непреходящей прочностью. К основным проблемам психологической антропологии следует отнести соотношение культуры и мышления; бессознательные формы поведения; измененные состояния сознания; аномальное в культуре; национальный характер; детство как культурный феномен. Долгое время психологическая антропология существовала как наука о душе, затем предметом было провозглашено сознание, и затем поведение. Она изучает рациональное и иррациональное в мышлении и поведении человека. С одной стороны, это ментальные структуры культуры, а с другой – коллективное бессознательное, его символическое выражение, сон, медитация, транс. Современная психологическая антропология представлена такими именами, как Ф. Хсю, Дж. Хонигман, А. Уоллес, М. Спиро и др.

В продолжение мысли Сократа о разуме важен когнитивный подход, изучающий процессы познания, который развился в эпоху становления антропологической парадигмы знаний. Он сравнительно молод и связывается с трудами Ульриха Найссера, появившимися в 60-е гг. XX столетия. Психологи, развивающие этот подход, утверждают, что индивидуум не просто ма-

шина, слепо и механически реагирующая на внутренние факторы и события внешнего мира, ему доступно нечто большее, чем поступающая информация. Исследователи данного подхода хотели понять, как человек расшифровывает информацию о реальной действительности и организует ее с тем, чтобы принимать решения или разрешать проблемы, встающие перед ним постоянно. Они открыли новые возможности изучения высших психических функций и объяснения сознания, которые до них в психологии не исследовались. Человек был описан с помощью конструктов, зная которые о каждой конкретной личности, возможно было бы прогнозировать ее будущее и не нужно никаких мотивационных теорий. Здесь уместно рассмотреть вопросы когнитивной антропологии, где важнейшим элементом культуры выступает мышление, благодаря которому человек познает окружающий мир. По мнению ряда историков науки, у истоков когнитивной антропологии стоят американские антропологи У. Гудэнаф, Ф. Лаунсбери, Х. Конклин, психологи С. Брунер, Дж. Остин и др. Целью когнитивной антропологии является изучение структуры картины мира. По определению Роберта Редфильда, одного из первых антропологов-когнитивистов, картина мира — это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире. Когнитивная антропология пытается посмотреть на картину мира изнутри, глазами носителя культуры понять и описать мир людей других обществ в их собственных терминах, их восприятия и переживания в опыте.

Итак, культура, с точки зрения психологической антропологии — это система ментальных значений, которая охватывает все аспекты мироздания, как материальные, так и идеальные, психические, если они лежат внутри принятых культурой рамок, и которая представляет собой структуру, в которой все компоненты жестко взаимосвязаны и взаимозависимы. Вопрос в том, каковы принципы, лежащие в основе этой структуры? Очевидно, что для каждой

культуры, коль скоро культуры значительно отличаются друг от друга, эти принципы индивидуальны, национально неповторимы, их и постигает психологическая антропология.

Без сравнительного исследования культурных общностей или обществ изучение психологии того или иного народа будет непостижимо. Именно культурная антропология и рассматривает данные вопросы. Предметом изучения культурной антропологии является совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обуславливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени.

Культурная антропология исследует развитие культуры во всех ее аспектах: образ жизни, видение мира, менталитет, национальный характер, результаты духовной, общественной и производственной деятельности человека. Культурная антропология изучает уникальную человеческую способность развивать культуру через общение, через коммуникацию, в том числе и речевую, рассматривает огромное разнообразие человеческих культур, их взаимодействие и конфликты. Особое внимание уделяется взаимодействию языка и культуры.

В начале XX в. важнейшим аспектом, определяющим моментом в изучении культур стали особенности мышления. Первыми и наиболее значительными исследованиями были работы Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении. Мышление рассматривалось не только как аналитическая способность человека, но и как совокупность способов и приемов познания и объяснения окружающего мира. Особое значение имела гипотеза о влиянии языка на культуры и способ видения окружающего мира. Она получила название лингвистической относительности. Иногда ее называют гипотезой Сэпира-Уорфа (по фамилии создателей). Американский лингвист Уорф утверждал, что язык не просто средство выражения мыслей, а форма, от которой зависит образ наших мыслей. Понимая язык как «орган,

образующий мысль», В. Гумбольдт подчеркивал зависимость языка от мышления и обусловленность его каждым конкретным языком, заключающим в себе свою национальную самобытную классификационную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира.

Гумбольдтское учение было продолжено, и в настоящее время ученые говорят о лингвистической антропологии как «науке о человеке, увиденном сквозь призму языка, творящем язык, человеке, чей образ сохранен в языке» (2; С. 104), а лингвистика конца XX в. ознаменовалась введением в свой концептуальный и метаязыковой аппарат термина «картина мира».

В современной лингвистике под языковой картиной мира традиционно понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и средство оформления концептуальной системы знаний о мире, объектом которой является концепт. Следовательно, концепт является базовым понятием не только когнитивной антропологии, но и когнитивной лингвистики.

Таким образом, рассматривая человека в рамках духовной антропологии, нельзя игнорировать когнитивную и, следо-

вательно, лингвистическую антропологию, рассматривая их как «ассоциативные» или «базовые», на основании которых и возникла духовная антропология. Так, к характеристике «духовной антропологии» А.А. Королькова следует добавить, что «крона» духовной антропологии включает и когнитивно-лингвистические учения определенной нации.

Следующим доводом в становлении духовной антропологии как науки, изучающей дух человека и человека в целом, является то, что перечисленные «ассоциативные», или «базовые» науки основаны на изучении человеческого духа, на внутренней сущности человека: в религии — это бог (дух, имеющийся у каждого человека в душе); в педагогике — душа ребенка (его внутренняя духовная суть); в психологии — разум (деятельность духа), в культуре — обычаи, традиции народа (результат деятельности человеческого духа).

Отсюда следует вывод, что только при синкретическом подходе к познанию человека его духовная составляющая становится постижимой. А познание духовной составляющей означает познание человека в целом. Таким образом, становление духовной антропологии на основе так называемых «ассоциативных» антропологий является основополагающей на современном этапе развития общества в антропологической парадигме знаний.

Литература

1. Корольков А.А. Духовная антропология. — СПб.: С.-Петербург. ун-та, 2005. — 324 с.
2. Любимова Л.М. Антропологическая лингвистика и лингвистическая антропология // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Междунар. конф. в 4 частях. — Кемерово: Юнити, 2006. — Ч. 3. — С. 104-109.
3. Малахов В.Г. Понимание человека в педагогической антропологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vspu.ru/kafedra-filosofii-i-politologii/dopolnitelnye_materialy/mirovozzrenie-filosofiya-nauka/malahova-v-g-problema-ponimaniya-cheloveka-v-pedagogicheskoi-antropologii. — Загл с экрана. (Дата обращения 25.06.10).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Зенкова Т.Л., ст. преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, соискатель, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

T. Zenkova, senior teacher, research fellow, Theoretical and Applied Linguistics Department of Chita State University

Научные интересы: философская антропология, духовная антропология, когнитивная лингвистика

Research area: Philosophical Anthropology, Spiritual Anthropology, Cognitive Linguistics

УДК 130.2 (517.54/55)

Кондакова Наталья Сергеевна
Natalia Kondakova

ПРОТЕСТАНТИЗМ НА КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПОЛЕ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

PROTESTANTISM IN EAST ZABAİKALIE

Представлена проблема развития протестантизма на территории Забайкальского края. Особое внимание уделено основным периодам появления протестантизма в Забайкалье. Также представлены результаты исследований протестантских церквей в Забайкалье

Ключевые слова: религия, протестантизм, протестантские организации

The author addresses Protestantism as it emerged and developed in Transbaikalie and exemplifies her research of the Protestant organizations in the region

Key words: religion, Protestantism, Protestant organizations

Существует необходимость в более детальном изучении, анализе и характеристике протестантских организаций на территории Забайкалья. Это обусловлено тем, что часть организаций, особенно «позднего» протестантизма, ведут активную миссионерскую деятельность в регионе, и это приводит к негативному отношению со стороны населения и общественных институтов к данным организациям. Кроме этого, сохраняется возможность столкновений на религиозной почве с традиционными в данном регионе верованиями.

Представляется логичным на основании трудов С. Боудэна, О.В. Волковой, А.О. Барина, Н.Н. Константиновой [см., напр., 1; 3; 5; 9] разделить историю протестантизма в регионе на следующие периоды: первое появление протестантизма в Забайкалье приходится на начало XVII в. На территории края появляются немецкие поселенцы, а вместе с ними — и лютеранство. «Первые российские немцы в Забайкалье появились в составе правительственных экспедиций» [4; С. 49]. Как и в целом по России, лютеранство выступает этнической религией и, как правило, распространяется среди немецкого населения.

Далее следует отметить появление на территории соседней Бурятии Лондонского миссионерского общества, что стало вторым периодом появления протестантизма в Забайкалье. С 1814 г. Лондонское миссионерское общество начало свою работу по Сибири с целью достижения Китая и Монголии через Бурятию [5; 3]. «Миссия среди бурят, монгольского племени, живущего под властью России, была начата Э. Сталибрасом и В. Сваном, которые покинули Англию в 1817-1818 гг. Поначалу миссия была основана в Селенгинске» [3; С. 54]. К 1842 г., благодаря стараниям Русской православной церкви, работа миссионеров прекращена и не принесла ощутимых результатов [5, 3].

Следующий этап проникновения протестантизма обусловлен изменением политики государства по отношению к религии. После царского Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего принцип веротерпимости, в Забайкальской области появился баптизм и адвентизм [1; С. 200].

В. Секерин предполагает, что появление данного религиозного течения в Забайкалье, возможно, связано с началом первой мировой войны. Первое разрешенное богослужение

жебное собрание последователей адвентизма состоялось 19 мая 1914 г. в Чите [6; 6].

Дальнейшее развитие и распространение протестантизм получает во времена Советской власти. В Забайкалье он переживает те же тенденции, что и на всей территории СССР: первоначальную лояльность, затем период репрессий и возрождение. К моменту возникновения СССР уже существующие в данном регионе баптизм и адвентизм продолжают свое развитие: в 40-50-е гг. XX в. в результате репрессивной политики государства в Забайкалье появляются Свидетели Иеговы. Рассматривая историю самого многочисленного на сегодняшний день протестантского движения на территории края — пятидесятничества, необходимо отметить, что его официальное появление связывается с 90-ми гг. XX в. Однако в некоторых публикациях есть упоминание о существовании отдельных раздробленных общин в период Советской власти [10]. На 80-е гг. приходится период активизации деятельности некоторых протестантских организаций. А. Бородин следующим образом характеризует религиозную ситуацию к 1984 г. по Читинской области: «В Железнодорожном районе зарегистрирован молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, где также свободно собираются верующие. За последние два года зарегистрировались группы баптистов в Шилкинском и Чернышевском районах, адвентисты седьмого дня на Чите первой. Не возражает против регистрации читинская группа свидетелей Иеговы, возглавляемая И.А. Пеньковым» [2; 3]. Несмотря на некоторое потепление в отношениях между религиозными объединениями и властями, наблюдающееся в этот период, верующие по-прежнему не доверяли государству.

Пятый период формирования протестантизма в Забайкалье начинается с 90-х гг. XX в., он характеризуется резким увеличением числа конфессий на территории РФ. Прежде всего, этот процесс был вызван складыванием рынка, ориентированного на удовлетворение духовных запросов и нужд россиян, интенсивным потоком зарубежных миссионеров, очередным рас-

колом в православии и появлением новых религий российского и зарубежного происхождения. В это время продолжают свою деятельность уже известные в области организации: баптисты, адвентисты, Свидетели Иеговы, которые проходят регистрацию в государственных органах. На этот период приходится расцвет пятидесятнического движения.

В мае 1993 г. в Забайкалье появляется еще одна христианская религиозная организация, именуемая Новоапостольской церковью. Согласно официальным данным, среди зарегистрированных протестантских организаций последней была Лютеранская община, хотя лютеране самыми первыми появились на забайкальской земле. Она прошла регистрацию в 2000 г. [7; С. 23]. На наш взгляд, этот факт показывает, что данная религия имеет здесь свои этнические корни и поэтому не ставит перед собой задач активной евангелизации населения, оставаясь, в основном, религией для россиян, имеющих далекие западные корни. Однако современная ситуация с лютеранской общиной достаточно сложная, что обусловлено противоречиями внутри самой организации.

В целом, к началу XXI в. в Читинской области было представлено шесть направлений протестантизма, типологически основная часть относится к «позднему» протестантизму, который представлен на территории региона следующими направлениями: пятидесятничество, баптизм, Новоапостольская церковь, адвентизм, Свидетели Иеговы. Из течений «раннего» протестантизма представлено только лютеранство [8; С. 64].

Широкое распространение влияния протестантизма и неуклонный рост численности последователей ставит на повестку дня вопрос о том, насколько приемлемо в обществе присутствие протестантов. С целью изучения протестантских организаций Забайкалья было предпринято исследование методами интервьюирования, анкетирования и наблюдения. В 2006-2009 гг. исследованы пятидесятническая церковь «Спасение в Иисусе», баптистская церковь

«Антиохия», Новоапостольская церковь, Организация Свидетелей Иеговы. В целом было опрошено 155 человек.

Для анализа использовались категории, предложенные Богардусом для измерения социальной, религиозной, этнической дистанции. Наиболее важной сферой взаимодействия, по мнению Богардуса, является семья. В нашем исследовании был задан вопрос «Считаете ли вы для себя возможным вступление в брак с представителем другой религии», ответы на который показывают следующее: среди всех верующих 38,7 % ответили «нет, это неизбежно вызовет конфликты в семье»; 7,3 % ответили «нет, так как не хочу, чтобы мои дети столкнулись с проблемой выбора религии»; 4 % ответили «нет, так как хочу, чтобы мои дети были той же религиозной принадлежности, что и я»; 2 % «нет, так как не могу нарушить семейные традиции»; 1,3 % отметили два ответа «нет, это неизбежно вызовет конфликты в семье» и «нет, так как не хочу, чтобы мои дети столкнулись с проблемой выбора религии»; 14 % ответили, что «религия супруга не имеет значения» и лишь 2,7 % ответили «да, так как это обогатит наше духовное общение и будет полезно для воспитания детей». Кроме того, 25,3 % привели свой вариант ответа: «библия запрещает»; «нет, так как подрывается собственная вера в единого бога», «желательно быть одной веры».

Таким образом, большинство опрошенных относятся к браку с представителями другой религии отрицательно, что показывает важность данной сферы для респондентов и нежелание допускать в нее неблизких духовно людей. Однако это показывает и некую нетерпимость в отношении к представителям другой религии, невозможность близкого взаимодействия у людей различных религиозных традиций, что, как правило, приводит к разладу в семье, когда один из супругов обращается в протестантскую веру, часто именно за это упрекают протестантские организации и называют их сектами. Некоторые протестантские религиозные организации более ревностно относятся к данной сфере отно-

шений и не терпят никакого отступления от принятых догм. Однако к какой бы религиозной организации человек не принадлежал, семейная сфера всегда попадает под влияние религии и именно ей уделяется большее внимание.

Следующий вопрос направлен на исследование мнения опрошиваемых в отношении такой сферы отношений как дружба: «Считаете ли вы для себя возможным вхождение в круг ваших друзей представителей других религиозных убеждений». Были приведены следующие ответы: 64,7 % среди всех опрошенных ответили «да, я допускаю такую возможность»; 30 % ответили «при выборе друзей религия не имеет для меня принципиального значения» и лишь 4 % «исключают такую возможность».

Таким образом, сфера дружеского общения и дружеских интересов не имеет столь сакрального значения как семья и поэтому большая часть респондентов готовы вступать в дружеские отношения с представителями других религиозных убеждений.

Следующие категории – коллега, сосед, используемые в шкале Богардуса, получили примерно одинаковое распределение ответов. На вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы Вашим коллегой стал представитель другой религии?» ответы распределились следующим образом: 56,7 % всех опрошенных ответили «положительно»; 34 % отметили, что «мне все равно»; 6 % ответили «отрицательно».

На вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, что Вашим соседом стал представитель другой религии?»: 54,7 % ответили «положительно»; 38,7 % высказали мнение «мне все равно»; 4 % отметили «отрицательно».

Таким образом, из приведенного анализа видно, что для протестантов наиболее значимой является сфера личного, а именно – семья, поскольку именно там создается духовный климат личности, формируются ее основные качества, сохраняются традиции.

Лояльное отношение ко всем остальным категориям показывает не только толерантность протестантов, но и взаимодействие с представителями других религиозных убеждений, что позволяет распространять

свое вероучение на другие группы, тем самым привлекая их в ряды той или иной организации.

Для уяснения места культуры Забайкалья в жизни организации и наоборот был задан вопрос: «Насколько важна для вашей организации культура Забайкалья?», на который были даны следующие ответы: «Не важна, организация существует вне зависимости от культуры Забайкалья» – 16,7 %; «Не очень важна, но оказывает влияние на организацию» – 14,7 %; «Очень важна, поскольку мы все живем в культурном пространстве Забайкалья» – 66 %. Как видно, большинство опрошенных отмечают особенности культурного пространства Забайкалья и осознают ее важность для организации, соответственно учитывают особенности региональной культуры. Один из респондентов обобщил все сказанное: «Любая религия не просто часть, а основа культуры какого-либо народа. Забайкалье – многонациональный край. Любая религия, а значит, религиозная организация очень важна в организации и развитии культуры Забайкалья, как и развитие истории и культуры Забайкалья важны для каждой религиозной организации».

Следует отметить, что представители различных организаций по-разному оценивали степень важности для своей организации культуры Забайкалья: среди баптистов первое утверждение и последнее получили примерно равное количество ответов (38,5 и 33,3 % соответственно), а второй ответ получил 25,6 %; среди пятидесятников 75 % ответили, что «очень важна»; 13 % отметили второй ответ и 8,7 % – первый; среди Новоапостольской церкви 84 % респондентов ответили «очень важна» и 10,5 % – «не важна».

На наш взгляд, данное положение объясняется тем, что Новоапостольская церковь и пятидесятники, достаточно молодые религиозные течения для данного региона и соответственно их приверженцы еще не окунулись полностью в вероучение организации и сохраняют свою взаимосвязь с традиционной культурой края.

Следующий вопрос о том «Насколько

важна для Вас лично культура Забайкалья» подтверждает выдвинутый тезис, ответы распределились следующим образом: «очень важна, поскольку родился и вырос в этой культуре» – 54,7 %; «важна отчасти» – 39,3 %; «абсолютно не важна» – 4 %.

Среди верующих разных религиозных организаций данные о важности лично для них культуры Забайкалья распределяются следующим образом. Среди пятидесятников больший процент людей считают ее важной, поскольку родились и выросли в этой культуре – 56,5 % и 36,9 % считают ее важной лишь отчасти; в то время как в баптистской организации 64,1 % считают ее важной отчасти и лишь 28,2 % очень важной, поскольку родились и выросли в данной культуре. В Новоапостольской церкви все считают ее очень важной, поскольку родились и выросли в этой культуре.

Пятидесятники и Новоапостольская церковь тесно связаны с культурой Забайкалья и считают крайне важным факт принадлежности к данной культуре; баптисты, в свою очередь, не относят ее к разряду важных факторов жизни человека. На наш взгляд, это подтверждает следующий тезис: чем меньше существует протестантская организация на территории региона, тем более важна традиционная забайкальская культура для ее последователей и наоборот, чем больше время существования организации в регионе, тем менее важна культура Забайкалья как в целом для организации, так и для ее отдельных представителей.

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы выявить некоторые особенности забайкальского протестантизма:

– во-первых, протестантизм, попав в культурное и конфессиональное поле Забайкалья, вынужден был приспособливаться;

– во-вторых, наиболее активную и весомую позицию занимают движения позднего протестантизма, особенно пятидесятники, причем в большей степени за счет широкого набора средств, поскольку те организации протестантизма, которые не имеют финансовой поддержки из-за рубежа и собственной этнической основы в регионе, выживают достаточно сложно и

являются объектами для присоединения к более крупным религиозным организациям (лютеране – католики; Новоапостольская церковь, адвентисты – пятидесятники);

– в-третьих, часть организаций возникает изначально на периферии, а затем появляется в центре (Свидетели Иеговы (г. Балей – г. Чита); пятидесятники (Дульдурга – Чита);

– в-четвертых, большое значение для малых религиозных объединений играет приезд проповедников, и именно тогда прихожане активизируются, а затем движение вновь идет на спад.

Следует отметить, что конфессиональное поле Забайкалья многообразно, протестантские организации существуют здесь достаточно давно, они мирно сосуществуют с традиционными для региона конфессиями и ведут активную деятельность. Однако потенциальные проблемы заложены, на наш взгляд, в следующем:

– противостояние с православной церковью;

– исчезновение малых религиозных объединений.

Таким образом, протестантизм в Забайкалье прошел длительную историю развития и успешно развивается. Как в целом по стране, так и в Забайкалье, в частности, он старается адаптироваться к тем условиям, историческим реалиям и культурному пространству, в которое попадает. Он мимикрирует под окружающую его среду, постепенно трансформируя ее под свою идеологию. Как было замечено на нескольких богослужениях в протестантских церквях, они стараются не отрываться от тех проблем, которые волнуют регион в целом, несмотря на то, что большая часть проповедников – это люди, приехавшие в Забайкалье и не являющиеся носителями традиций [11; С. 24].

Литература

1. Баринов А.О., Фомина М.Н., Константинова Н.Н. Религии // Энциклопедия Забайкалья. Т. 1. – Чита, 2000. – 440 с.
2. Бородин А. Свобода совести и законность // Забайкальский рабочий, 07.09. 1984. – С. 3.
3. Bawden C.R. Shamans, Lamas and Evangelicals. The English missionaries in Siberia / C.R. Bawden. – Norfolk, Great Britain – 1985. – 260 p.
4. Вагнер В. Немцы в Забайкалье // Забайкалье. – Чита, 2004. – № 2. – С. 49.
5. Волкова О.А. Автореферат дис. канд. филос. наук.
6. Дженсен Б.Б. Огни в пути (биографическая повесть). – Христианское издательство, 1990. – 62 с.
7. Жуков А.В., Янков А.Г., Баринов А.О., Дроботушенко А.В. Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье. – Чита, 2003. – 160с.
8. Иваненко С. И. Протестанты в современной России: проблемы типологии, определения их численности и обретения авторитетными протестантскими объединениями статуса социального партнера государственных институтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.sova-center.ru/pablications/4C5458F/4DCEF40> (24.01.2005).
9. Константинова Н.А. Важно, что мы встречаемся, что нас объединяет любовь к Богу. – Забайкалье: наука, культура, жизнь. – № 2. – Чита, 2004. – С. 22-26.
10. Комаров В.А. Правда о дарасунских пятидесятниках // Забайкальский рабочий. – 1957. – 11 апр.
11. Секерин В.П. Религии на карте Забайкалья. – Чита, 1995. – 80 с.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Кондакова Н.С., ст. преподаватель, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 26-22-29

N. Kondakova, senior teacher, Chita State University

Научные интересы: религия, конфессиональное поле, протестантизм

Research area: Religion, religious area, Protestantism

УДК 101.1

Намсараева Елена Цыден-Ешиевна
 Elena Namsaraeva

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ КОРЕЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

TRANSFORMATION OF BASIC VALUES OF KOREANS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Представлены результаты полевых исследований базисных человеческих ценностей, проведенных в Республике Корея. Раскрыты основные жизненные ценности корейского этноса, дан их анализ по методике Ш. Шварца, проведено ранжирование ценностей по степени важности, раскрыты динамические отношения между ними

The article is based on the data obtained in the field research made in the Republic of Korea. The author analyzes basic Korean values in terms of S.Schwartz's method, ranks them according to their importance and analyzes dynamic relations among the values

Ключевые слова: ценности, базисные человеческие ценности, тип мотивационных целей, теория динамических отношений между ценностями, безопасность, достижение, конформность

Key words: values, Basic Human Values, Type of Motivational Goals, Theory of Dynamic Relations among the Values, Security, Achievement, Conformity

Сравнительные исследования (кросс-культурные) жизненных ценностей, распространенных в различных культурах, становятся все более актуальными в контексте современных процессов глобализации и широко используются в социальных исследованиях [1]. Прежде всего, это связано с потребностью сохранения собственной этнокультурной идентичности в становящемся все более единым человеческом сообществе, а также с естественным ростом интереса к культурам других этнических групп и государств в связи с резко возросшей во второй половине XX-начале XXI вв. интенсификацией культурных контактов [2].

Культурные контакты как позитивной, так и негативной направленности в глобализирующемся мире, противоречие между национальными государствами и населяющими их различными этническими группами приводят к необходимости поиска средств выявления и предотвращения возможных

межэтнических конфликтов и содействия развитию толерантности по отношению к носителям иной культуры, иной этничности. Именно поэтому изучение жизненных ценностей различных, порой весьма несхожих между собой этнических групп является актуальным [3].

Кроме того, изучение ценностных ориентаций различных этнических групп является важным в связи с широко используемой в современном мире манипуляцией сознанием тех или иных этнических групп политическими элитами. Поскольку политические лидеры, как правило, хорошо осведомлены о ценностных предпочтениях масс, они используют свои знания для политической мобилизации и управления процессами внедрения в сознание этноса определенных политических и идеологических ценностей и представлений [4].

Современные глобализационные процессы диктуют новые условия «поведения»

этносов. Трансформация внутри различных уровней культуры этносов, актуализированная глобализацией, обнаруживает изменение культурных форм, появление новых, смену ценностей этносов. Генезис социокультурных систем в настоящее время определяется формированием глобального сообщества, чрезвычайно подвижного и неустойчивого, с размытой идентичностью и системой ценностей, с одной стороны. С другой – возникновением многочисленных субкультур, имеющих наряду с положительными чертами множество негативных последствий, выражающихся, к примеру, в потере целостности, дроблении культурного пространства на множество фрагментов, его составляющих.

И, наконец, генезис этнокультурных форм, локальных культур в условиях глобализации – это момент их коренного преобразования или нивелирования, порождающий антиглобалистские волнения. Именно поэтому обращение к духовному потенциалу культуры, как способу сохранения адекватности общества, является «ответом» локальных культур на глобальный вызов и свидетельствует об усилении роли культуры в надтерриториальной коммуникации [5]. Поэтому для определения сохранности уникальности и неповторимости этносов мы обращаемся к изучению их базисных ценностей.

Одним из наиболее известных зарубежных исследователей базисных человеческих ценностей, чью методику мы используем в нашей работе, является американский ученый, исследователь социальной психологии и социологии Шалом Н. Шварц, который в 1970-х гг. XX в. разработал методику кросс-культурного изучения жизненных ценностей, получившую международное признание и использовавшуюся в 64 странах мира [6; 7].

Методика Ш. Шварца достаточно хорошо известна в Российской Федерации [8; 9]. Так, например, в работе российского исследователя В.Н. Карандашева детально анализируется понимание жизненных ценностей Ш. Шварцем [10]. Он обращает внимание на то, что при всем различии

ценностей в культурах стран мира присутствуют общие черты, характерные для всех человеческих обществ:

1) ценности – это убеждения, связанные с эмоциями, а не объективные холодные идеи;

2) ценности – это желаемые человеком цели и образ поведения, который способствует достижению этих целей;

3) ценности являются абстрактными целями, они не ограничены определенными действиями и ситуациями;

4) ценности руководят выбором образа действия или оценкой людей и событий, т.е. служат стандартом, или критерием;

5) ценности по важности упорядочены относительно друг друга, что формирует систему ценностных приоритетов.

Таким образом, жизненные ценности определяются Ш. Шварцем как желаемые, надситуационные цели, различаемые по важности и служащие ведущими принципами жизни людей.

Важным аспектом в различии между ценностями является тип мотивационных целей (*type of motivational goals*), которые данные ценности выражают. Десять мотивационно ясных, обширных и базисных ценностей были извлечены из трех универсальных требований положения человека: необходимость биологического организма быть индивидуумом, необходимость в согласованном социальном взаимодействии, необходимость группы в выживании и благосостоянии. Для каждой из десяти базисных ценностей характерна своя основная цель:

1) *самостоятельность (Self-Direction)* – независимость мысли и действия;

2) *стимуляция (Stimulation)* – волнение, новизна и проблемы в жизни;

3) *гедонизм (Hedonism)* – удовольствие и чувственное удовлетворение;

4) *достижение (Achievement)* – личный успех через доказательство своей компетентности согласно социальным стандартам;

5) *власть (Power)* – социальный статус и престиж, контроль или преобладание над людьми и ресурсами;

6) *безопасность (Security)* – безопасность, гармония и стабильность общества, отношений и самого себя;

7) *конформность (Conformity)* – сдержанность в действиях, влечениях и побуждениях, которые возможно расстроят или нанесут вред другим и нарушат социальные ожидания или нормы;

8) *традиция (Tradition)* – уважение, принятие и исполнение обычаев и идей, характерных для данной традиционной культуры или религии;

9) *доброта (Benevolence)* – сохранение и преумножение благополучия близких людей;

10) *универсализм (Universalism)* – понимание, высокая оценка, толерантность и защита благополучия всех людей и природы [11].

При этом Шварц говорит, что всеобъемлемость любой из ценностных ориентаций и ее включенность в десять мотивационных целей не могут быть определены однозначно. Некоторые исследователи включали в опрос узнаваемые в их культуре элементы [12].

Итак, основываясь на изложенную теорию ценностей, Шварц разработал специальный опросник – *Schwartz Value Survey (SVS)*, позволяющий выявить мотивационные цели – ценности какой-либо социальной группы, этноса и отношение между ними [13].

Опросник включает два списка ценностей, в сумме составляющих 57 ценностей. В первом списке содержится перечень терминальных ценностей, выраженных в виде существительных. Во втором списке содержится перечень инструментальных ценностей, выраженных в виде прилагательных. Респондентам предлагается оценить степень важности каждой ценности как руководящего принципа их жизни. При оценке используется шкала баллов – 1...7.

Данная методика исследования ценностей в различных культурах применялась во множестве стран мира, в том числе и в Республике Корея. Данная методика применена нами в период проведения полевых исследований в Республике Корея впервые.

При разработке опросника нами был выполнен перевод инструментария на корейский язык. Для этого мы использовали метод обратного перевода, что позволило обеспечить предельно полную передачу смысла применяемых в исследовании терминов.

В опросе приняли участие 100 респондентов, представляющих все возрастные группы, от 16 лет и старше. Данные, полученные в результате опроса, характеризуют общие ценности корейцев. Они представлены нами в ранговом соотношении в соответствии со средним баллом по каждому типу мотивационных ценностей. Мы приводим описание трех первых типов ценностей, поскольку они являются основными при определении мотивационных ценностей изучаемой группы, представителей корейского этноса, проживающих в Республике Корея.

Средние баллы и ранги ценностей в общем по выборке

Ценности	Средний балл	Ранг
Безопасность	4,8328	1
Достижение цели	4,7471	2
Конформность	4,6754	3
Самостоятельность	4,4871	4
Доброта	4,4628	5
Гедонизм	4,4626	6
Традиции	3,9533	7
Универсализм	3,9287	8
Власть	3,7850	9
Стимуляция	3,7733	10

Приведенные в таблице данные показывают, что высшими ценностями корейцев являются «безопасность», «достижение цели» и «конформность». То, что «безопасность» является высшей ценностью корейцев, обосновано следующим: современное общество Республики Корея основано на взаимозависимых социальных отношениях, где приоритетами являются социальный порядок, стабильность общества, взаимное расположение. Кроме того, корейцы ценят безопасность своей семьи, национальную безопасность, свое здоровье и здоровье своих близких, взаимопомощь, гармонию во всем: с природой, обществом, самим собой, свою принадлежность к группе, что также говорит о стремлении к безопасности.

Другим определяющим типом жизненных ценностей корейцев является «достижение цели». «Достижение цели» — это личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Самоутверждение, в том числе самоутверждение в профессиональной сфере, социальное признание, одобрение и уважение других к себе, — все это высоко ценится современными корейцами, для которых большое значение имеет карьерный рост, личностное развитие и самореализация в сфере деятельности.

Высокий уровень «конформности» говорит о том, что корейцы в своей повседневной жизни пытаются сдерживать и предотвратить действия, а также склонности и побуждения к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия.

Корейцы превозносят послушание, самодисциплину, вежливость, уважение родителей и старших. Все это, как известно, является важной составляющей этики конфуцианства [14], широко развитой в странах Восточной Азии и, как мы видим, входит в число жизненных ценностей корейцев Республики Корея.

Таковы определяющие ценности, ле-

жащие в основе современного южно-корейского общества. Таким образом, для корейцев, как этноса, приоритетом на современном этапе является сохранение своих традиций, безопасности семьи и этноса в целом, порядка и стабильности в обществе, что при условии компетентной деятельности в данном обществе является гарантом подъема по карьерной лестнице, успеха в делах, экономического благополучия и социального одобрения. Кроме того, что Ш. Шварц объединил ценности в десять типов согласно их мотивационным целям, он также дал описание взаимоотношений и взаимозависимости между данными ценностными типами и назвал свою работу *теорией динамических отношений* между десятью мотивационными типами ценностей (*Theory of Dynamic Relations among Ten Motivational Types of Values*).

Он утверждал, что действия, мотивированные какой-либо ценностью, имеют психологические, практические и социальные последствия, которые могут вступать в конфликт или быть совместимыми с другими типами ценностей [12]. Конфронтации и совмещения ценностей могут быть объединены в интегрированную структуру ценностей. Теоретическая модель отношений между различными типами мотивационных целей жизненных ценностей, предложенная Ш. Шварцем, показана на рис. 1.

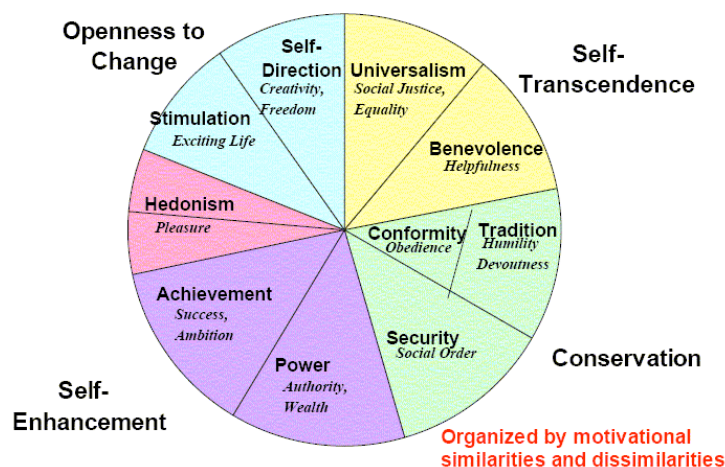

Рис. 1. Теоретическая модель отношений между типами мотивационных целей ценностей

Структура предложенной модели группируется по двум биполярным осям измерений, где конкурирующие ценностные типы расходятся в противоположные направления из центра, а дополнительные типы ценностей располагаются по степени своей близости, образуя круг.

Так, «самовозвышение» (Self-Enhancement) противопоставлено «самотрансцендентности» (Self-Transcendence). В этой дихотомии «власть» и «достижение» противостоят «универсализму» и «доброте», причем первые ориентированы на достижение личных интересов, а вторые, скорее, — на благосостояние и интересы других. Кроме того, вторая группа демонстрирует соотношение между «открытостью изменениям» (Openness to change) и «консерватизмом» (Conservation).

В данном случае «самостоятельность» и «стимуляция» противопоставляются «безопасности», «конформности и традиции». Иными словами, свобода поступков, мыслей и чувств, готовность к новизне и изменениям противостоит самоограничению, порядку и сопротивлению изменениям. «Гедонизм» занимает промежуточное положение между «открытостью изменениям» и «самовозвышением».

Применение теоретической модели, предложенной Ш. Шварцем, для анализа полевых материалов, которые были получены в ходе исследования, позволило выявить характер и специфику динамических отношений между мотивационными типами жизненных ценностей корейцев, проживающих в Республике Корея, что показано на рис. 2.

Рис. 2. Теоретическая модель динамических отношений между мотивационными типами ценностей корейцев

Как показывает исследование, высшими ценностями корейского этноса являются «безопасность», «конформность» и «достижение». Причем, согласно модели динамических отношений ценностей Ш. Шварца, «конформность» и «безопасность» относятся к оси «консерватизма», а «достижение» — к оси «самовозвышения».

Для более детального анализа рассмотрим каждый тип ценностей отдельно. «Безопасность», относящаяся к оси «консерватизма», представляет оппозицию «самостоятельности», которая относится к оси

«открытости изменениям». На наш взгляд, это означает, что для корейца безопасность семьи, своей этнической группы, здоровье, самодисциплина, послушание, вежливость, уважение к родителям и старшим оказывается важнее, чем свобода мыслей и действий, в творческой и исследовательской активности, чем личная независимость.

Ценность «достижение», относящаяся к оси «самовозвышения», противопоставляется ценности «доброта» из оси трансцендентности. Это говорит о том, что современный кореец высоко ценит возможности

личного успеха в профессиональной сфере, карьерный рост и социальное одобрение, жертвуя даже своим вниманием к близким, заботой о родных и друзьях. И, наконец, третья ценность — «конформность и традиция», относящаяся к оси «конформизма», т.е. стремление корейцев к порядку, сохранению традиций, сдерживанию негативных действий противопоставляется стремлению к новизне, изменениям, глубоким переживаниям, т.е. «стимуляции», относящейся к оси «открытости изменениям».

Таким образом, два типа высших ценностей корейцев из трех относятся к оси «консерватизма», что, на наш взгляд, позволяет говорить о высокой степени сохранности консерватизма в корейском обществе. Однако в то же время социальная мобильность современного корейского общества ориентирована на самореализацию личности и достижение успеха в своей профессиональной деятельности.

В результате проведенного в 2009 г. на территории Республики Корея исследования удалось выявить и определить ба-

зисные жизненные ценности корейцев, а также определить их иерархию по степени важности.

Как показало исследование, южно-корейское общество в своей повседневной деятельности скорее ориентировано на безопасность, достижение и конформность, на сохранение социальной стабильности, послушание, уважение родителей и старших.

Для современных корейцев характерно самоограничение действий, которые потенциально могут навредить другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Кроме этого, для корейцев оказывается важным самореализация в профессиональной сфере, компетентность, личный успех и социальное одобрение. Таким образом, среди основных жизненных ценностей корейцев, проживающих в Республике Корея, характерны жизненные ценности, связанные с консерватизмом, сохранением традиционных устоев и, в то же время, ориентация на достижение успеха через самореализацию и утверждение себя в профессиональной деятельности.

Литература

1. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://demoscore.ru/weekly/2008/0345/analit02/php>.
2. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 205 с.
3. Калиева А.Т. Этнические ценности как объект социально-гуманитарного познания. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.vestnik.osu.ru/2009_7/27.pdf.
4. Головнева Е.В. Ценностные ориентации этноса: формирование и способ существования. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.promgupss.ru/publisher/txt1/more.php?more=9>.
5. Мамонова В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://credonew.ru/content/viem/534/31/>.
6. Dario Spini. Measurement Equivalence of 10 Value Types From the Schwartz Value Survey Across 21 Countries. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://recherche.univ-lyon2.fr/greps/IMG/pdf/JCCP.pdf>.
7. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: методология, методы, математические модели. — № 9. — 1997. — С. 32-53.
8. Крылов А.А. Психология. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/autor/kriylov_albert_aleksandrovich/psihologiya/read_online.html?page=16.
9. Maria D. De Juan Vigaray, Monali Hota. Schwartz Values, Consumer Values and Segmentation: The Spanish Fashion Apparel Case. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://lem.cnrs.fr/Portals/2actus/DR/200808.pdf>.

10. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.

11. Schwartz's Value Inventory. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://changing-minds.org/explanations/values/schwartz_inventory.

12. Shalom H. Schwartz. Basic Human Values: An Overview. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf>.

13. Schwartz Value Survey. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.imo-international.de/index_englisch.htm?englisch/html/svs_info_en.htm.

14. Modern Korean Society: its development and prospect / edited by Hyuk-Rae Kim, Bok Song. – Berkley, 2007. – 248 p.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Намсараева Е.Ц., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

E. Namsaraeva, post-graduate fellow, Chita State University

Научные интересы: этничность, этническая идентичность, этнические ценности, корейский язык и культура, кросс-культурные исследования

Research area: ethnicity, ethnic identity, ethnic values, Korean studies, cross-cultural research

Филологические науки

УДК 398.22:903 (=512.212)

Варламов Александр Николаевич
Alexander Varlamov

ЛУК В ЭВЕНКИЙСКОМ ЭПОСЕ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИБАЙКАЛЬЯ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФОЛЬКЛОРА И АРХЕОЛОГИИ

THE BOW IN EVENK EPOS AND PRIBAIKALYE NEOLITHIC MONUMENTS: FOLKLORE AND ARCHAEOLOGY CORRELATED

Предметом анализа является вопрос о соотношении фольклора и археологии. В исследовании предпринимается попытка изучения исторических свойств эпоса эвенков, для чего рассматривается сходство одного из основополагающих признаков кочевой культуры тунгусов и обитателей неолитического Прибайкалья – лука сложного типа. Выдвигается вывод о том, что обращение к эпосу эвенков позволяет обнаружить отчетливые параллели в культурах ранних этапов истории Сибири

Ключевые слова: эвенки, тунгусы, фольклор, история, археология, историзм фольклора

The article examines how folklore relates to archaeology. The author assesses Evenk epos in its historic aspect and focuses on Tungus nomadic culture and that of inhabitants of Neolithic Pribaikalye as they share one basic element, near-modern type bow specifically. The subsequent conclusion stipulates that the study of Evenk epos brings out distinct parallels in the cultures of Siberia's early history

Key words: Evenk, Tungus, folklore, history, archaeology, folklore historicism

Проблематика фольклорного историзма активно поднималась и обсуждалась в отечественной фольклористике вплоть до конца 80-х гг. прошлого столетия. Проблемы фольклорного историзма были в центре научных интересов многих выдающихся отечественных фольклористов: В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.М. Жирмунского, Б.Н. Путилова, В.М. Гацака, С.Ю. Неклюдова и др. Большинство из них в своих исследованиях основывались на историко-типологической методике изучения фольклора. Исходя из широкого восприятия фольклорного историзма, исследователи фольклора понимали под ним «всю совокупность реальной жизни наро-

да в процессе ее развития во все эпохи его существования» [14; С. 185]. Фольклор бесписьменных народов обладает органическим свойством – высокой степенью функциональности. Благодаря максимальной вовлеченности фольклора в повседневную жизнь, все важнейшие, эпохальные события исторического пути этноса находят отражение в его устном народном творчестве, преимущественно в эпосе. Обращаясь к эпосу эвенков, можно обнаружить следы крупнейших этногенетических процессов и культурных приобретений [1; С. 113].

К сожалению, к настоящему времени проблема историзма в фольклоре отошла на второй план, многие вопросы остались

нерешенными. К их числу можно отнести вопрос о соотношении фольклора и археологии. В свое время американским исследователем Дж. Пауэллом был выдвинут тезис о том, что фольклор, являясь важным аспектом истории, способен рассказать о ранних этапах развития человечества. Идея исследователя основывалась на мысли о наибольшем расцвете фольклора именно «на нижних уровнях развития общества» [19; Р. 32]. Позднее американский археолог Дж. Фьюкс применил на практике данную теорию, обращаясь к фольклору североамериканских индейцев при изучении ряда археологических памятников. По мнению Дж. Фьюкса, любое изучение археологических памятников неизбежно влечет за собой изучение современного фольклора [18]. На наш взгляд, подобный подход весьма перспективен при изучении проблемы историзма на материале фольклора аборигенов Сибири, что подтверждается опытом научной деятельности известного российского археолога А.П. Окладникова. Реконструируя характерные культурные признаки памятников прибайкальского неолита, исследователь неоднократно отмечал отчетливые культурные параллели в этнографическом комплексе тунгусов, обнаруживая их в ряде случаев и в эвенкийском фольклоре. Рассматривая сюжеты космогонических мифов эвенков, А.П. Окладников подкреплял свои предположения о возникновении мировоззренческих представлений в первобытном обществе эпохи неолита. Сюжеты эвенкийских мифов о заведении частей тела медведем использовались А.П. Окладниковым для реконструкции традиций древнего похоронного обряда [11].

В настоящем исследовании предпринимается попытка изучения исторических свойств эпоса эвенков, для чего рассматривается сходство одного из основополагающих признаков кочевой культуры тунгусов и обитателей неолитического Прибайкалья — лука сложного типа.

Героические сказания эвенков содержат сведения о важнейших эпохальных событиях и явлениях, сопровождавших историческое развитие человеческого общества

и этноса, но по своим законам эпоса, как фольклорного жанра [2; С. 136]. К числу крупнейших событий в жизни человека на ранних ступенях развития было изобретение орудий труда. В эвенкийском эпосе наиболее выражен процесс изобретения человеком лука. Изобретение лука является важной содержательной частью зачинов многих эвенкийских сказаний-нимнгаканов. В эпической традиции эвенков наиболее распространенным является сюжет об одиноком герое-охотнике, имеющем характеристики демиурга. В эвенкийском сказании о Мокигдыне — пешем охотнике средней земли подробно и реалистично описывается процесс создания первых орудий труда человеком, прежде всего — предметов охоты: «Таким образом живя, он в пищу употреблял всякого (зверя). Когда он жил (здесь), деревья стали подрастать. Над парнем стало много птиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: «Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог (их) убить?». Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли... Вот и начал он питаться птицей. Опять задумался: «Вот убить бы лося и поесть, это вкусные звери». Вот задумался парень и сделал лук-самострел» [6; С. 213-214].

Приведенное описание, характерное для эвенкийских сказаний об одиноком герое, несомненно, описывает важнейший исторический этап развития человеческого общества, когда изменившиеся природные условия повлекли за собой и процесс кардинальной перемены уклада жизни первобытных людей. Для этого человеку было необходимо изменить существовавший хозяйственный тип, прежде всего, принципы охоты — овладеть новыми методами, что было невозможно без освоения орудий труда нового поколения, прежде всего, лука.

Изобретение лука древним человеком явилось серьезным историческим этапом, который дал несомненный импульс в развитии людей первобытного общества [8; С. 29]. Начиная с исаковского периода прибайкальского неолита, получила стремительное развитие новая охотничья

культура — культура мобильных таежных охотников, вооруженных луками. О широком распространении лука свидетельствует обилие кремневых наконечников стрел в могильниках «исаковцев». Их совершенная форма не оставляет сомнений в том, что лук уже в то время имел первостепенное значение в хозяйственном укладе охотников прибайкальской тайги [11; С. 176]. Ю.А. Мочанов, сравнивая изменение типов хозяйствования в голоценовом периоде в различных частях земного шара, объяснил причины сохранения и дальнейшего развития охотничьей культуры в Северной Азии благоприятными условиями для присваивающего типа хозяйствования [9; С. 256].

Овладение луком позволило сибирским племенам каменного века изменить технику охоты с тем, чтобы подстроиться под изменяющиеся условия объективной действительности, когда смена тундровых ландшафтов на таежные повлекла изменение фауны рассматриваемых территорий. Теперь главными объектами охоты уже не могли быть стада северных оленей, и место основного объекта охоты занял лось. Лось, в отличие от северного оленя, бизона и др. не стадное животное и не способен прокормить очень большие сообщества, но вполне способен служить в качестве основного объекта охоты для относительно небольших родоплеменных сообществ. Охота на лося требует совершенно иных приемов. Комплекс таких приемов был сформирован благодаря использованию в охоте лука и стрел, что отмечал А.П. Окладников [11; С. 152-153].

В приведенном отрывке сказания о Мокигдыне изобретение героем лука происходит в процессе постижения охотничьего искусства и упоминается в прямой зависимости от желания добыть лося. В эпосе не зря объединено вместе изобретение лука и самострела. Несмотря на то, что эти изобретения, несомненно, отделяет определенное время, с точки зрения истории — это единый процесс, характеризующий возникновение новой охотничьей культуры: «Изобретение лука и стрел повлияло на развитие других видов охотничьих приспособлений,

в первую очередь, разнообразных ловушек и «охотничьих хитростей», особенно же охотничьих изгородей. Эти изгороди возникли как вспомогательные средства при массовых облавах» [10; С. 64]. Процесс охоты на лося при помощи лука, самострелов, изгородей нашел отражение и в искусстве древних охотников. Эти способы охоты изображены на наскальных писаницах эпохи неолита [12; 13].

Остановимся подробнее на эвенкийском названии лука, употребляемом в архаическом эпосе эвенков. Приведем отрывок из сказания дальневосточных эвенков об одиноком богатыре Кодакчоне: «Билир-билир дуннэ элэкэс овд`ангахин, н`ангн`а элэкэс иларман серукард`ин н`ангн`а овд`ангахин, бира мун элэкэс дуннэдук йуктукэннгэчин йуд`энгэхин, дулин дуннэ дүлкакиндун, умун йэнэ хулидун Котор нэку ойодун утэк-утэйэ бичэ. Таду бид`энэ мата-бэйэ балдд`аран... Тар бэйэ *бэрин* бичэ ирэктэ акрэван онан. Тар н`ан н`урин бичэн. Тарит ема-да бэйнгэва д`улгидэливи энэ нгэнэвкэнэ, вавки бичэн».

— «Давным-давно, когда земля только становилась, когда небо с тройной радугой было, когда вода рек впервые из земли как ручейки потекла, на самой середине средней земли, на берегу одной реки, на холме с крутыми склонами был один чум-утэн. Там жил один мата-богатырь... *Лук* у этого человека был сделан из креня лиственницы. Были [у него] и стрелы. Поэтому он ни одного зверя перед собой не пропускал, всегда убивал» [6; С. 19, 178].

В сказаниях об одиноком герое для обозначения лука используется эвенкийское слово «бэр». Словом *бэр* эвенки называют лук простого типа — сделанный из цельного куска дерева с одним равномерным изгибом. Также называют самострел, насто-раживаемый на звериной тропе. В других тунгусо-маньчжурских языках для обозначения простого типа лука и самострелов также используются слова с корнем «бэр»: *бэри*, *бури*, *бэркэн*, *буриккэ* и др. [15; С. 139]. В более поздних сказаниях, где при наличии схожего сюжета с одиноким героем, герой уже владеет луком и не изобре-

тает его. В таких сказаниях этноплеменная принадлежность героя уже отождествляется с эвенками-уранкаями, а не просто с понятием «бэе-человек», как в эпосе раннего сложения. Имеются и другие признаки, свидетельствующие о принадлежности героя к тунгусскому этносу, например, детали одежды, головной убор и пр. Одиноким герой в поздних сказаниях уже не является демиургом в полном смысле слова — большинство орудий труда уже имеются у него в пользовании.

Одиноким эпические герои в таких сказаниях имеют в своем пользовании лук, который называется *аланга*. Обозначение охотничьего лука словом *бэр* уже не встречается: «Дулин дуннэ, дулиндун, дуннэ кумаландін тэвувд эрэкин, умун сонинг тиванд ачан. Нунган гэрбин Гарпаникан бичэн. Екундук-та балдинави эхимэн-дэ сад ара... Гарпаникан-сонинг инэнгтікин унэ тэгэнэ, бэйуктэнэ гиркуд аран... Сонингмата бикэнэм, горово-до энэ д алдатчара, *алангави* гаксакан, кэнгтірэдуви хэркэрэн. Будувча арбагасви тэтікэсээн, кэрбэксэми метакави дилдуви авлад аран. Уткэнтікиви ичэтчэнэ, н ан-дат турэтчэрэн:

Куйукэкэ, куйукэкэ!

Утук-утукэн,

Поросай, порости!».

— «На самой середине земли в то время, когда земля с ковер-кумалан расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани. Откуда он произошел неизвестно... Гарпани-богатырь ежедневно вставал рано и уходил на охоту... Богатырь-мата, долго не раздумывая, взял *лук* и привязал к спине. Надев прокопченный кафтан и на голову шапку-мета и обращаясь к чуму, опять сказал:

Куюкоко! Куюкоко!

Чум мой, утэн.

Прощай-ка!» [6; С. 98, 250-251].

Лук сложного типа, который эвенки называют *аланга*, является оружием следующей ступени развития человека, намного превосходящим лук простого типа по своим боевым характеристикам. Этимология названия лука *аланга* происходит от общего для языков тунгусо-маньчжурских народов корня *ала-алан*. В ороцком и удгейском

языках слово *аланга* означает — древко лука. Наиболее древние корни, раскрывающие глубинную этимологию слов, обнаруживаются в маньчжурском языке, где слова с корнем *ала* встречаются в ряде значений:

1) березовая кора, береста, оклеивать берестой;

2) кость (между затылком и позвоночником);

3) наплечники (у панциря, покрывающие грудь и плечи) [15; С. 29].

Все упомянутые слова, прежде всего, соотносятся с охотничьим или боевым луком и объясняют технологию изготовления сложного тунгусского лука. Сложный лук-аланга имеет М-образную или сглаженную трапециевидную форму и изготавливается с использованием сухожилий и кости. При изготовлении такого лука часто используют комбинацию из разных пород деревьев, обычно — березы и лиственницы. Сухожилие прокладывается между древесных пластин или по внешней части лука, пластины склеиваются рыбьим клеем, а получившееся цельное древко оклеивается тонким слоем бересты. Для увеличения жесткости и упругости лука также используются цельные костяные пластины, наклеиваемые на внешнюю сторону лука.

Яркой отличительной характеристикой «серовской» культуры прибайкальского неолита является наличие луков сложного типа, имеющих цельные костяные обкладки [11; С. 68, 59]. А.П. Окладников отмечал разительное отличие серовского лука от всех известных типов луков [11; С. 221]. Используя оставшиеся в захоронениях детали древнего оружия, А.П. Окладников реконструировал технологию изготовления «серовского» лука, для чего использовались костяные или роговые пластины-накладки: «Единственной, дошедшей до нас составной частью серовского лука является кость — его костяные пластины обкладки (рис. 46). Последние сами по себе замечательны с чисто технической точки зрения. Как будет показано дальше, длина их достигала 87 см.

Такая исключительная длина для цельных костяных изделий вообще исключительна и необыкновенна... серовские

обкладки вырезались из верхней плотной корки рога благородного оленя или лося... рог тщательно и терпеливо прорезали во всю его длину, а затем отделяли образовавшуюся узкую полосу от ствола рога... Оставалось выпрямить кривую полосу, вырезанную из рога, что достигалось, по-видимому, путем длительного размягчения в горячей воде или золе очага» [11; С. 205-206].

Как видим, технология изготовления «серовских» и тунгусских луков-аланга весьма схожа. Схожий тип «роговых» луков позднее использовали Приамурские мохэ-шивеи: «Из оружия имеют роговой лук, стрелы из дерева «ку». Отлично умеют стрелять из лука. Временами собираются для охоты, по окончании охоты расходятся» [7; С. 60-62]. Подобным луком пользовались тунгусо-язычные чжурчжени, достигшие в этом ремесле большого мастерства [5; С. 93].

Лук прибайкальских «серовцев», несомненно, имел передовые для своего времени характеристики и являлся важнейшей составляющей, а также движущей силой культуры таежных охотников. А.П. Окладников сопоставлял сложный «серовский» лук со сложным египетским луком периода первой царской династии. Более того, он отмечал совершенное устройство лука серовцев и допускал, что «серовский лук» мог быть древнейшим сложным луком вообще [11; С. 228]. Вероятность того, что именно в неолитическом периоде в Прибайкалье мог возникнуть наиболее древний, совершенный лук сложного типа весьма высока. Это обусловлено объективной причиной его возникновения — максимально развитой степенью охотничьей культуры неолитических прибайкальцев [11; С. 205-206].

Сходство культурных признаков тунгусов и неолитических прибайкальцев обнаруживается также и в других предметах вооружения. В эпосе эвенков герой — эвенкуранкай обладает комплексом вооружения, состоящим из следующих предметов: лук сложного типа, стрелы, копьё-уткэн (рубящего типа) и копьё-гида (колошечного типа). Наиболее характерна эта традиция для героических сказаний восточных эвенков:

«Дэ эрбэ-ая
 Дулин энин буга
 Екун дюр халгалкан,
 Дюлакин дэрэлкэн,
 Дялкинтыма му дялалкан,
 Эенэмэ энин омилкан,
 Боско дылилкан
Урангкай эвэнки гунмури итчилкэн
 Бимчэ бичэн гуннэ
 Аят эли-тали пэринэ уйдэнэ ичэми...
 Эр утэн-дю умун муннуктун
 Дюр дяпкун оватылкан
 Иемэ *аланга* биһин ивит,
 Тар мата надан бутылкан
 Сэлэмэ лукилкэн ивит,
 Дяпкун бутылкан толбукалкан ивит,
 Бугаһикма энгэһи илбис того элгулкэн ивит.
 Тар дагадун надан дяр нгонумулкан
 Оһилкэн *уткэнде* биһин ивит,
 Тарһион умунду илан тогорилкан деелкэн
 Унигдама *гидамия* биһин ивит,
 Тунга дянги бутылкан».
 — «А если хорошо посмотреть,
 Думая, кто же
 Такой красивой
 Средней земли-матери хозяин,
 С двумя ногами,
 С голым лицом,
 С гибкими суставами,
 С текучей душой-матерью,
 С легко поворачивающейся головой,
 С именем *эвенка-уранкай*...
 В углу утэна
 Дваждывосьмисаженный
Роговой лук.
 Богатырская *стрела*
 С восьмипудовой подпоркой,
 С разящим наконечником.
 К луку был прислонен *уткэн*
 С семидесятисаженной выемкой,
 С ним рядом — длинное *копьё*
 С острием в три пяди» [17; С. 128-131].

Типичный комплекс вооружения эпического эвенка-уранкай весьма схож с набором орудий из неолитических памятников Прибайкалья. Приведем археологические и этнографические сведения, способные подтвердить данное предположение. Помимо лука сложного типа и стрел, наиболее интересной деталью захоронений неолити-

ческих прибайкальцев для нас являются «вкладышевые» наконечники копий. А.П. Окладников отмечал костяные вкладышевые наконечники копий в качестве важнейшей отличительной характеристики «исаковских» и «серовских» захоронений [11; С. 79]. Форма таких копий напоминает нож большого размера. Такие «рубящие» копия присутствовали в арсенале ряда этносов Сибири и Дальнего Востока. Эвенки и другие тунгусо-маньчжурские народы называют такой тип копий с односторонней заточкой – «уткэн». В эвенкийском, эвенском, солонском языках слово «уткэн» и однокоренные слова-производные означают: рубящее копьё, тесак, нож, кинжал [16; С. 294]. Такие многофункциональные типы копий являются типичным атрибутом кочевой культуры. Благодаря ножевидной форме, копьё-уткэны используются как колющее охотничье оружие, а также в качестве топора и ножа. Оленные эвенки использовали уткэны для рубки густых зарослей во время кочевок с оленьим караваном до середины XX в. А задолго до этого на протяжении длительной истории своего развития пешие охотники-тунгусы использовали рубящее копьё-пальму повсеместно, что от-

мечала Г.М. Василевич [4; С. 114].

Как видим, характеристики лука сложного типа и всего комплекса вооружения героя эвенкийского эпоса весьма точно соотносятся с археологическими сведениями. Предметы охотничьей культуры неолитических обитателей Прибайкалья подтверждают не только высокий уровень развития, но и ее отличительные характеристики, прежде всего мобильный тип, свидетельствующий о кочевом характере хозяйственной деятельности рассматриваемых племен неолитического времени. Ближайшие аналогии кочевой жизни неолитических прибайкальцев обнаруживаются с хозяйственной моделью тунгусов. В этой связи следует обратить внимание на существовавший в сибирском неолите особый культ лося, следы которого в наибольшей степени присутствуют в культуре тунгусов вплоть до настоящего времени [3; С. 146-147]. Таким образом, обращение к эпосу эвенков позволяет обнаружить отчетливые параллели в культурах ранних этапов истории Сибири, что подтверждает разработанные ранее научные тезисы о взаимосвязи фольклора и археологии.

Литература

1. Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009а. № 107. – С. 112-119.
2. Варламов А.Н. «Эпическая история» бесписьменных народов: по материалам фольклора эвенков // Вестник Поморского ун-та. 2009б. № 8. – С. 63-72.
3. Варламов А.Н. Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009в. № 110. – С. 142-149.
4. Василевич Г.М. Материальная культура среднеамурских эвенков // Материальная культура народов Сибири и Севера. Сб. науч. трудов. – Л.: Наука, 1976. – С. 106-122.
5. Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975. – 448 с.
6. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.
7. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 392 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – 780 с.
9. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
10. Окладников А.П. История Якутии. Т. 1. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1949. – 439 с.
11. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое ис-

следование. – Ч. I и II. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – № 18. – 412 с.

12. Окладников А.П. Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.

13. Окладников А.П. Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.

14. Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 185-208.

15. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.

16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.

17. Эвенкийские героические сказания / Сост. А.Н. Мырева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 392 с.

18. Fewkes J.W. Tussayan Migration Traditions // Nineteenth Annual Report of Bureau of American Ethnology. Part 2. Washington, 1900. – pp. 573-633.

19. McNeil W. History in American folklore: An Historical Perspective // Western Folklore. 1982. Vol. XLI, № 1. – pp. 30-35.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Варламов А.Н., канд. филол. наук, научный сотрудник сектора эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ataki2006@yandex.ru

A. Varlamov, Candidate of Philological Sciences, research fellow, department of Evenki philology, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North

Научные интересы: эвенки, фольклор эвенков, история эвенков, историзм фольклора

Research area: Evenks: history and folklore; historicism of folklore

УДК 130.2

Коногорова Алёна Васильевна
Alena Konogorova

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

STEREOTYPICAL PERCEPTION OF THE CONCEPT «WOMAN» IN DIFFERENT LANGUAGE CULTURES

Представлен концепт «женщина» в русской, немецкой и английской лингвокультуре. Дан анализ фразеологических единиц, репрезентирующих данный концепт. Выявляются положительные и отрицательные качества образа женщины, отражающие национальную специфику в сознании представителей разных культур

Ключевые слова: женщина; стереотип; фразеологическая единица; русская, немецкая, английская лингвокультура

The aim of the article is to present the concept «woman» in the Russian, German and English linguocultures, to analyze phraseological units representing this concept and to describe women's positive and negative features as they exist in the minds of representatives of the said cultures

Key words: woman; stereotype; phraseological unit; Russian, German, English linguistic culture

Известно, что с позиции взаимодействия языка и культуры, фразеология представляет собой идеальный материал для исследования. В данном исследовании эмпирическим материалом работы послужили гендерно-маркированные фразеологические единицы, отражающие историю народа, его культуру и быт. По мнению В.Н. Телии, перспективность когнитивного подхода обуславливается лингвосемиотической природой фразеологизмов, заключающейся в их способности транслировать эталоны и стереотипы национальной культуры, подвергать концептуализации не только знания о мире, но и все типы отношения субъекта к ее фрагментам и выступать в этом качестве языковыми экспонентами культурных знаков [Телия, 1996]. Анализу гендерных стереотипов в языке, выявленных во фразеологии языка, посвящен ряд работ (А.В. Кирилина, В.Н. Телия и др.). При этом исследователи отмечают актуальность когнитивного подхода к анализу фразеологического корпуса языка.

В связи с этим можно признать, что в рамках когнитивной лингвистики разрабатывается новое понимание фразеологизма. Когнитивный подход способствует выявлению культурно-значимой информации, заключённой в языковых единицах. В.А. Маслова утверждает, что человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему: она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно [Маслова, 2004; С. 49].

Высказывания, посвященные концепту «женщина», позволяют определить признаки, характерные для того или иного этноса на конкретном этапе действительности. Содержание концепта условно делится на два уровня толкований – архаический и современный [Короленко, 2005]. Не вызывает сомнения, что архаический уровень представлен пословицами, поговорками, крылатыми выражениями, фразеологизмами. Подобные слова и выражения, отражая

народную мудрость, предстают как продукт творчества народа, поэтому играют значительную роль в обогащении языка культурными концептами. Следовательно, язык и культура являются взаимосвязанными системами, взаимодействие которых создает концептуальную картину мира, характерную для определенного этноса. Иными словами, концепты представляют целый мир в сознании человека.

В системе русского языка концепт «женщина» представлен следующими микроконцептами: «баба», «жена», «мать», «дочь». В английском языке — «*woman*» (женщина), «*wife*» (жена, супруга), «*mother*» (мать), «*girl*» (девушка, девочка), «*lady*» (леди), «*daughter*» (дочь). Наиболее частотными в исследуемом материале немецкого языка оказались номинации: «*Mutter*» (мать), «*Maedchen*» (девушка, девочка), «*Frau*» (жена, супруга), «*Weib*» (женщина, баба), «*Witwe*» (вдова).

Образ женщины в рассматриваемых лингвокультурах связан, прежде всего, с домом, семьей. Женщина должна сидеть дома и выполнять всю работу по хозяйству. Идея выражений: *a woman's place is her own house* (место женщины в доме); *die deutsche Frau hat vier «K» zu besorgen — Kinder, Kleider, Kueche, Keller* (женщина красота и благоустройство) отражает социальное положение женщины: «... препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело. <...> не беспокоится о доме своем её муж: самые разные одежды нарядные приготовит и мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим» [Домострой, 1990]. В русской женщине ценятся такие качества, как доброта, трудолюбие, понятливость, молчаливость. Следовательно, в русской фразеологии представлен несвободный образ женщины-домохозяйки.

В английском языковом сознании образ девушки — это воплощение аристократической Англии. Идеалом англичан служит образованность, достоинство, честность: *take an honest woman (out) of sb* (порядочная женщина). Образ «прекрасной дамы» обозначается в английском языке при помощи термина *lady*. Особый интерес

представляет тот факт, что этимологически лексема *lady* связана с изготовлением хлеба. *Lady* или *hlæfdige* означало «изготовительница хлеба» от *hlaf* («буханка хлеба») и *dige* (предполагаемо «тестомес»), связанного с готским *deigan* («месить»), т.е. «глава семьи женского пола» — «*housewife*» [Шакирова, 2005].

В самоидентификации немецкой женщины присутствуют традиционные представления о четырех «К» (*Kinder, Kleider, Kueche, Keller — дети, наряды, кухня, подвал*). В зеркале фразеологии немецкого языка отражаются такие качества женщины, как покорность, спокойствие и бесконфликтность: *unter die Haube bringen* (выдать дочь замуж (дословно поместить под колпак)). Немецкий мужчина выступает в роли покровителя и хозяина положения. Однако следует отметить, что в английском и немецком языках позицию превосходства в супружеской жизни может занимать женщина: *be tied to one's wife's (mother's) apron strings* (быть под каблучком у жены); *unter den Pantoffel kommen* (очутиться у жены под каблучком).

По мнению теологов и историков, церковь сыграла важную роль в подавлении женского начала. Библия и другие священные тексты создавались мужчинами и отражали патриархальные взгляды и установки, канонизация которых в виде цитат, откровений и представлений способствовала укоренению мужского доминирования в культуре и оправдания его с позиций духовного авторитета стоимости [Короленко, 2005; С. 103].

Свидетельством подавления женского начала в Средние века является труд Генриха Инститориса и Якова Шпренгера «Молот ведьм» (лат. «*Maleus maleficarum*»), вышедший в 1487 г. Данное произведение содержит в себе ряд аргументов в пользу подавления, вплоть до физического уничтожения женщин, подражательниц первой грешницы Евы. О порочности женщины свидетельствует и этимология слова «*femina*» (женщина): «*fe*» (*fides*) — вера и «*minus*» — менее [Инститорис, Шпренгер, 2005]. По мнению авторов, отсутствие

веры, сомнения является подтверждением того, что женщина скверна по своей природе. В женской злобе, жадности к плотским наслаждениям, как считали монахи, заключается причина всех бед на Земле: «Их сердце — тенёта, т.е. неизмеримая злоба, господствующая в их сердце <...>. Все это делается из плотских вожделений, отличающихся у них ненасытностью... Если бы мир мог существовать без женщин, то мы общались бы с богами» [Инститорияс, Шпренгер, 2005; С. 135-140].

Таким образом, складывается представление, что мужчины настолько боялись женщин, что демонизировали их: *women as the root of evil* (женщина — источник зла); *women are necessary evils* (женщины — необходимое зло); *to keep thee from the evil woman, from the flattery of the tongue of a strange woman* (не пожелай красоты ее в сердце твоём, и да не увлечет она тебя рещницами своими); *eine Frau versteht sich auf 99 Tücken, aber selbst der Teufel hat noch nicht die hundertste entdeckt* (женщина подразумевается на 99 коварствах, но даже черт еще не обнаружил сотую). Лексема «evil», «Teufel» (дьявол) подчеркивает несовершенство женщины, ее связь с пороком, дьявол находится внутри женщины.

Фразеологический фонд содержит единицы, не только касающиеся темы греховности, порочности женщин, но и единицы, содержащие следующие негативные характеристики образа женщины:

— неполноценность женского интеллекта и вздорный характер: *куриные мозги*; *валаамова ослица* (глупая женщина); *базарная баба* (скандальный человек); *a piece of flesh* (*грубая баба*); *the foolish woman says: stolen water is sweet, and bread eaten in secret is pleasant* (глупая женщина говорит: «на халяву и укусу сладкий»); *ein dummes Huhn, eine dumme Gans* (дура);

— болтливость: *бабы сказки*; *шерочка с машерочкой* (женщина с женщиной в паре); *a woman always thinks it takes two to keep a secret* (женщина думает, чтобы сохранить секрет, нужно два человека); *ein Mann, ein Wort, eine Frau ein Woerter-*

buch (замечание о склонности женщины поболтать);

— женская лживость, злость, коварство: *please one's eye and plague one's heart* (*выйти замуж по расчету*); *a daughter of the horse-leech* (*ненасытная вымогательница, кровопийца*); *eine falsche Katze* (*лгуныя*); *alles nimmt der Teufel, nur ein boeses Weib nicht* (*злой бабе и черт не страшен*); *eine alte Ziege* (*старая карга*);

— непостоянство, распушенность: *вавилонская блудница*; *fraily, thy name is woman* (*непостоянство женщиной зовется*); *fancy woman* (*любовница*); *a woman of pleasure* (*куртизантка*); *a woman of the streets* (*проститутка*).

В немецкой лингвокультуре злою, сварливую женщину, ведьму называют «*boese Sieben*» («злая семёрка»). По одной из версий, происхождение данной фразеологической единицы связано с древним поверьем у вавилонцев о семи особенно зловещих демонах, которые причиняли людям много несчастий. По другой версии, «злая семёрка» — это старая немецкая карта «7», бравшая верх над всеми другими картами. На её рубашке была изображена старая женщина, отсюда переносное значение выражения [Маркина, 2006; С. 119]. Данное выражение также подчеркивает связь женщины с нечистой силой, которая сулит ничего хорошего, а лишь беду.

Следовательно, умственное несовершенство, чрезмерная разговорчивость, злобный характер, женское непостоянство, плаксивость являются типично женскими чертами. Порочность женщины связана с первородным грехом Евы. Женщина считается не только первоисточником всего живого на земле, но и символом нижнего мира, грехопадения.

Однако неоспоримыми достоинствами женщины в плане психологического аспекта способностей признаются интуиция, стремление к успеху: *нить Ариадны* (*то, что помогает найти выход из трудного положения*); *women's instinct is often truer than men's reasoning* (*женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность*); *women in*

mischief are wiser than men (в беде женщины мудрее мужчин); *die Frau weiss eine Kunst mehr als der Teufel* (женский ум лучше всяких дум). Отметим, что англичане превозносят женщину: *the eternal feminine* (вечная женственность); *woman is the key to life's mystery* (женщина — это ключ к таинству жизни). В немецкой фразеологии признается не только незаменимость женщины в качестве супруги и матери, но и ее привлекательность, красота: *eine duftige Biene* (красотка (дословно, ароматная пчелка), *ein Bild von einem Maedchen* (нисуаная красавица), *ein blondes Gift* (белокуряя обольстительница).

Существует теория, согласно которой женщина подобна дереву — сначала рост, потом цветение (юность, красота, романы), потом завязь (определение своих основных жизненных позиций, создание семьи, рождение ребенка), а потом — плоды (передача того, чему она научилась за предыдущее время, общественная реализация) [Ивченко, 2006]. Несомненно, есть направления, которые самой природой предназначены для женщин — быть хранительницей домашнего очага.

Способность женщины дать продолжение рода испокон веков ценится во всех культурах. В русском языке примером могут служить фразеологизмы: *быть на сносях* в значении *состояние беременной женщины непосредственно перед родами*; *будущая мать*; *пузо — два арбуза*. В английской картине мира в качестве определения женщины-продолжательницы рода выступают сочетания *Earth Mother* (земля-мать), *Dame Nature* (мать-природа), в которых земля и природа, как прототип женщины, выступают в образе прародительницы всего живого на земле. Чтобы уберечь будущую мать и ребенка от невзгод и опасности, в народе старались не говорить открыто о том, что женщина беременна, а использовали для этого другие выражения, например: *be in delicate condition* (быть беременной (дословно, быть в деликатном положении)); *be in a family way* (быть беременной). Состояние беременности связано с большой радостью, таинством. При-

мерами такого состояния в немецком языке могут служить следующие фразеологизмы: *einem freudigen Ereignis entgegensehen* (быть беременной, ожидать радостное событие), *in gesegneten Umstaenden sein* (быть в положении (дословно), быть в благословенном положении, находиться в благословенном состоянии).

Фразеологические единицы содержат в себе представления о целом народе и о женщинах определенной этнической группы. Отмеченные устойчивые представления являются ценным материалом, в котором заключена информация об этнических стереотипах, отражающих роль женщин и их статус в семье и обществе в пределах своего этноса. Анализ рассматриваемого материала свидетельствует о том, что концепт «женщина» представляет собой динамичный образ.

В современном фразеологическом фонде исчезает образ женщины-домохозяйки, на первый план выдвигается темпераментность, эмоциональность, непреклонность женщины: *знойная женщина — мечта поэта* (шутливо-иронически об эмоциональной, пылкой, темпераментной женщине); *ты — женщина, и этим ты права* (способ ухода от бесполезного спора с женщиной); *железная леди* (с английского: *the iron lady* (шутливо-иронически о решительной, непреклонной, волевой женщине) [Серов, 2003].

Гендерный стереотип в общественной истории предполагает в качестве положительных образцов сильного мужчину и слабую женщину, что отражено в художественной литературе. Например, стереотип матери-одиночки — это не просто женщина, которая воспитывает своего ребенка одна, а женщина, которая испытывает материальные трудности, поскольку вынуждена содержать ребенка без поддержки мужа (преуспевающую актрису или поп-звезду, родившую ребенка вне брака, не включают в эту категорию) [Гриценко, 2005; С. 186].

Однако современной женщине характерны такие черты, как *сила, ответственность, борьба за справедливость*.

Реалии последнего десятилетия прибавили такие характерные детали, как *интуиция, независимость, активность, стремление к доминированию*. Женщина наравне с мужчиной стала заниматься предпринимательской деятельностью. Стереотипы восприятия современной женщины включают, прежде всего, такие качества, как независимость, самодостаточность, непреклонность. Скорее всего, это результат фе-

минизации — равноправия мужчин и женщин. Женщины стремятся к общественной деятельности, профессиональному равноправию, стараются изменить устоявшиеся нормы поведения. С развитием общества изменяются и стереотипы. Исследование гендерно-маркированных фразеологических единиц позволяет определить гендерные стереотипы и проследить их динамику в той или иной этнической культуре.

Литература

1. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. — Нижний Новгород, 2005. — С. 186.
2. Домострой / Сост. В.В. Колесова. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 18.
3. Инститориис Г., Шпренгер Я. Молот ведьм: Амфора. — СПб., 2005. — С. 135-140.
4. Ивченко А. Женщины в Европе. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.womanineurope.com/magazin/numbers/a17/seele.php>.
5. Короленко Р.А. Концепт «WOMAN» в современной англо-американской культуре // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: сб. статей. — Иркутск: ИВВАИУ, 2005. — С. 103-111.
6. Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / под общ. ред. Н.В. Муравлевой. — М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. — С. 119.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. — Мн.: ТетраСистема, 2004. — С. 49.
8. Серов А. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Издательство «Локкид-Пресс», 2003. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/index.htm>.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 250.
10. Шакирова С. Баба, степь и феминистка. «Гендерные исследования в Центральной Азии» № 1, 2005. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.genderstudies.info/magazin/magazin_05_01.php.

Коротко об авторе

Коноворова А.В., аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ)
alenakon@inbox.ru

Briefly about the author

A. Konogorova, research fellow, Buryat State University

Научные интересы: культурная антропология, межкультурные коммуникации

Research area: cultural anthropology, cross-cultural communication

УДК 81-25

Фельде Ольга Викторовна
Olga Felde

РУССКОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ LSP (LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES)

RUSSIAN PROFESSIONAL SUBSTANDARD LANGUAGE IN LIGHT OF LSP (LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSE) THEORY

Определяется лингвистический статус профессионального просторечия, рассматриваются его функции и особенности маркирующих единиц, выявляются специфические особенности в сравнении с другими подсистемами языка для специальных целей – терминологией и профессиональным жаргоном

Ключевые слова: язык для специальных целей (LSP), профессиональное просторечие, эмотивная функция, профессионализм, интерпрофессионализм, депрофессионализм, профессиональный жаргонизм

The article defines the linguistic status of professional substandard language, examines its functions and peculiarities of marking units; certain specific features are identified in comparison with other LSP sub-systems – terminology and technical language

Key words: language for specific purposes (LSP), professional substandard language, emotive function, industry word, professional slang word, interindustry word, deprofessional slang expression

В русистике существуют различные точки зрения на профессиональное просторечие. Одни ученые рассматривают этот феномен как разновидность социолектов национального русского языка, акцентируя внимание на стилистической окрашенности его лексических единиц и функциональной ограниченности сферы употребления. При этом понятия «профессиональное просторечие» и «профессиональный жаргон» дифференцируются слабо [Бондалетов, 1987: 69-72; Кутузов 2006 и др.]. Другие включают профессиональное просторечие в состав «многослойного» языка для специальных целей (LSP) (*в данном случае под языком для специальных целей (LSP, специальным подязыком) понимается полифункциональная и полиструктурная разновидность национального языка, которая используется в специальных сферах общественных отношений (наука, образование, производство, меди-*

цина, спорт и др.). [Лейчик, 1989; Кияк, 2009; Солнышкина, 2005]. Эта точка зрения получила распространение в отечественном терминоведении с 80-х гг. XX в. Её суть такова: исторически сложившиеся LSP включают несколько функционально-семиотических областей: сознательно упорядоченную терминосистему, стихийно складывающуюся терминологию и неcodифицированные формы существования специальных подязыков (профессиональное просторечие, профессиональный жаргон или их смешанную разновидность – жаргонизированное профессиональное просторечие). Различные области LSP различаются доминирующими функциями, характером взаимодействия с другими формами национального языка и составом маркирующих элементов. См. подробнее: [Борхвальдт, 2000: 80-99; Фельде (Борхвальдт), 2001: 21-29]. Одной из наименее изученных областей LSP является профессиональное

просторечие. Это обстоятельство обусловило выбор объекта и постановку цели настоящего исследования: дать характеристику профессионального просторечия с позиций теории LSP.

Профессиональное просторечие — это лингвистический и социально-профессиональный феномен, порожденный экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами. Основной сферой применения профессионального просторечия является устная речь работников какой-либо отрасли в ситуациях неподготовленного, неофициального общения на профессиональные темы. Это особая функционально-семиотическая область языка для специальных целей, границы которой открыты на всей их протяженности. Носителями профессионального просторечия являются все представители отрасли, вне зависимости от образовательного ценза и должности, однако высококвалифицированные работники, инженеры, ученые, представители управленческого звена и социально ориентированных профессий относятся к использованию маркирующих единиц профессионального просторечия в устной речи избирательно, в зависимости от речевой ситуации. Поэтому говорить о стандартном регулярном проявлении особенностей профессионального просторечия можно лишь на орфоэпическом и синтаксическом уровнях, где эти явления обусловлены спонтанностью устной речи, говорением в условиях временного дефицита. Живая профессиональная речь отличается эмоциональностью и высокой степенью семантической конденсации. Посторонний человек, случайно услышавший разговор двух коллег, может потерять «коммуникативную координацию». *«Пассажиры пристегнуты. Сосут»* — доклад бортпроводницы, закончившей раздавать пассажирам карамель «Взлётная», о готовности к полёту (авиа). *«Размочить бабушку», «у меня сегодня три уха», «к вам бровь пришла»* — эти и подобные выражения в профессиональном просторечии медработников используются в значении «добиться выделения мочи по катетеру после операции или

острого состояния, сопровождавшегося прекращением мочевого выделения», «у меня сегодня три операции по пластике ушной раковины», «пришел пациент с рассеченной бровью».

Основными функциями профессионального просторечия являются функции выражения принадлежности к относительно замкнутому профессиональному сообществу, облегчения профессионального общения, а также эмотивная с её производными — волеизъявления (функцией волеизъявления, приказа) и модальной (функцией оценки, передачи отношения говорящего к высказыванию). Следует отметить устойчивую тенденцию к жаргонизации современной устной профессиональной речи.

Частотность использования стилистически окрашенных некодифицированных наименований в речи специалистов различных отраслей очень велика. В.А. Татаринцов отмечает, что в настоящее время «налицо тенденция замены стандартизированной терминологии профессионализмами, и это говорит о том, что ряд стандартизированных терминов, созданных учеными с ортологическим подходом к терминологии, не соответствует условиям речевого обихода» [Татаринцов, 2007: 236]. Краткие по форме профессионализмы и профессиональные жаргонизмы незаменимы в тех случаях, когда необходимо быстро обменяться информацией. Сравним профессионально-просторечное *«больной замерцал»* и терминологически точное *«у пациента развился пароксизм тахисистолической мерцательной аритмии»*. В профессиональном просторечии отсутствуют запреты на использование каких-либо слов национального языка. Языковым субстратом этой функционально-семиотической подсистемы выступают единицы общенародной разговорной и/или просторечной речи. Большой частотностью отличаются просторечные слова различной экспрессивной окрашенности (*драндулет, тархтелка, бабоньки, холодрыга и мн. др.*), а также эргативные выражения. Однако маркирующими единицами профессионального просторечия являются иные

наименования: профессионализмы, интерпрофессионализмы, депрофессионализмы, квазипрофессионализмы и профессиональные жаргонизмы. В целом для устной профессиональной речи характерна большая свобода в выборе специальной лексики. По мере коммуникативной необходимости в живой профессиональной речи могут использоваться и некоторые кодифицированные специальные наименования, но наиболее частотны **профессионализмы**. Среди них встречаются как экспрессивно окрашенные, так и нейтральные: *малыши* — «малые машины в литейном цехе» (глинозем.); *шаманить* — «использовать в психотерапевтической практике ненаучные методы», *дикий психоанализ* — «неподготовленная психоаналитическая беседа» (мед.); *ножка* — «деревянная стойка» (горн.); *отбойник* — «отбойный молоток» (горн) и т.п. В жаргонизированном профессиональном просторечии представителей профессий, связанных с риском, требующих от специалистов большой личной и социальной ответственности, достаточно большое число **профессиональных жаргонизмов**, которые отличаются от профессионализмов более яркой образностью, преобладанием коннотации пейоративного типа и следами языковой игры «на грани фола»: *гоблин* — «горнорабочий очистного забоя» (горн.); *безжопая Татьяна* — «паровоз серии Т (танковый, т.е. без тендера), который использовался в депо для маневров с локомотивами» (ж/д); *бабы по вызову* — «работницы, снимающие показания высоковольтных счетчиков и ремонтирующие высоковольтные линии» (глинозем).

В живой профессиональной речи функционируют также **интерпрофессионализмы**, т.е. некодифицированные наименования, которые характерны для устной формы бытования двух и более LSP. Например, *черная суббота / воскресенье* — «сверхурочная работа в выходной день»; *балда* — «кувалда»; *мука* — «пылеобразное вещество»; *кирпич* — «объемная рукопись или книга». Типичны для профессионального просторечия и **депрофессионализмы**, т.е. лексические единицы, которые назы-

вают объекты непрофессиональной сферы с использованием материальной основы LSP. Примеры из авиационного дискурса: *уход на запасной* — «уход к подруге (любовнице)»; *заход по схеме* — «возвращение домой в нетрезвом виде». В словарном составе русского профессионального просторечия зафиксированы также специальные наименования, у которых отсутствуют синонимы в терминологии отрасли, но их денотативное значение соотносимо с профессиональными реалиями. Такие специальные наименования называются **квазипрофессионализмами**: *принять боевое крещение* — «участвовать в первом бою». См. аналогично: [Казачкова, 2008: 52].

Следует отметить, что словарный состав профессионального просторечия, в отличие от терминологии, не полностью покрывает понятийную сетку отрасли. Лексическая недостаточность компенсируется образностью, богатством семантической деривации, наличием большого числа мотивированных наименований, подобных таким профессионализмам, как: *сэндвичи* — «слоистые заготовки из порошковых и композиционных материалов, предназначенные для последующей консолидации и обработки давлением», *щёчка* — «боковая часть звена конвейерной цепи» (глинозем) и т.п.

Ономазиологической базой экспрессивной номинации в сфере профессионального просторечия служат как реальные экстралингвистические признаки денотата, так и субъективные представления о нём. Например, с особенностями денотата связаны неофициальные наименования электролизёров. Тот, который работает хорошо, работники Красноярского алюминиевого завода называют «кормилицей», а тот, который работает плохо, — «корытом». Экспрессивность таких наименований, как *железный капут* — «старый грязный тепловоз», *дура* — «яма, в которой золотоискатели не обнаружили золота», обусловлена эмоциями рабочих, их представлениями о красоте и выгоде, о вреде и пользе. Коммуниканты нередко прибегают к языковой игре: *страшный мастер* — «старший мастер»; *фашист* — «насос 6 ФШ -7 А»; *овеч-*

ка — «паровоз серии ОВ» и т.п. Некоторые единицы профессионального просторечия можно отнести к категории «номинаций по случаю». Предмет, явление или процесс в устной речи работников какого-либо предприятия называются по признаку, понятному только для данного профессионального коллектива. Объяснить мотив появления подобных профессиональных наименований можно, лишь получив представление о породившей их ситуации. Так, на Красноярском деревообрабатывающем комбинате линию по раскрою пиломатериала называют *канадка*, а её работников — *канадцами*, поскольку они работают на канадском кромкооблицовочном оборудовании; рабочих, принимающих заказы на изготовление мебели, на этом же предприятии называют *«хохлами»*, поскольку в 60-х гг. XX в. этим занимались преимущественно украинцы [Холодилова, 2009: 112].

Итак, профессиональное просторечие — это устная некодифицированная форма бытования языка для специальных целей,

которая играет важнейшую роль в профессиональной коммуникации и обладает яркими специфическими признаками. От терминологии профессиональное просторечие отличается отсутствием письменной формы, стилистической сниженностью маркирующих элементов, разговорными синтаксическими конструкциями; от профессионального жаргона — более разнообразным спектром типичных специальных наименований, меньшей частотностью использования единиц с выраженной отрицательной коннотацией. В дальнейшем перспективно изучение феномена профессионального просторечия в свете лингвистической теории эмоций. Это позволит углубить наши представления о лингвистической сущности некодифицированных специальных наименований и о профессиональном дискурсе в целом. Актуальным является также усиление теоретического аспекта учения о русском профессиональном просторечии в соответствии с достижениями современной когнитивной лингвистики.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. — М.: Просвещение, 1987. — 160 с.
2. Борхвальдт О.В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. — Красноярск: РИО КГПУ, 2000. — 401 с.
3. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: на материале русского и английского вариантов профессионального языка авиации: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2008. — 255 с.
4. Кияк Т.Р. Лингвистика профессиональных языков и терминоведение // Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума / Отв. ред. С.Д. Шелов. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. — С. 21-27.
5. Кутузов А.Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: автореф. дис. канд. филол. наук. — Тюмень, 2006. — 21 с.
6. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1989. Т. 1. — 396 с.
7. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2005. — 53 с.
8. Татаринев В.А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь / В.А. Татаринев. — М.: Московский лицей, 2006. — 528 с.
9. Фельде (Борхвальдт) О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. — Красноярск, 2001. — 148 с.
10. Холодилова М.В. Лексика русской лесопильной промышленности: полипарадигмальный подход: дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2009. — 339 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Фельде О.В., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Сибирский федеральный университет
Служ. тел.: (391) 2497575

O. Felde, Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Russian Language, Siberian Federal University

Научные интересы: терминоведение, социолингвистика, лексикография

Research area: science of terminology, sociolinguistics, lexicography

Политология

УДК 314.74 (571.54/55)

Козыкина Наталья Владимировна
Natalya Kozykina

**СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ
В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ,
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**CURRENT CHINESE MIGRATION IN
ZABAIKALSKI KRAI: TRENDS,
PROBLEMS, PROSPECTS**

В числе причин иммиграции на территорию Забайкальского края выделяются экономическая, деловая и гуманитарная, частная, туризм, учеба. Показана объективная необходимость в восполнении трудовых ресурсов края за счет привлечения квалифицированной иностранной рабочей силы

Ключевые слова: миграционная ситуация, Забайкалье, позитивные и негативные аспекты привлечения трудовых мигрантов

The article names reasons of Chinese immigration in Zabaikalie which are economic, business, humanitarian, private, tourism and education motives. It also brings forth the objective necessity of labor replenishment by foreign workers while underscoring the need in qualified foreign labor resources. In this paper, the author explores positive as well as negative sides to immigration processes and considers the problem of illegal migration

Key words: migration situation, Zabaikalie, positive and negative sides of depending on labor migrants

Осмысление природы миграции остается значимым в контексте реализации эффективной миграционной политики государств всего мирового сообщества. Миграционная политика как стран, принимающих мигрантов, так и стран исхода мигрантов является важнейшим методом реализации геоэкономических и геополитических интересов государства, повышения его конкурентоспособности на мировом рынке [1; С. 45]. Управление миграционными потоками представляет собой особо важную задачу, принимая во внимание то, что трудовая миграция заняла верхние строчки политических программ во многих странах происхождения, транзита и назначения [2; С. 15].

На миграционную политику оказыва-

ют влияние как внутренние (демографическое развитие населения страны; эффективность системы образования; ситуация на рынке труда; задачи, цели и способы осуществления реформ; состояние экономики; законодательные установления государства; пограничный режим), так и внешние факторы, главным из которых является экономическое, политическое, военное положение соседних государств, их курс в проведении миграции [3; 6]. Именно последний фактор имеет значение с точки зрения влияния миграции на дальнейшее развитие Забайкальского края в контексте реализуемых здесь национальных интересов, учитывая приграничное положение и соседство с крупнейшей азиатской державой – Китаем.

Китайское правительство обеспокоено огромными масштабами избыточной рабочей силы внутри страны. С начала 80-х гг. XX в. КНР проводит целенаправленную политику освоения зарубежных рынков трудовых ресурсов, активно поддерживает своих граждан в индивидуальном бизнесе, требует от них организованной и индивидуальной добычи твердой валюты, изучения иностранных технологий и повышения квалификации за рубежом [4]. Меры по дальнейшей стабилизации проблемы занятости и распределения трудовых ресурсов направлены на расширение экспорта рабочей силы из густонаселенных регионов Китая в малозаселенные сельскохозяйственные районы (в основном, приграничные области) сопредельных стран [5; С. 42].

Избыточные трудовые ресурсы Китая делают его миграционным донором мирового масштаба. Нарастание миграционных потоков при любой политике Российской Федерации и КНР неизбежно. Ученые прогнозируют усиление тенденции замещения

коренного постоянного населения, особенно в пограничных с КНР российских регионах иммигрантами из соседних стран, прежде всего из Китая. Дальний Восток, Сибирь и Забайкальский край как раз находятся на пути этих потоков [6; С. 289].

На территории Забайкальского края дислоцировано 9 пунктов пропуска через границу. Только в 2009 г. через эти пункты в Россию въехало свыше 178 тыс. иностранных граждан. Граждане КНР активно используют территорию Забайкальского края для транзита в глубинные районы Российской Федерации. Развитая транспортная инфраструктура (Транссиб, Федеральная автомагистраль, воздушное сообщение) позволяет им относительно быстро и с небольшими затратами достигать конечных пунктов своих устремлений.

По целям временные мигранты распределяются следующим образом: работа, решение частных вопросов, получение образования, туризм, коммерческая деятельность (табл. 1).

Таблица 1

Цели пребывания граждан КНР в Забайкальском крае [7], чел.

Цели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Работа по найму	14342 (48 %)	25984 (63,7 %)	41632 (75,7 %)	22416 (69,9 %)
Деловая и гуманитарная	7542 (25 %)	10036 (24,6 %)	9728 (17,7 %)	4290 (13,3 %)
Туризм	4065 (13 %)	3946 (9,7 %)	2235 (4,1 %)	4226 (13,1 %)
Частная	3876 (13 %)	384 (0,9 %)	623 (1,1 %)	313 (0,9 %)
Учеба	291 (1 %)	432 (1,1 %)	758 (1,4 %)	901 (2,8 %)

Влияние миграции на развитие приграничных территорий особо очевидно в сфере рынка труда, что проявляется в привлечении мигрантов из-за границы для осуществления работы по найму на определенный срок. Прогноз развития рынка труда Забайкальского края не позволяет делать оптимистический вывод по наличию собственных трудовых ресурсов для достаточного обеспечения реализации стратегических инвестиционных проектов в регионе. Наш работодатель пока не желает вкладывать

деньги в трудовые ресурсы края, использует дешевую и не всегда квалифицированную иностранную рабочую силу [8; С. 18].

Наиболее востребованными являются иностранные работники в таких отраслях хозяйственной деятельности, как строительство, торговля и общественное питание, лесное хозяйство, геология и добыча полезных ископаемых, транспорт, бытовое обслуживание, сельское хозяйство, обрабатывающее производство (табл. 2).

Таблица 2

Распределение трудовых мигрантов из КНР по отраслям хозяйственной деятельности [7], чел.

Отрасли	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Работающие граждане КНР, всего	14681	27611	21991
из них в:			
– строительстве	8762 (59,7 %)	19707 (71,4 %)	15288 (69,5 %)
– лесном хозяйстве	3620 (24,7 %)	3589 (13 %)	2351 (10,7 %)
– сельском хозяйстве	200 (1,4 %)	714 (2,6 %)	935 (4,25 %)
– обрабатывающее производство	56 (0,4 %)	–	501 (2,3 %)
– оптовой и розничной торговле	1750 (11,9 %)	1209 (4,4 %)	1227 (5,58 %)
– других отраслях	293 (2 %)	2392 (9 %)	1689 (7,7 %)

Доля китайских работников, занятых в строительстве, стабильно растет. Деятельность в строительной сфере практически полностью зависит от иностранной рабочей силы, которая привлекательна своей дешевой и высокой производительностью труда. Это экономическая конъюнктура. Доля иностранцев, занятых в лесной отрасли, стабильно сокращается. Это связано с политикой федерального центра по сокращению экспорта круглого леса и введением высоких вывозных пошлин на эту товарную позицию. Доля иностранцев, занятых в торговле, сокращается с 2006 г. в связи с известными ограничениями участия иностранцев в торговле.

Обживаясь на территории Забайкальского края, китайские мигранты скупают и недвижимость: квартиры, земельные участки, магазины, нежилые помещения (кузнечно-сварочный цех, гаражи, деревообрабатывающий цех, железнодорожный тупик, склады, овощехранилища, теплицы, автостоянки, водонапорные башни и др.).

Интегрируясь в местное сообщество, они сохраняют свою национальную идентичность, трудятся изолированными этническими анклавами. Никаких серьезных конфликтов, выходящих за рамки бытовых, между местным населением и китайскими трудовыми мигрантами не наблюдается. Китайцы не демонстрируют никакого стремления к официальному закреплению на российской территории [9]. По сведениям УФМС России, по Забайкальскому

краю за период с 2002 по 2009 гг. приняли российское гражданство 9776 иностранных граждан, из них только три гражданина КНР.

Забайкалье интересует китайцев лишь как место, где можно зарабатывать деньги. Китайцы не против инвестировать совместные предприятия, осваивать месторождения на территории Забайкальского края. Но при этом они ставят трудновыполнимое условие: работать там будут только китайские граждане. Мало того, от российской стороны требуют создания особых таможенных коридоров и превращения границы в прозрачную зону, чтобы китайские рабочие могли по вечерам возвращаться домой.

Протекающие иммиграционные процессы имеют как позитивные, так и негативные стороны. К числу позитивных можно отнести приток на территорию региона законных трудовых мигрантов, владеющих профессиями, востребованными на российском рынке труда.

Одним из негативных последствий привлечения китайской рабочей силы на строительстве, в производстве овощей, на лесозаготовительных и других работах можно считать то, что «у местного населения наступает постепенное привыкание к легким методам решения трудовых и хозяйственных задач, происходит утрата профессионализма, династийных производственных навыков, внутренней энергии решать проблемы своими силами» [10; 9].

Не менее актуальными для края ос-

таются проблемы борьбы с нелегальной миграцией. До 2000 г. основным каналом незаконной миграции в Россию граждан КНР являлся канал безвизового туризма. Поток китайских туристов значительно сократился после подписания соглашения между Россией и Китаем «О безвизовых групповых туристических поездках» (февраль 2000 г.), которое ужесточило правила въезда и пребывания в России. Как следствие начался активный рост въезжающих в Россию граждан КНР по коммерческим и деловым визам, которые оформляются в полуправильных посреднических организациях и фирмах приграничных городов. За приглашение в Россию таким организациям китайцы платят 1,5...4,5 тыс. юаней (7...20 тыс. руб.). Размер платы за услуги зависит от категории и кратности визы. Приглашающие организации своими обязанностями пренебрегают, часть из них являются фирмами-однодневками. Въехав на территорию страны, граждане КНР остаются предоставленными сами себе. Многие пытаются устроиться на работу неофициально. Таких нелегалов задерживают, у них аннулируют визы и отправляют на родину. Однако не факт, что в этом случае жители Поднебесной не возвращаются в Забайкалье, ведь им нужно всего месяц-полтора, чтобы добыть новую визу. Не исключено, что за этим стоят криминальные структуры, и процесс давно поставлен на поток.

Определенным сдерживающим фактором для китайских визовиков являлась деятельность постов иммиграционного контроля ФМС России в пунктах пропуска через границу. Именно здесь отслеживалось соответствие целей въезда заявленным и пресекались наиболее откровенные попытки въезда. Когда в 2007 г. с ФМС сняли функции контрольного органа в пунктах пропуска через границу, резко возросло количество граждан КНР с целями, не соответствующими заявленным. В 2007 г. было выявлено более 200 граждан КНР, въехавших в Россию в визовом порядке. Цель въезда «коммерческая», «деловая», занятия деятельностью, не соответствующей статусу визы. В 2008 г. таких граждан было бо-

лее 300, в 2009 г. — свыше 1500, т.е. больше в 5 раз.

В результате мероприятий «Нелегал» и «Добрая воля» в 2009 г. был предотвращен въезд в Россию 790 граждан КНР с целями, несоответствующими заявленным. 722 нелегальных мигранта были выявлены при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Для данной категории иностранных граждан характерны общие признаки:

- 1) не знают цель въезда, указанную в визе;
- 2) не знают названия, места нахождения приглашающей их организации и способов установления контактов с ней;
- 3) визы оформлялись через посредников (китайские туристические фирмы) за плату;
- 4) следовали компактной группой и заявляли об истинных целях въезда (работа по найму, торговля, изучение рынка сбыта, посещение родственников или знакомых);
- 5) низкий уровень образования и наличие большого количества вещей, косвенно свидетельствующих об истинной цели въезда.

Анализ маршрутов следования граждан КНР, а также перечня приглашающих их организаций свидетельствует, что подавляющее число мигрантов въехало в Россию по приглашениям, оформленным в Москве — 846 чел. (56 %); Екатеринбурге — 109 чел. (7,2 %); Благовещенске — 107 чел. (7 %); Санкт-Петербурге — 107 чел. (5,3 %); Улан-Удэ — 62 чел. (4 %).

Из ответов на запросы в территориальные органы ФМС часть приглашающих организаций установить не удалось, ряд приглашений конкретным гражданам Китая не оформлялись. Было выявлено 225 поддельных приглашений.

В октябре-ноябре 2009 г. возвращенные из России граждане КНР организовали протестные действия на территории сопредельного пункта пропуска «Маньчжурия» в форме пикетирования и препятствования движению российского автотранспорта. Официальные власти Китая данным акциям не препятствовали. В целях локализации

сложившейся ситуации с представителями сопредельной стороны была проведена рабочая встреча, в которой принимало участие руководство УФМС. До китайских официальных лиц была доведена позиция российской стороны и факты оформления виз по поддельным приглашениям. После этого ситуация была нормализована.

Главная артерия, через которую в Россию попадает основное количество нелегальных мигрантов из Поднебесной – поселок Забайкальск. Здесь практически всюду работают граждане Китая: за прилавком, в теплице, на стройке. Согласно действующему законодательству, иностранцы не имеют права торговать в розницу вне магазинов. Заниматься же реализацией товара в торговых центрах или комплексах, участвовать в оптовой продаже правила разрешают. Привлечь иностранца к ответственности в торговом центре можно за несоблюдение правил миграционного учета. Во время проверок законности пребывания иностранцев на территории Забайкальска система оповещения у граждан КНР работает идеально – все хотят сохранить свой бизнес, потому пристально следят за действиями контролирующих инстанций. Для этого разработана хорошая сеть оповещения: китайцы раздали своим рабочим рации, закупили видеокамеры наружного наблюдения.

Другая проверка обнаружила базу нелегалов на территории лесоприемного пункта в Петровск-Забайкальском районе. Нарушители прятались в замаскированных землянках, также имели средства связи, передачи данных, браконьерское снаряжение. Найдены также схроны и укрытия, оборудованные нелегалами на территории Забайкальского района (в 1 км от линии Государственной границы), склад контрафактной спиртосодержащей продукции. Все оборудовано системами видеонаблюдения.

Таким образом, сегодня миграция – неизбежность, самостоятельный фактор глобализации, имеющий как позитивные, так и негативные последствия. Проблема не в том, быть или не быть миграции, а в том, какой ей быть.

Интенсивное экономическое сотрудни-

чество с Китаем предполагает и требует интенсивной миграции в приграничных районах обеих стран [11; С. 44]. Современные тенденции китайской миграции на Дальний Восток, Сибирь и в Забайкальский край свидетельствуют, что территориальное закрепление китайских граждан составляет сферу интересов руководства КНР [12].

Основными причинами развития китайских миграционных потоков в Забайкальский край являются экономический (избыточная трудовая сила) и демографический (демографическое давление) факторы.

Влияние миграции на развитие приграничных территорий особо очевидно в сфере рынка труда, что проявляется в привлечении мигрантов из-за границы для осуществления работы по найму на определенный срок.

Актуальной задачей должно стать формирование системы управления этим рынком труда: отбор, подготовка, размещение необходимой региону квалифицированной рабочей силы из Китая. Необходимо дозированное привлечение китайской рабочей силы.

В Забайкальском крае начинает формироваться постоянное китайское население, имеющее текучий состав. Это еще не диаспора. Положение этого сообщества не стабильно, во многом зависит от состояния российской экономики, политических веяний в России, прихоти местных властей. При этом мигранты не стараются интегрироваться в окружающий социум, образуя некое параллельное общество, обладающее устойчивой и развитой внутренней структурой [13; С. 76]. Несмотря на это, данное сообщество – влиятельный фактор местной экономической жизни. Китайские мигранты вносят свой вклад в подъем экономики края. Но следует обратить внимание на изменение ситуации на рынке труда, где происходит «этнизация» отдельных отраслей и изменение ролевых установок мигрантов [14; С. 42].

Незаконная миграция в Забайкальском крае объективно существует. Криминальная деятельность по подделке российских

официальных документов приняла масштабный характер, несущий прямую угрозу национальной безопасности государства. В Россию в массовом порядке въезжают граждане Китая, никем не приглашаемые и не ожидаемые, для занятия незаконной трудовой деятельностью, в основном, в сферах торговли, заготовки и закупки сы-

рьевых ресурсов страны. Все это возможно предупредить еще на этапе оформления визы иностранному гражданину. Консульские учреждения Российской Федерации в КНР с помощью Центрального банка данных учета иностранных граждан могут проверить подлинность пригласительных документов.

Литература

1. Цапенко И.П. Как влияет иммиграция на общество // Вестник Российской академии наук. – 2005. – Т. 75. – № 1. – С. 45.
 2. Баруа Н., Чолевински Р. Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. – ОБСЕ, МОМ, МОТ, 2006. – С. 15.
 3. Барциц И.Н. Основы миграционной политики: учеб. пособие / под общ. ред. И.Н. Барцица; отв. ред. Т.С. Иларионова. – М.: РАГС, 2008. – С. 6.
 4. Международная конференция «Россия и Китай в современном мире» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – СПб., 2006. – Режим доступа: <http://www.rusnations.ru/news/662.html> [Загл. с экрана].
 5. Портяков В. Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 42-58.
 6. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 289.
 7. Основные результаты служебной деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Забайкальскому краю за 2008-2009 гг. / УФМС России по Забайкальскому краю. – Чита, 2009.
 8. Деловое Забайкалье: ресурсы и экономика. – Декабрь-январь 2008-2009. – № 10-11 (30-31). – С. 18.
 9. Тарасов А.П. Рынок труда в Забайкалье // Эффект. – 11 ноября 2009. – № 46 (813).
 10. Атанов Н.А. Состояние и перспективы развития экономического взаимодействия приграничных регионов Забайкалья, Китая и Монголии // Сборник докладов пленарного заседания международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество: Россия-Китай-Монголия». – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – С. 9.
 11. Шевцова Т. Китайская миграция в России // Власть. – 2005. – № 8. – С. 44-55.
 12. «Китайская миграция и китайские землячества» [Электронный ресурс]. – Электрон. журн. – М., 2006. – Режим доступа: www.km.ru/magazine/view.asp?id=F5F5580B03F84EA. – [Загл. с экрана].
 13. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. – ИДВ РАН, 2008. – С. 76.
 14. Дахин В.Н. Политические аспекты современной миграции // Государственная служба. – 2007. – № 2. – С. 46-52.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Козыкина Н.В., зав. кафедрой международного права и международных отношений, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
april-chita@mail.ru

N. Kozykina, Head of the Department of international law and international relations, Chita State University

Научные интересы: политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Research area: political problems of international relations, of global and regional development

Науки о Земле

УДК 553

Барабашева Елена Евгеньевна
Elena Barabasheva

Стремецкая Елена Олеговна
Elena Stremetskaja

КОМПЛЕКСНОСТЬ РУДОГЕНЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СТРЕЛЬЦОВСКОГО РУДНОГО ПОЛЯ

ON COMPLEX MODEL OF ORE FORMING PROCESSES IN STRELTSOVSK ORE BELT

Представлена новая комплексная рудогенетическая модель Стрельцовского рудного поля. Рассмотрены процессы рудогенеза по трем основным аспектам. Выделены четыре генетических типа месторождений урана и приведено их описание

Ключевые слова: рудогенетическая модель, генетическая группа, рудное вещество, уран

The article presents a new complex model of the ore forming processes in Streltsovsk ore belt. It considers the ore forming process in three aspects and gives the description of four genetic types of uranium deposit

Key words: ore genetic model, genetic group, ore substance, uranium

Стрельцовское рудное поле находится в пределах уран-флюорито-золотополиметаллического пояса, расположенного на территории Южного Приаргунья и Восточной Монголии [1]. Особенностью пояса является наличие в нем более молодых, преимущественно меловых, рудных зон с флюоритовыми и золото-серебряными рудами.

На территории Стрельцовского рудного поля выявлены 19 гидротермальных месторождений и 10 проявлений молибден-урановой формации [1]. Но не все они характеризуются общностью генезиса и геолого-структурных условий локализации рудных залежей. Кроме того, отдельные проявления отличаются различным минеральным составом и геохимическими особенностями руд.

Уран присутствует практически во всех изверженных горных породах, являясь их

ничтожной составной частью, но формы его нахождения в породах весьма разнообразны. Он входит в структуру породообразующих минералов, может находиться в форме катионов, вступающих в катионный обмен, быть абсорбированным на гранях кристаллов, растворенным в жидких включениях или межзерновых жидкостях. Практически весь уран, за исключением его части, входящей в кристаллическую решетку породообразующих минералов, хорошо растворяется в разбавленных минеральных кислотах, образуя ореолы вокруг проявлений. Уран кристаллической решетки характерен для конечных стадий кристаллизации породообразующих минералов.

По химическому и минеральному составу руды месторождений Стрельцовского рудного поля разделяются на два природных типа — алмосиликатные и карбонатные [1]. К первому типу относятся руды в поро-

дах осадочно-эффузивного чехла и границах фундамента Стрельцовской кальдеры, ко второму — руды в доломитизированных известняках фундамента, известные только на Аргунском и Антейском месторождениях. По составу руды монометалльные урановые или молибден-урановые.

Кроме урановых месторождений в Стрельцовском рудном поле находится Стрельцовское месторождение флюорита, выявленное и разведанное значительно раньше урановых. В западной части рудного поля оценочными и разведочными работами выявлены крупные самостоятельные залежи молибденовых руд, проявления олова, полиметаллов и фосфора. В урановорудных залежах кроме молибдена присутствуют бериллий, свинец, цинк, золото, не образующие промышленных концентраций.

Химический состав руд испытывает значительные вариации в зависимости от интенсивности гидротермальной минерализации и находится в тесной связи с составом вмещающих пород. С повышением основности пород вмещающего комплекса закономерно возрастает содержание в рудах кальция и магния, карбоната и фторида кальция, а также серы и железа, с которыми связаны окислительно-восстановительные свойства руд.

В составе руд участвуют минералы вмещающих пород, а также продукты гидротермального и гипергенного этапов минералообразования [1].

Среди рудных минералов гидротермального этапа минералообразования главными являются настуран, коффинит, молибденит, фемолит, ширит; второстепенными — браннерит, галенит, клейофан, гематит, ильменит; редко встречающимися — халькопирит, блеклая руда, марказит, лейкоксен. Среди породообразующих преобладают гидрослоды, кварц, кальцит, флюорит, хлориты, монтмориллонит, более редки шамозит, каолинит, железистые карбонаты.

Гипергенный этап минералообразования включает:

а) минералы вторичного обогащения

в составе рудных коффинита, настурана, иордизита, пирита, манганита, самородного мышьяка, халькозина, урано-молибденовой черни;

б) минералы зоны окисления в составе силикатов, молибдатов и арсенатов уранила, гидронастурана, гидрооксидов железа, гидроокислов урана, фосфата уранита.

Породообразующими минералами гипергенного этапа в основном являются монтмориллонитовые и кальцитовые разности.

Минералы урана в гипогенных рудах представлены настураном, браннеритом и коффинитом. Настуран является главным урановым минералом и слагает большую часть запасов урановых руд. Коффинит — второй по распространенности минерал урана. В урановых рудах он находится повсеместно, в молибдено-урановых встречаются редко. Наиболее значительное обогащение урановых тел коффинитом наблюдается в зоне вторичного обогащения на глубинах 90...120 м от поверхности. В осадочных породах основания фельзитового комплекса, в нижней части разреза тургинской свиты коффинит слагает самостоятельные пологозалегающие рудные тела и залежи. Браннерит в урановых рудах имеет резко подчиненное значение, распространен в бедных вкрапленных рудах, в краевых частях и на вклинивании рудных залежей в трахидацитах и в гранитах. Образует мелкие скопления удлиненных пластинчатых кристаллов размером в сотые и тысячные доли миллиметра в кварце, хлорите, реже в карбонате, а также псевдоморфно развивается по вкрапленникам ильменита, в измененном биотите — по включениям сфена. Кристаллики браннерита обычно обрастают субмикроскопическими сферолитами настурана и коффинита. Водная окись железа, входящая в состав браннерита, адсорбирует уран, предварительно выщелоченный грунтовыми водами из нижележащих пород.

Ассоциация урана с органическими остатками помогает выяснить основные черты процессов его размещения в определенных типах осадков. Повсеместно в мире отмечается, что урановые руды практичес-

ки всегда находятся совместно или замещают обуглившиеся остатки деревьев и растений [2].

Неорганические урановые минералы часто наблюдаются в ассоциации с остатками растений в осадочных образованиях верхнего структурного этажа кальдеры. Уран генетически не связан с углистым веществом, но в процессе своей миграции им сорбируется.

Для образования ураноорганического комплекса необходимо наличие внешнего источника урана, благоприятных условий для выноса элемента и самого органического вещества. Именно такие условия и образовались в пределах осадочного чехла Стрельцовской кальдеры на момент образования урановых и уран-молибденовых месторождений, связанных с активными урансодержащими гидротермальными растворами, содержащими углеводородные образования.

Существующая геолого-генетическая модель Стрельцовского рудного поля [1] представляет собой единую генетическую группу урановых месторождений, которые относятся к низкотемпературным гидротермальным месторождениям молибден – урановой формации.

При создании комплексной модели рудообразования Стрельцовского рудного поля рассмотрение процессов рудогенеза нами проводилось по трем аспектам:

- 1) первичным источникам поступающего рудного вещества;
- 2) механизмам переноса, отложения и переотложения рудного вещества;
- 3) участию органики в процессах рудогенеза.

Выделены четыре рудные ассоциации месторождений урана: первая – гидротермальные месторождения древних пород фундамента (месторождения Антей и Аргунское); вторая – гидротермально-осадочные месторождения проницаемых осадочно-вулканогенных пород мезозойского чехла (месторождения Стрельцовское, Восточно-Широндукуйское, Широндукуйское, Тулукуевское, Мало-Тулукуевское, Октябрьское, Лучистое,

Мартовское, Юбилейное, Весеннее, Новогоднее, Безречное, Дальнее); третья – месторождения жерловых фаций (месторождения Красный Камень, Жерловое, Пятилетнее и Юго-Западное); четвертая – месторождения в скоплениях остаточных наносных песчано-глинистых отложений выветрелых пород четвертичного возраста (месторождение Полевое).

Первая рудная ассоциация фундамента кальдеры. Длительная эволюция активных участков привела к формированию в узлах пересечения глубинных разломов многоярусных магматических очагов, вдоль которых происходили многостадийные гидротермальные процессы. Первоначально движение флюидов палеозойских гранитоидов характеризовалось вертикальной миграцией по разломам и трещинам. Попадая под экранирующие горизонты карбонатов и углистых сланцев, выступающих в качестве геохимических барьеров, начиналась горизонтальная миграция с элементами сорбции и биосорбции, которая приводила, в конечном счете, к внедрению урана в кристаллическую решетку минералов вмещающих пород.

Сопутствующие олово, свинец, цинк, золото, серебро образовывали первоначально сульфидные формы, плавно перетекающие в сульфаты. В результате деятельности грунтовых вод в зоне разгрузки перечисленные элементы образовывали непромышленные полиметаллические месторождения или входили в состав урановых руд в виде повышенных концентраций.

Помимо быстродействующих гидротермальных процессов при концентрировании урана и золота присутствовали замедленные процессы твердофазной диффузионной миграции ионов этих элементов в кристаллической решетке минералов вмещающих пород [3].

Непосредственного присутствия органических остатков в отложениях фундамента Стрельцовской кальдеры не обнаружено, однако раннепротерозойские цианобактериальные маты широко распространены в карбонатном обрамлении Стрельцовского рудного поля в районе Клички, входящей в

состав Урулонгуевского поднятия. В виду того, что протерозойский мелководный бассейн на территории Южного Приаргуны захватывал всю площадь Урулонгуевского поднятия и условия обитания были равноценны для биоты на всей площади бассейна, предполагаем участие цианобактериальных матов (строматолиты, онколиты) в качестве геохимических барьеров, а также биосорбентов и сульфатредукторов в рудогенетических процессах месторождений фундамента Стрельцовой кальдеры.

Вторая рудная ассоциация характеризует наиболее многочисленные гидротермально-осадочные месторождения проницаемых осадочно-вулканогенных пород мезозойского чехла Стрельцовой кальдеры.

Он ознаменовался тектоно-магматической активизацией, приведшей к образованию крупных разломов и проявлению вдоль них вулканизма. Мезозойскими глубокими дислокациями Урулонгуевское сводовое поднятие оказалось расчлененным на ряд блоков, между которыми в течение юры и мела формировались впадины, заполнявшиеся осадочными, стратифицированными вулканогенными покровными и туфогенными образованиями. Покровные образования стратифицированы и разделены обычно маломощными горизонтами осадочных пород озерных и русловых фаций, содержащих многочисленные органические остатки юрско-мелового возраста.

В процессе излияния кислых лав, сопровождавшихся горячими растворами, происходило отложение урана. Накопление значительных масс рудогенных металлов связано с эффективностью смешения флюидов магматического и метеорного происхождения. Смешанные флюиды фундамента, которые попадали в чехол второго этажа, а также флюиды вулканических покровов и магматических очагов чехла в результате экранирования биосорбировались на органическом веществе осадочных углистых комплексов. В результате неоднократного перераспределения металлических комплексов в основном сорбировались уран и молибден. Остальные металлы

уходили в сульфидную, тиосульфатную и флюоритовую фракции и переотлагались за счет грунтовых вод. Причем, золото и уран в рамках единого гидротермально-инфильтрационного процесса концентрировались на ранних стадиях, а остальные элементы — на поздних.

Третья рудная ассоциация — это месторождения жерловых фаций. Все промышленные концентрации урана, выявленные здесь, тяготеют к корневым зонам сложных субвулканических интрузивов, заполняющих кальдерные разломы. Концентрирование химических элементов происходило, как правило, на геохимических барьерах, представленных экранирующими поверхностями осадочных образований тургинской свиты, содержащих многочисленные органические остатки и даже пропластки угля. Для образований жерловых фаций характерны магмы, обедненные ураном и молибденом, большое количество серы, меди, железа в виде поствулканических растворов и эманаций. Уран, поступающий с термальными водами, образованными в результате поствулканической деятельности, сорбировался многочисленными органическими остатками. Поступающие горячие термы углефицировали органическое вещество и превращали его в «свежеобразованный» активный биосорбент.

Четвертая рудная ассоциация — месторождения в скоплениях остаточных наносных песчано-глинистых отложений выветрелых пород четвертичного возраста. К нему относится месторождение Полевое, размещающееся в отложениях пади Сухой Урулонгуй. Уран, поступающий с восходящими грунтовыми водами, размывающими нижележащие ураносодержащие образования чехла, сорбировался многочисленными органическими остатками четвертичного времени. Накопление переотложенного вторичного уранового сырья происходило путем осаждения на геохимических барьерах, образованных в результате смещения углекислотного равновесия за счет смены карбонатных отложений на терригенные.

Таким образом, в рассмотренных рудных ассоциациях при формировании круп-

номасштабного уранового оруденения, димым является наличие благоприятных наряду с рудоносными растворами и их биогеохимических условий рудоотложения транспортировкой к поверхности, необхо- в области минералообразования.

Литература

1. Ищуква Л.П. Урановые месторождения Стрельцовского рудного поля в Забайкалье / Под ред. С.С. Наумова. – Иркутск: Глазковская, 2007. – 260 с.
2. Геология урана и тория // Материалы Международной конференции по мирному использованию атомной энергии. – Т. 6. – М.: Гос. науч.-тех. издат. по геологии и охране недр, 1958. – 966 с.
3. Секисов А.Г., Зыков Н.В., Королев В.С. Дисперсное золото. Геологический и технологический аспекты. – Чита: ЧитГУ, 2007. – 270 с.
4. Ищуква Л.П. Модель объемного геологического строения Урулонгуевского блока // Материал совещания по глубинному (объемному) картированию (апрель 1980) в г. Ленинграде: инф. сб. вып. 79. – М., 1982. – С. 127-134.
5. Казанский В.И., Лаверов Н.П., Тугаринов А.И. Источники рудного вещества эндогенных урановых месторождений // Геология рудных месторождений. – М., 1975. – № 4. – С. 31-41.
6. Наумов Г.Б. Основы физико-химической модели уранового рудообразования. – М.: Атомиздат, 1978. – 213 с.
7. Шаткова Л.Н., Шатков Г.А. О возможном источнике рудного вещества уранфлюоритовых месторождений. – М., 1973. – № 4. – С. 36-44.
8. Щеглов А.Д. Основы металлогенического анализа. – М.: Недра, 1980. – 432 с.
9. Горный журнал. № 8. – М.: ЗАО «Издательский дом «Руда и металл», 2008. – 96 с.
10. Томсон И.Н. Металлогенический анализ в областях активизации; под ред. Е.Т. Шаталова. – М.: Наука, 1977. – 258 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Барабашева Е.Е., канд. геол.-минер. наук, доцент кафедры гидрогеологии и инженерной геологии, ст. научный сотрудник Геологического научного центра ЧитГУ
Раб. тел.: 8(30-22)35-58-56

E. Barabasheva, senior Research assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, Candidate of Geological and mineralogical Sciences, assistant professor

Научные интересы: геоэкология, биогеохимия, охрана геологической среды, музееведение

Research area: geoecology, biogeochemistry, geological environment protection, museology

Стремetskaja Е.О., аспирантка, старший научный сотрудник Геологического научного центра ЧитГУ
Раб. тел.: 8(30-22) 35-58-56

E. Stremetskaja, senior Research assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, aspirant

Научные интересы: геоэкология, охрана геологической среды, музееведение

Research area: geoecology, geological environment protection, museology

УДК 622.234/42

Гаврилов Александр Александрович
Alexander Gavrilo

ЭФФЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОДЗЕМНОГО ВЫЩЕЛАЧИВАНИЯ УРАНА ИЗ МАЛОМОЩНЫХ КРУТОПАДАЮЩИХ ЖИЛ СТРЕЛЬЦОВСКОГО РУДНОГО ПОЛЯ

EFFECTIVE TECHNOLOGY OF URANIUM UNDERGROUND LEACHING IN LOW-POWER STEEP VEINS OF STRELTSOVSK ORE FIELD

Предложена технология обработки бедных урановых руд из маломощных крутопадающих жил методом подземного выщелачивания, которая позволит сократить затраты на добычу, вовлечь в отработку бедные руды и расширить минерально-сырьевую базу предприятия

The article deals with the technology of uranium ore mining from thin steeply dipping veins by underground leaching which will allow reducing production costs, engaging low grade ore in processing and expanding the mineral resource base of the enterprise

Ключевые слова: подземное выщелачивание (ПВ), маломощные крутопадающие жилы, глубина отбойных скважин, выемочная мощность, средневзвешенный размер куска, концентрация серной кислоты, Стрельцовское рудное поле

Key words: underground leaching (UL), thin steeply dipping veins, depth demolition of wells, excavation thickness, average size piece, concentration of sulfuric acid, Streltsovsk ore field

В настоящее время Россия в состоянии обеспечить из текущей добычи лишь 20 % своих суммарных потребностей в уране [1]. Для стабильного обеспечения сырьем атомных электростанций России и зарубежных потребителей его производство необходимо увеличить в 3...4 раза [7].

При этом разработка сложноструктурных месторождений основного уранодобывающего предприятия России ОАО «Приаргунское производственное горнохимическое объединение» (ОАО «ППГХО») характеризуется повышенными эксплуатационными и капитальными затратами, что предъявляет высокие требования к содержанию металла и мощности рудных тел. С выемкой богатых и рядовых руд значительная часть бедных и забалансовых, сосредото-

ченных в маломощных (до 2...3 м) жилах, остается нетронутой вследствие низкой рентабельности. Их доля уже сейчас составляет 20 % от общих запасов, а количество металла в них сопоставимо с крупным месторождением, для разведки и вскрытия которого потребовались бы значительные материальные и трудовые средства.

Для рационального использования недр был проведен комплекс опытно-промышленных работ по шахтному подземному выщелачиванию (ПВ), который показал перспективность применения данного метода для отработки обедненных скальных руд Стрельцовской группы месторождений за счет исключения материалоемких и дорогостоящих операций по закладке, транспортировке и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

**Усредненные результаты опытно-промышленных работ по подземному выщелачиванию
на месторождениях Стрельцовского рудного поля [3, 9]**

Наименование показателей	Ед. изм.	Месторождение				
		Юбилейное	Весеннее	Новогоднее	Лучистое	
Геологическая характеристика						
Рудовмещающие породы		Фельзиты	Конгломераты, туфопесчаники	Фельзиты	Фельзиты, туфы фельзитов	Трахиталты, базальты, андезиты-базальты
Характеристика рудных тел						
Форма рудных тел		Жило-, линзо- и гнездообразные	Пластообразные	Жило-, линзо- и гнездообразные	Жилообразные и штокеркоподобные	Жилообразная, осложненная апофизами
Мощность рудных тел		Мощные	Маломощные	От маломощных до мощных	Мощные и средней мощности	Маломощные и средней мощности
Угол падения		Крутопадающие	Полотие		Крутопадающие	
Характеристика урановых минералов						
Состав		Настуран, коффинит	Настуран, уранофан	Настуран, коффинит	Настуран, коффинит, браннерит	Настурановые, коффинит и браннерит
Текстура руд		Прожилковая, трещиноватая, крупновкрапленая		Прожилковые, а также гнездово-вкрапленные	Мелковкрапленая	
Технологическая характеристика процесса ПВ						
Количество руды	т	850000	33049	1026422	186883	136600
Содержание	%	0,023	0,149	0,046	0,129	0,056
Соотношение Ж:Т		2,7	18,87	1,31	5,2	4,69
Расход H ₂ SO ₄	кг/кг U	35,0	40,5	37,5	70	63,2
Период эксплуатации	мес	67	20	22	19	17
Извлечение урана	%	88,6	55,1	34,6	55,51	41,9

Однако широкомасштабного применения метода ПВ на ОАО «ППГХО» не последовало из-за низкого коэффициента извлечения металла ($\approx 50\%$), обусловленного различными техническими, горно-геологическими и технологическими причинами, основными из которых являются снижение содержания металла (потери и разубоживание руды) и переуплотнение замагазированной горной массы в результате неудовлетворительной подготовки блока, неравномерное орошение и образование проточных каналов, кольматация, плохая аэрация выщелачиваемой горной массы, выход оборудования из строя и др.

В этой связи подготовка маломощных жил, на долю которой приходится до 60...70 % затрат при ПВ, является актуальной задачей. Ее решение позволит сократить расходы на извлечение полезного компонента, вовлечь в отработку бедные руды с их забалансовым ореолом и расширить минерально-сырьевую базу предприятия.

Анализ отечественного и мирового опыта показал, что для подготовки руды к ПВ наиболее перспективными являются две технологические схемы (рис. 1), одна из которых базируется на системе разработки подэтажных штреков с использованием высокопроизводительного самоходного бурового, погрузочно-доставочного оборудования и отбойки руды скважинами малого диаметра (вариант I). Другая (вариант II) – с применением очистного механизированного комплекса КОВ-25 (разработчики ИПКОН АН СССР, ВНИПИгорцветмет, НИПИгормаш) [2, 4].

На основании обзора существующих типов и параметров горных машин, выпускаемых отечественной и зарубежной промышленностью, обоснованы комплексы механизмов, обеспечивающие минимальное разубоживание. Восстающие прямоугольного сечения 6...8 м² проводят проходческими комплексами КПВ-4 и секционным взрыванием скважин. Проходка горизонтальных выработок площадью поперечного сечения 5...7 м² и магазинирование руд производится малогабаритным самоходным оборудованием типа Бумер 104,

Минибур 1Ф, Бумер 282, Симба Н-157, Соло 1Л (вариант I) и комплексом машин с монорельсовым перемещением, включающим проходческий полок КПВ-6, очистной полок КОВ-25 и вспомогательный подъемник ПВ-1000 (вариант II). Отгрузка горной массы осуществляется погрузочно-транспортными машинами типа Микроскоп 100, ТРО 151, СТ-2Д, ПД-2Э.

Равномерное разрыхление руды в «магазине» достигается частичным ее выпуском в количестве 20...35 % через выпускные выработки днища блока. Остальная масса подвергается ПВ сернокислотными растворами в инфильтрационном режиме с интенсивностью подачи реагента до 100 м³/ч в период «закисления» и 45...50 л/(ч·м²) при активной стадии выщелачивания. Орошение производят в закрытых камерах, что исключает опасные условия труда вследствие естественного оседания рудной массы в блоке, подвижек от сотрясений при взрывных работах в соседних камерах и паров серной кислоты [5].

В предложенных технологиях при эксплуатации в различных горно-геологических и горнотехнических условиях важнейшими параметрами являются глубина скважин, выемочная мощность и размер выщелачиваемого куска.

В результате графоаналитических исследований определены закономерности (1, 2) рациональной глубины скважин ($l_{\text{скв}}$) и выемочной мощности (M) с достоверным интервалом аппроксимации $R^2=0,85$ и $R^2=0,88$ соответственно. Они обеспечивают максимальную полноту вовлечения запасов изменчивого участка маломощных жил с минимальным прихватом вмещающих пород и зависят от угла падения (α), мощности (m) и коэффициента сложности (Δ) рудного тела, определяемых как отношение длины контура рудного тела к его площади.

$$l_{\text{скв}} = \frac{5,54 \cdot m \cdot \Delta^{-0,12 \cdot m}}{\sin \alpha}, \text{ м}; \quad (1)$$

$$M = \frac{0,15 \cdot m^2 \cdot e^{0,4 \cdot \Delta} + m}{\sin \alpha}, \text{ м}. \quad (2)$$

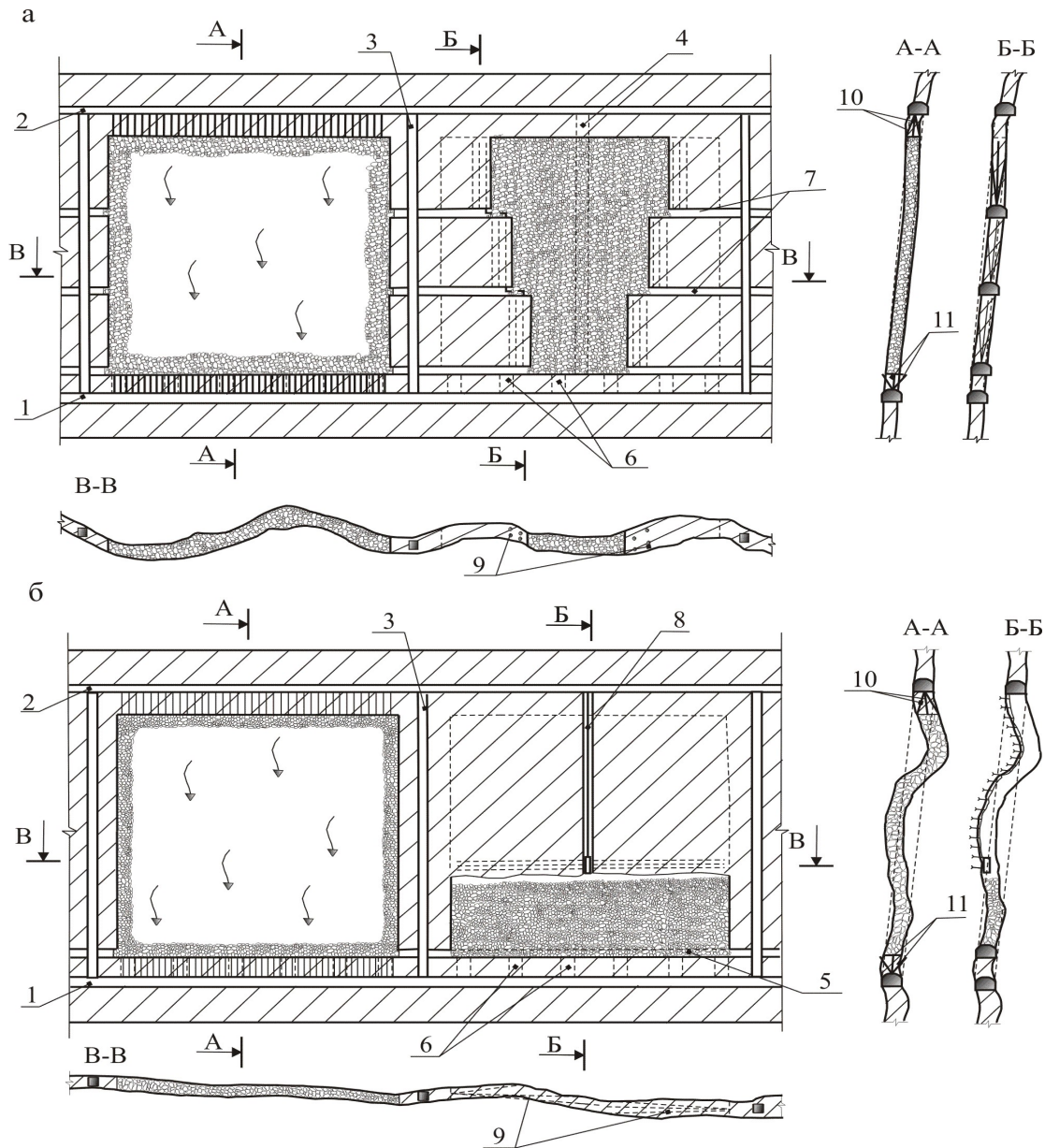

Рис. 1. Технология ПВ урана из маломощных крутопадающих жил инфильтрационным потоком реагента и отбойкой руды:

а) вертикальными скважинами из подэтажей (вариант I); б) очистным механизированным комплексом типа КОВ-25 на монорельсовом ходу (вариант II): 1 – откаточный (раствороприемный) штрек; 2 – вентиляционный (растворопадающий) штрек; 3 – блоковый восстающий; 4 – отрезной восстающий; 5 – подсечная выработка; 6 – дучки; 7 – подэтажные штреки; 8 – буровой восстающий; 9 – взрывные скважины; 10 – оросительные скважины; 11 – дренажные скважины

Подготовка сильно изменчивых участков жил ($\Delta=2 \text{ м}^1$) без потерь возможна только при незначительной глубине бурения (5...12 м), что согласуется с исследованиями Г.В. Сабянина [8].

При этом эффективность подготовленной горной массы определяется размером средневзвешенного куска. От него зависит продолжительность извлечения полезного компонента, определяемая скоростью про-

никновения рабочего реагента в кусок руды. Она, по данным ОАО «ППГХО», составляет 5...6 мм/год для «упорных» (гранитов) и 10...15 мм/год для легко выщелачиваемых руд (фельзитов). Поэтому повышение средневзвешенного размера куска гранитов приводит к увеличению времени выщелачивания и сокращению извлечения из него урана и, наоборот, снижение размера кусков фельзитов может явиться причиной образования локальных водоупоров (кольматации) вследствие разрушения руды под воздействием растворов.

В результате аналитических исследований установлено рациональное соотношение между минимальными затратами на получение средневзвешенного размера куска выщелачиваемой руды и достижением проектного извлечения урана из него на уровне 65...70 %, при котором, по данным ОАО «ППГХО», рентабельно применять ПВ. В табл. 2 приведены рекомендуемые параметры буровзрывных работ, которые определяли по методике В.Н. Тюпина, обеспечивающие требуемый размер куска для различных типов пород.

Таблица 2

Основные параметры буровзрывных работ для рассматриваемых условий залегания маломощных крутопадающих жил

Тип породы	Взрывчатое вещество	Линия наименьшего сопротивления, м	Расстояние между скважинами в ряду, м	Удельный расход ВВ, кг/м ³	Средневзвешенный размер куска руды, мм	Диаметр скважин, мм
Граниты	Гранулит АС-8	0,62...0,84	0,84...1,12	1,87...2,41	45...60	50...65
Фельзиты		0,84...1,26	1,12...1,68	2,41...3,20	60...75	65...80

Кроме того, повысить извлечение урана можно в том случае, если продуктивные растворы будут равномерно (по глубине) насыщать рудную массу рабочим раствором с необходимой концентрацией по кислоте. Это возможно осуществить с промежуточных горизонтов орошения (положительный опыт на месторождении «Звездное» [6]). Создание оросительных скважин в выщелачиваемой руде может быть достигнуто путем их бурения станками, например, типа ODEX-76 фирмы «Атлас Копко».

Для проверки данного предположения были проведены лабораторные исследования. В проектном режиме выщелачиванию подвергали рудный материал (крупностью -70+0 мм) валовых проб алюмосиликатных руд, представленных как гранитами (с содержанием урана 0,089 %), так и фель-

зитами (0,046 %). В результате установлены зависимости изменения концентрации серной кислоты (n, кг/т), необходимой для извлечения урана при орошении с поверхности замагазинированного материала, при различной глубине (h, м) слоя выщелачиваемой руды (рис. 2):

– для легко выщелачиваемых руд:

$$n = 0,033 \cdot h^2 - 0,974 \cdot h + 74,64, \text{ кг / кг U}; \quad (3)$$

с достоверным интервалом аппроксимации R²=0,97;

– для «упорных» руд:

$$n = 0,027 \cdot h^2 - 0,724 \cdot h + 59,78, \text{ кг / кг U}, (R^2 = 0,98). \quad (4)$$

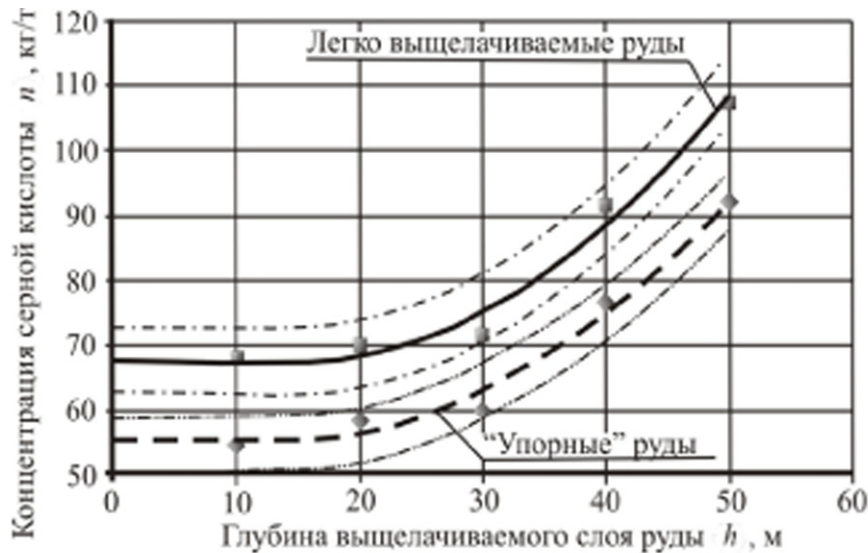

Рис. 2. Изменение концентрации серной кислоты, необходимой для извлечения урана, при различной глубине выщелачиваемого слоя руды:

- Границы доверительного интервала легко выщелачиваемых руд
- · - · - · - Границы доверительного интервала «упорных» руд
- 0 - Поверхность замагазинированной руды

При этом определено, что дополнительное орошение с двух промежуточных горизонтов (разделение замагазинированной руды на три слоя по 20 м) с концентрациями серной кислоты 68 кг/т (для фельзитов) и 55 кг/т (для гранитов), установленными по зависимостям (3) и (4), позволяет повысить извлечение металла. Так, при одинаковой продолжительности процесса (123 сут – для фельзитов и 355 сут – для гранитов) для легко выщелачиваемых руд степень извлечения урана составила 77,35 %, а для «упорных» – 59,4 %, т.е. на 5...7 % выше, чем при подаче раствора на поверхность замагазинированной руды (72,55 и 51,54 % соответственно для фельзитов и гранитов).

Технико-экономическая оценка различных вариантов отработки бедных урановых руд из маломощных крутопадающих жил показала, что технология ПВ с применением малогабаритного самоходного оборудования экономически более эффективна, чем ее отработка системой горизонтальными слоями с закладкой выработанного пространства или ПВ с отбойкой руды

шпурами либо глубокими скважинами. Достигается это за счет скважин малого диаметра и учета геометрии рудного тела, что позволяет подготовить камеру-магазин, сравнимую со шпуровой отбойкой (средне-взвешенный диаметр куска), а применение промежуточных горизонтов орошения с необходимой концентрацией серной кислоты для равномерного насыщения рудной массы повышает извлечение урана. Кроме того, использование высокопроизводительных машин снижает себестоимость работ.

Анализ горно-геологических условий залегания маломощных крутопадающих жил показал, что предлагаемая технология ПВ на основе самоходного оборудования с отбойкой руды скважинами малого диаметра позволит рационально обрабатывать бедные и забалансовые урановые руды из маломощных крутопадающих жил Стрельцовского рудного поля в объеме 15...17 % (13 % урана) от общих запасов. При этом ожидаемый экономический эффект от ее применения для условий ОАО «ППГХО» составит 0,29 млрд руб.

Литература

1. Бавлов В.Н., Бойцов А.В., Головинский С.А. [и др.]. Перспективы освоения и развития сырьевой базы урана России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2005. – № 1. – С. 16-24.
2. Гаврилов А.А. На пути повышения эффективности и безопасности отработки маломощных урановых залежей Стрельцовской группы месторождений // Молодежь Забайкалья: культура здоровья – здоровое общество: материалы десятой междунар. молодеж. научн. конф. (Чита, 13-14 апр. 2006 г.). – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 183-185.
3. Лизункин В.М., Морозов А.А., Гаврилов А.А. Перспективы применения подземного выщелачивания урана на Приаргунском производственном горно-химическом объединении // Горный информационно-аналитический бюллетень. Отдельный выпуск «Забайкалье»: сб. научн. тр. – 2009. – Вып. 3. – С. 147-153.
4. Лизункин В.М., Гаврилов А.А. Технологическая схема подземного выщелачивания из крутопадающих маломощных жил // Материалы пятой Всерос. науч.-практ. конф. «Кулагинские чтения» (Чита, 28-30 нояб. 2005 г.). – Чита, 2005. – Ч. 1. – С. 39-44.
5. Лизункин В.М., Морозов А.А., Гаврилов А.А. Геотехнологические методы извлечения урана из скальных руд. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 217 с.
6. Опыт выщелачивания урана на горнодобывающих предприятиях бывшего СССР: отчет о НИР (заключ.) / ГУП НПЦ «Экогеоцентр»; науч. рук. И.Г. Абдульманов. – М., 2000. – Т. 1. – Инв. № 1503. – 151 с.
7. Путивцева Н.В. Перспективы России на возрождающемся урановом рынке // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2006. – № 1. – С. 50-56.
8. Сабянин Г.В. Обоснование геотехнологических методов повышения экологической безопасности освоения маломасштабных месторождений: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 25.00.36, 25.00.22. – М., 2007. – 18 с.
9. Святецкий В.С., Морозов А.А., Гаврилов А.А. Опыт подземного выщелачивания скальных урановых руд // Горн. журн. – 2008. – № 8. – С. 43-46.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Гаврилов А.А., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Gavrilovalex@rambler.ru

A. Gavrilov, post-graduate fellow, Chita State University

Научные интересы: физико-химическая геотехнология

Research area: physicochemical geotechnology

УДК 55(1/9)

Коростовский Роман Александрович
Roman Korostovskii

МЕТОДИКА ГЕОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ ФОССИЛИЙ ЮГО-ВОСТОКА ЗАБАЙКАЛЬЯ

GEOLOGIC AND ECONOMIC EVALUATION OF FOSSILS OCCURRENCE IN SOUTH-EAST TRANSBAIKALIA

Рассмотрены континентальные нижнемеловые отложения, содержащие органические остатки, как возможное сырье для производства сувенирной продукции. Приведена методика геолого-экономической оценки пород на Юго-Востоке Забайкалья, содержащих фоссилии

Ключевые слова: палеонтология, методика геолого-экономической оценки, нижний мел, Юго-Восток Забайкалья, фоссилии, органические остатки, континентальные отложения

The contribution examines the use of freshwater sediments of the Lower Cretaceous which contain Fossils as materials for the production of souvenirs and describes the method of geologic and economic assessment of fossil containing rocks in Southeast Transbaikalia

Key words: palaeontology, geology and economic method of evaluation, Lower Cretaceous, Southeast Transbaikalia, fossils, organic debris, continental deposits

Меловые отложения Юго-Восточного Забайкалья формировались во время альпийского цикла тектоногенеза, в условиях постколлизонных рифтов на континентальной коре. Они представлены молассой трахибазальт-трахириолитовой субвулканической формации, выполняющей угленосные и грабены. Они распространены на 30 % территории и выполняют конседиментационные рифтогенные впадины. С ними связаны различные полезные ископаемые – угли, руды, содержащие уран, золото, серебро, германий и др., а также месторождения подземных вод. Континентальные образования нижнего мела имеют пестрый фациальный состав, в них достаточно часты находки органических остатков, имеющих широкий географический ареал (Забайкалье, Прибайкалье, Северо-Восток Китая, Север Монголии, Запад Японии).

На юго-востоке Забайкалья в нижнемеловых отложениях, выполняющих Тургино-Харанорскую, Западно-Урулонгуйскую, Восточно-Урулонгуйскую, Торей-

скую и др. впадины, органические остатки известны еще с конца XVIII в. [7] и представлены рыбами, насекомыми, остракодами, бронхиоподами, моллюсками, флорой и другими фоссилиями различной степени сохранности.

Всего для нижнего мела Восточного Забайкалья выделено два биостратиграфических горизонта [4] – тургинский (стратотипическая местность – Тургино-Харанорская впадина, бассейн р. Турга, у пос. Турга) и кутинский (стратотипическая местность – Южно-Аргунская впадина, долина р. Аргунь, Кутинское месторождение угля, скважина № 87), каждый из которых характеризуется определенным комплексом органических остатков.

В настоящее время ископаемые остатки, содержащиеся в нижнемеловых континентальных отложениях, рассматриваются исключительно как объект научных исследований. Однако фоссилии могут представлять ценность и как сырье для производства сувенирной продукции, т.е. как нетрадици-

онное полезное ископаемое, что в связи с необходимостью развития внутреннего туризма является вполне актуальным.

На территории Китая органические остатки, в массовых количествах содержащиеся в осадочных породах, после незначительной обработки реализуются как сувенирная продукция.

Кондиционность органических остатков как полезного ископаемого может быть определена на основе комплексного показателя, включающего следующие качественные критерии:

- 1) размер;
- 2) тип сохранности;
- 3) редкость;
- 4) отсутствие научной ценности;
- 5) отличие от фона вмещающих отложений.

Размеры образца имеют решающее значение для возможности использования фоссилии в качестве полезного ископаемого, минимальный размер остатка должен быть доступен для визуального осмотра. Как правило, это размеры порядка 5...15 см. Сохранность характеризует наглядность фоссилии и соответственно ценовую категорию изделия. Нами предлагается выделение трех типов сохранности [2]: полная (полностью сохранившиеся остатки); неполная (остатки, имеющие частичные, незначительные повреждения) и фрагментарная (биокласт, дезинтегрированные). Для производства сувенирной продукции пригодны первые два типа. Кроме того, фоссилии должны четко выделяться на фоне вмещающей породы.

По результатам работ, проведенных в 2005-2009 гг. автором в составе экспедиций Геологического научного центра ЧитГУ, в меловых отложениях Юго-Восточного Забайкалья перечисленным критериям наиболее соответствуют остатки:

1) рыбы *Lycoptera middendorffi* Muller, *L.schilkensis* Korostovskii, *Irenichthys certus* Yakovlev;

2) конхостраки *Bairdhestheria middendorffi* (Jones);

3) насекомые *Ephemeropsis trisetalis* Eichwald;

4) листовые пластинки гинкговых и папоротников.

Эти остатки характеризуют среднюю часть тургинской свиты и входят в состав одноименного биостратиграфического горизонта. Как правило, кондиционные органические остатки содержатся в алевроаргиллитовых толщах [3]. Таким образом, местонахождения, содержащие фауну и флору средней части тургинского биостратиграфического горизонта и сформировавшиеся в озерах, в условиях в целом стабильного осадконакопления, при периодической массовой гибели популяций потенциально могут быть пригодны для их использования в промышленных целях.

Геолого-экономическая оценка осадочных пород, содержащих фоссилии, как полезных ископаемых, может быть осуществлена на основе комплексного показателя, учитывающего отношение прибыли от реализации продукции к затратам на вскрышные работы, затраты на выемку и отбраковку некондиционных пород.

Таким образом, комплексный показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$K = P_c * v * K_p \left((C_b + C_b * K_{c_1} + \dots C_b * K_{c_n}) - Z_{pr} \right) / V_p * Z_v + v (1 - K_p) * Z_v$$

и включает следующие количественные параметры:

1) K_p – коэффициент продуктивности, д. ед.;

2) V_p – объем покрывающих пород, м³;

3) Z_p , Z_v – затраты на выемку покрывающих и вмещающих пород, руб/м³;

4) v – объем залежи, м³;

5) C_b – базовая цена реализации готового изделия, руб/шт.;

6) Z_{pr} – затраты на изготовление, руб/шт.;

7) $K_{c_{1,2,n}}$ – ценокорректирующий коэффициент, д. ед.;

8) P_c – прогнозное содержание кондиционных фоссилий в объеме блока, шт/м³.

Затраты на вскрышные работы рассчитываются по стандартной методике и включают произведение объема вмещающих пород на затраты по выемке покрывающих пород.

Затраты на выемку и отбраковку некондиционных пород представляют один из самых дорогостоящих видов работ, т.к. производятся вручную.

Прибыль от продуктивных пород представляет собой произведение объема продуктивной части пласта на коэффициент значимости и на разницу приведенной цены реализации и затрат на обработку сырья.

Коэффициент продуктивности применяется из-за неравномерности распространения отложений, содержащих кондиционные фоссилии в разрезе, и представляет собой статистический показатель, характеризующий долю отложений, содержащих фоссилии. При достаточной изученности местонахождения и хорошей его обнажен-

ности возможно использование объемного коэффициента продуктивности.

Базовая цена реализации продукции определяется в зависимости от соотношения цен на рынке.

Для учета неравнозначности фоссилий выделяется несколько групп, различных по своим качественным показателям, для каждой из которых приводится ценокорректирующий коэффициент, определяемый методом экспертной оценки по следующим критериям — отличие от фона вмещающих пород, четкость контура отпечатка, эстетичность, тип сохранности, частота встречаемости, полученные баллы суммируются, и вычисляется среднее значение.

Критерии оценки ценности

Критерий	Степень									
	Неотличим		Плохо отличим		Средней степени		Не четко отличим		Четко отличим	
Отличие от фона вмещающих пород										
Четкость контура отпечатка	Нечеткий			Средней степени				Четкий		
Эстетичность	Не эстетично			Средней степени				Эстетично		
Тип сохранности	Неполная					Полная				
Частота встречаемости	Частые					Средней степени			Редкие	
Размер	Менее 5 см				Более 15 см		Более 5 см, но менее 15 см			
Баллы	0	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9

Прогнозное содержание кондиционных фоссилий в объеме залежи является статистическим параметром и определяется эмпирически.

Для примера предлагается рассмотреть одно из местонахождений, содержащее в массовых количествах ископаемые остатки. Это разрез вдоль по правому берегу р. Турга ниже устья р. Бырка (географические координаты N 50°48'48,9" E 116°07'29,3"), в северной части Тургино-Харанорской впадины, которое известно с 1848 г. (Рейс, 1910). В 1927 г. данный разрез был описан С.А. Музылевым и др. как стратотип тургинской свиты [1], а в настоящее время характеризует лишь незначительную часть средней части свиты.

Здесь, на образованиях ургуйской

свиты, с размывом залегает маломощный базальный слой конгломератов и песчаников, выше сменяющийся так называемыми «бумажными сланцами» — тонкослоистыми битуминозными аргиллитами, переслаиваемыми с более массивными алевролитами, в которых присутствуют органические остатки. Данные породы известны так же, как Тургинское проявление горючих сланцев. Мощность пород, по данным буровых работ, оценивается в 50 м [6].

Органические остатки в данном местонахождении представлены рыбами — *Stichopterus woodwardii* Reiss, *Lycoptera middendorffi* Muller, *L. schilkinensis* Korostovskii; насекомыми — *Ephemeropsis trisetalis* Eichwald; Trichoptera: *Terrindusia reisi* Cock., *Ostracindusia sibirica* Vial., *Foli-*

ndusia turga Sukatsheva; Neuroptera: *Angaropsychops turgensis* O. Martynova; Diptera: *Eremonomus irae* V. Kovalev, *Sciophilites ninae* V. Kovalev; ?*Boholdoya thoracica* V. Kovalev, ?*Palaeoperissomma demetrii* V. Kovalev, *Mycetophiloides inc. sed.*, *Anisopodoidea inc. sed.*, *Pleciomimidae gen. nov.*; Heteroptera: *Corienta transbaicalica* Yu. Popov, *Positocoris intermedius* Yu. Popov, *Aphanocoris turgensis* Yu. Popov, *A. porrectus* Yu. Popov, *A. femoratus* Yu. Popov, *A. parallelus* Yu. Popov, *Eoanthocoris cretaceus* Yu. Popov, *Positocoris sibiricus* Yu. Popov, *P. minimus* Yu. Popov, *P. angustus* Yu. Popov, *Pronotaphanus minor* Yu. Popov, Alydidae inc. sed., Cimicoidea inc. sed.; Coleoptera: *Mesogyrus striatus* Ponomarenko, *Coptoclava longipoda* Ping, *C. minor* Ponomarenko, *Mesodeliphrum rufulum* A. Ryvkin, *Turgaphloeus pubescens* A. Ryvkin, *Mesosimplocaria parmula* Ponomarenko, *M. ovalis* Ponomarenko, ?*Holcorobeus incertus* Ponomarenko, *Dzeregia crassa* Ponomarenko, *Meligethiella glabra* Kirejtshuk et Ponomarenko, *Mesecanus parvus* Ponomarenko, "Cryptophagites" *clavatus* Ponomarenko, "C." *capitatus* Ponomarenko, "C." *elongatus* Ponomarenko, *Scraptiomima minima* Ponomarenko, Coptoclavidae inc. sed., Staphylinidae inc. sed.; Hymenoptera: *Manlaya pachyura* A. Rasnitsyn, *Anthoxyela turgensis* A. Rasnitsyn, *Turgidantes magnus* A. Rasnitsyn, *Eosyntexis senilis* A. Rasnitsyn, *Dahurotom robusta* A. Rasnitsyn, *Cretocleistogaster hyperura* A. Rasnitsyn, *Praeichneumon transbaicalicus* A. Rasnitsyn, *Protocyrtus turgensis* A. Rasnitsyn, *Dahurochrysis veta* A. Rasnitsyn, *Angarospheax niger* A. Rasnitsyn, *Cretophanogaster femorata* A. Rasnitsyn, *Byrkicola antennatus* A. Rasnitsyn, *Leptocleistogaster turgensis* A. Rasnitsyn, *Turgonalus minor* A. Rasnitsyn, *Turgoserphus sphenogaster* A. Rasnitsyn, *Mesoropronia byrka* A. Rasnitsyn, ?*Auliserphus cretaceus* A. Rasnitsyn, *Conohelorus stenocerus* A. Rasnitsyn, *Obconohelorus obconicus* A. Rasnitsyn, Proctotrupididae inc. sed., Vespina inc. sed., ?Vespoidea inc. sed., Aculeata (s.str.) inc. sed.; Orthoptera: *Prophalangopsidae* inc. sed., *Gryllidae* inc. sed.; конхостраками

– *Estherites dauricus* (Tschern.), *Bairdetheria middendorffii* (Jones); моллюсками – *Viviparus* sp., *Galba obrutschewi* (Reis); остракодами – *Ussuriocypris ussurica* Mandelst.; флорой- *Cladophlebis* sp., *Otozamites lacustris* Krassil, *Pseudolarix erensis* Krassilov, *Pityospermum* sp., *Baisia hirsuta* Krassil и др. [5, 7].

Среди фоссилий макроскопических размеров в разрезе доминируют остатки рыб рода *Lycoperla*, для которых предлагается выделение двух ценовых категорий – остатки рыб полной и неполной сохранности.

По результатам работ Е.В. Карасева, А.В. Спиридонова и автора, в 2005 г. установлено, что в 0,9 м³ породы содержится 462 остатка рыб, из них 150 экземпляров полной сохранности и 67 неполной. Прогнозное содержание кондиционных фоссилий равно 241 шт/м³, из них 1/3 составляют фоссилии второй группы. Корреляционный коэффициент для остатков рыб неполной сохранности (см. таблицу) составит Кц = 0,72. Коэффициент продуктивности равен 0,52.

Для примера возьмем площадь 100 км², мощность продуктивного слоя 3 м, мощность перекрывающих отложений в 1,5 м. Таким образом, объем залежи составит $v = 300 \text{ м}^3$, объем покрывающих отложений $V_{\text{п}} = 150 \text{ м}^3$. Затраты на выемку покрывающих отложений, с учетом того, что стоимость выемки 1 м³ равна 30 руб., составит 4500 руб. Затраты на выемку вмещающих пород и отбраковку за 1 м³ равны 1000 руб. Затраты на производство 1 ед. продукции возьмем равными 15 руб./шт. Базовая цена реализации единицы продукции, с учетом прибыли в 30 %, будет равна Цб = 25,1 руб./шт.

Таким образом, комплексный показатель будет равен $K = 241 * 300 * 0,52 (25,1 - 15 + 25,1 * 0,72 - 15) / 4500 + 300 (1 - 0,52) * 1000 = 495214,512 / 148500 = 3,33$.

Следовательно, на 1 руб. затрат приходится 3 руб. прибыли.

В этом же местонахождении, кроме остатков рыб, рассмотренных для примера, содержатся и другие группы фоссилий, вполне пригодные для производства, что

уменьшает себестоимость единицы продукции и повышает экономическую привлекательность местонахождения.

Разрезы, содержащие представляющие научную ценность единичные, уникальные для региона фоссилии, могут быть отнесены к памятникам природы в соответствии с Федеральным законом от 14 марта 1995 г.

№ 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями от 30 декабря 2001 г.). В случае доступности для посещения, возможности визуального осмотра, незначительной удаленности от крупных городов, местонахождения могут использоваться для целей внутреннего туризма как экскурсионные объекты.

Литература

1. Колесников Ч.М., Якобсон Л.Н. Тургинская свита // Стратиграфический словарь СССР. Триас, юра, мел. – Ленинград: Недра, 1979. – С. 405-406.
2. Коростовский Р.А. Тафономические особенности костистых рыб *Lusoptera* из мезозойских отложений Забайкалья // Материалы XLIV междунар. научн. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». Геология. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – С. 38-39.
3. Коростовский Р.А. Фациальная приуроченность рыб из Верхнего мезозоя Забайкалья // Материалы XLVII междунар. научн. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». Геология. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. – С. 35-36.
4. Куриленко А.В., Котляр Г.В., Кульков Н.П. [и др.]. Атлас фауны и флоры палеозоя-мезозоя Забайкалья: монография. – Новосибирск: Наука, 2002. – 714 с.
5. Олейников А.Н. Стратиграфия и филлоподы юры и мела Восточного Забайкалья: монография. – М.: Недра, 1975. – 172 с.
6. Рутштейн И.Г., Богач Г.И., Винниченко Е.Л. [и др.]. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба: 200 000. 2-е изд. Лист М-50-IX (Калангуй). Объяснительная записка. – СПб.: Изд-во картфабрики ВСЕГЕИ, 2001. – 156 с. (Серия Приаргунская).
7. Reiss O.M. «Die Binnenfauna Der Fischeschiefer»: монография. – St. Petersburg, 1909. – 89 p.

Коротко об авторе

Коростовский Р.А., аспирант, младший научный сотрудник ГНЦ, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 35-58-56

Briefly about the author

R. Korostovskii, junior research fellow, GSC ChitGU

Научные интересы: палеонтология, стратиграфия

Research area: Palaeontology, stratigraphy

УДК 553.078:557.497.2

Павленко Юрий Васильевич
Yury Pavlenko

Поляков Олег Анатольевич
Oleg Polyakov

ВОСТОЧНО-ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ СУРЬМЯНАЯ ПРОВИНЦИЯ

ANTIMONIAL PROVINCE OF EAST ZABAİKALİE

Рассмотрены особенности локализации, выделены формационные типы, показаны перспективы освоения сурьмяного оруденения Восточного Забайкалья

Ключевые слова: сурьма, ртуть, провинция, Восточное Забайкалье, формационные типы, прогнозные ресурсы, запасы

In the focus of the article are specific localization, formation types and prospects of antimonial mineralization in East Zabaikalie

Key words: antimony, mercury, province, East Zabaikalie, reserves, predicted resources, formation types

Сурьма – твердый серебристо-белый с синеватым оттенком металл, легко окисляющийся на воздухе. При нагревании сгорает с образованием белого дыма, плотность 6,68 г/см³, температура плавления 630 °С. Известны стабильные изотопы ¹²¹Sb (57,25 %) и ¹²³Sb (42,75 %). Кларк сурьмы 5·10⁻⁵ %. Из 75 минералов, содержащих сурьму, главным является один – антимонит (стибнит) Sb₂S₃, содержащий 71,4 % Sb (не менее 85 % производства металла). Небольшое самостоятельное значение имеют бертьерит FeSb₂S₄ (57 % Sb), гудмундит FeSbS (57,8 % Sb) и самородная сурьма. В рудах, из которых сурьма извлекается попутно, присутствуют тетраэдрит Cu₁₂Sb₄S₁₃, буланжерит Pb₅Sb₄S₁₁, бурнонит CuPbSbS₃, джемсонит Pb₄FeSb₆S₁₄, ливингстонит HgSb₄S₈, пираргирит Ag₃SbS₃. В зоне окисления по антимониту образуются трудно обогащающиеся валентинит Sb₂O₃, серванит Sb₂O₄, кермезит Sb₂S₂O, стибиконит Sb₃O₆(OH) и другие минералы. Сурьму получают из сурьмяных, ртутно-сурьмяных, золото-сурьмяных руд, попутно – из

полиметаллических, оловянных и вольфрамовых руд.

Металлическая сурьма вследствие высокой хрупкости применяется редко. В баббитовых сплавах она используется совместно со свинцом, медью, цинком в количестве 30...200 кг/т, придавая сплавам прочность, твердость и коррозионную устойчивость. Наиболее емкими потребителями сплавов являются автомобильная, полиграфическая, химическая, стекольно-керамическая промышленность, производство антипиренов, пластмасс. Сурьма применяется для воронения стали, в пиротехнике, медицине, для изготовления полупроводников. Она входит в состав полупроводниковых материалов как легирующая добавка к германию и кремнию, а также в состав антимонидов (например, InSb). Радиоактивный изотоп ¹²¹Sb применяется в источниках гамма-излучения и нейтронов.

По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ, ресурсы сурьмы оценены в 33 странах и составляют 7,4 млн т. Основная часть их сосредоточена в Китае

(43 %), России (12 %), а также в Таджикистане, Таиланде, Боливии, ЮАР, Мексике и Киргизии (27 % суммарно). Мировые запасы сурьмы составляют 6,3 млн т, а разведанные – 4,6 млн т. Доминирующая роль запасов сосредоточена в Китае (50 %), в России запасы составляют 7 % мировых, в т.ч. разведанные – 4 %, в мировом производстве сурьмы на РФ приходится всего 0,2 %.

В 2005-2010 гг. добыча и производство сурьмы осуществлялась в 17 странах. Мировое производство сурьмы в концентратах составляет 140...160 тыс. т. Основная часть мирового производства сурьмы в концентратах сосредоточена в Китае (74 %), которому значительно уступают Россия (5,7 %), Боливия (5,4 %) и ЮАР (3,9 %). В России производство сурьмы в концентрат осуществляется только в Республике Саха (Якутия). Добытая руда частично обогащается гравитационно-флотационным методом на Сарылахской фабрике. Ежегодно на этой фабрике перерабатывается около 19 тыс. т руды. На территории Забайкальского края с 2006 г. организована добыча сульфидно-сурьмяного штуфного концентрата месторождения Жипкоши.

В России Государственным балансом запасов учтено девять месторождений, из которых пять относятся к золото-сурьмяному типу, одно – к собственно сурьмяному, три – к месторождениям с попутной сурьмой (из них два – золоторудных, одно – полиметаллическое) [3]. В настоящее время страна испытывает возрастающий дефицит сурьмы и четко выраженную тенденцию к сокращению её сырьевой базы. В Республике Саха (Якутия) запасы сурьмы для открытой добычи на Сентачанском месторождении (среднее содержание сурьмы 24 %, золота – до 20 г/т) полностью исчерпаны, а переход на подземный способ отработки предполагает крупные инвестиции. На Сарылахском месторождении (среднее содержание сурьмы 18 %, золота – до 20 г/т) запасы сурьмы остались только на нижних горизонтах, их отработка возможна после углубления действующего ствола, а также проходки нового. Эти и ряд других

причин привели к тому, что производство сурьмы стало убыточным.

На остальные месторождения страны приходится 32 % запасов. В Красноярском крае на Олимпиадинском месторождении кварц – золото – сульфидного сурьмосодержащего типа имеются крупные запасы попутной сурьмы, но качество руд низкое, сурьма по технологическим причинам практически не извлекается. Получение сурьмяных концентратов на Олимпиадинском, а также на Удерейском аналогичного типа месторождениях возможно только в небольших количествах; обеспеченность запасами проектируемого Удерейского ГОКа составляет 20 лет.

Существенное улучшение состояния минерально-сырьевой базы сурьмы в России возможно путем использования крупного ресурсного потенциала Восточно-Забайкальской сурьмяной провинции (см. таблицу). В последние годы на трех объектах Забайкальского края проведены геологоразведочные работы, получены следующие результаты:

– на Солонеченском месторождении разведаны балансовые и забалансовые запасы сурьмы по категориям $C_1 + C_2$ в количестве 67,8 тыс. т, прогнозные ресурсы категории P_1 оценены в 8,5 тыс. т, что в 2,6 раза превышает предполагаемый ранее сырьевой потенциал объекта;

– на Жипкошинском месторождении по результатам разведочных и опытных эксплуатационных работ разведаны балансовые и забалансовые запасы сурьмы по категориям $C_1 + C_2$ в количестве 30,3 тыс. т, прогнозные ресурсы категории P_2 оценены в 8 тыс. т, что также почти в 2 раза превышает предполагаемый ранее сырьевой потенциал объекта; извлечено из недр около 6 тыс. т сурьмы;

– на Солонцовской площади на Южном и Булыктинском проявлениях прогнозные ресурсы сурьмы категорий $P_1 + P_2$ также возросли в 1,4 раза.

В итоге при почти сохранившемся количестве ресурсов дополнительно разведано 98,1 тыс. т сурьмы. Эти результаты свидетельствуют о слишком осторожных

оценках минерально-сырьевого потенциала сурьмы Восточно-Забайкальской провинции при выполнении прогнозной оценки, т.е. фактически он явно выше оцененной величины.

Суммарные прогнозные ресурсы категорий P_1 , P_2 и P_3 по Читинской области оценивались в 788,4 тыс. т. Они связаны с Газимуро-Приаргунской, Тыргетуй-Жип-

кошинской и Итака-Дарасунской предполагаемыми минерагеническими зонами, в которых известны многочисленные (около 250) мелкие и средние не изученные объекты часто с богатыми сурьмяными рудами. Все объекты локализуются в различных по составу горных породах обычно в разрывных нарушениях (рис. 1).

Прогнозные ресурсы сурьмы России на 01.01.2006 г. [3], в скобках – состояние ресурсов на 01.01.2010 г. по объектам Забайкальского края

Субъекты РФ, объекты	Прогнозные ресурсы, тыс. т Sb		
	всего	P_1	P_2
Красноярский край Удереysкое рудное поле	25	–	25
Читинская область в том числе месторождения	272,4 (267,1)	64,4 (100,7)	208 (166,4)
Майское	13,5	13,5	–
Итакинское	31,5	1,5	30
Нарин-Кундуйское	64,3	24,3	40
Жипкошинское	19,6 (8)	11,6 (-)	8 (8)
Тыргетуйское	16	3,5	12,5
Солонеченское	29,5 (8,5)	10 (8,5)	19,5 (-)
Дырбылкеysкое рудное поле	24	–	24
Солонцовая площадь	74 (101,3)	– (49,4)	74 (51,9)
Приморский край Участок Первый Ртутный	9,5	2,6	6,9
Республика Саха (Якутия) Сарылахский рудный узел	25,3	9,9	15,4
Всего по России	332	76,9	255,3

Учитывая благоприятное географическое положение, транспортную и горнодобывающую структуру Восточно-Забайкальской провинции, в настоящее время запасы и ресурсы сурьмы все яснее проявляют перспективы, необходимые для создания горно-металлургического комбината с завершенным циклом переработки руд и получением конечной сурьмяной продукции в виде металла, химических соединений, востребованных на внутреннем и внешнем рынке.

Последними исследованиями Юго-Восточного Забайкалья [5], на площади которой располагается сурьмяная провинция, создана другая объемная региональная модель строения земной коры, которая коренным образом отличается от существующих моделей, в том числе и размеще-

ния оруденения. Она раскрывает причины и механизм линейно-узлового размещения известных рудных районов и узлов. В ней определена геологическая природа Восточно-Забайкальского ареал-плутона как рудоконтролирующей раннедокембрийской импактной структуры (астроблемы), сопоставимой с известными на Земле крупнейшими импактными структурами типа Вредефорд (Южная Африка) и Садбери (Канада). Модель раскрывает причины таких специфических минерагенических особенностей региона, как поликомпонентный состав руд, мультиметалльное оруденение рудных узлов, формирование месторождений – гигантов, а также в целом повышает минерагенический потенциал региона до соответствующей высокой мировой величины.

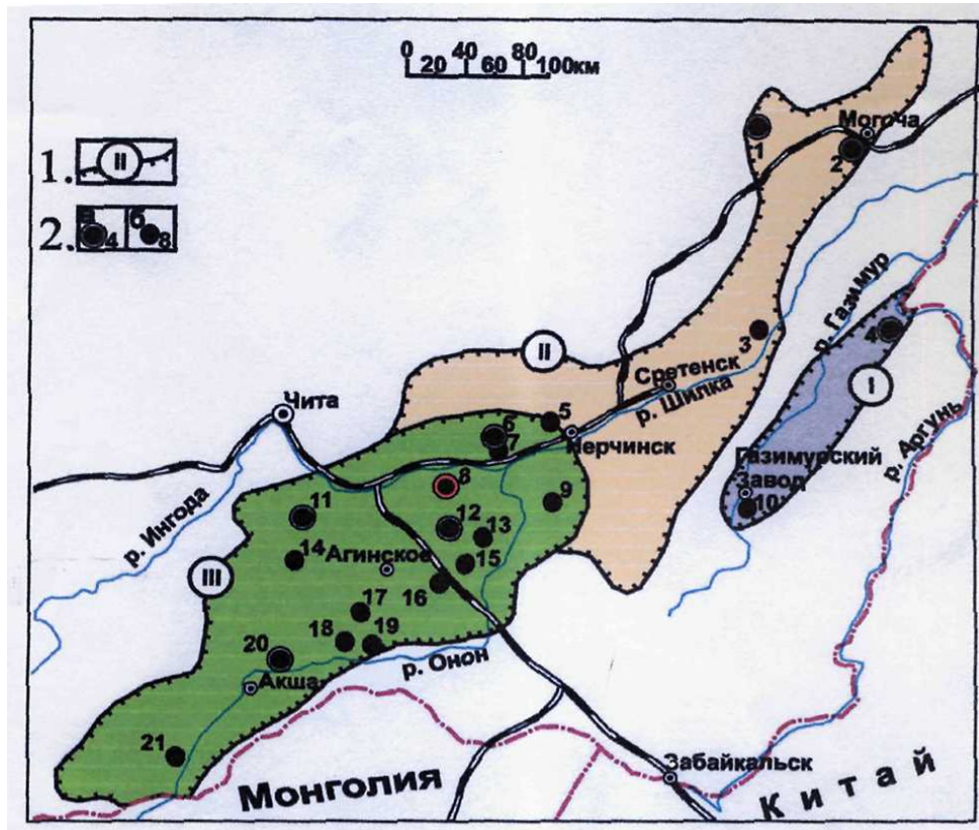

Рис. 1. Основные минерагенические зоны сурьмяного оруденения Восточного Забайкалья (по В.Г. Васильеву [1]):

I – основные зоны сурьмяного оруденения и их номера: I – Газимурская зона антимонитового джаспероидного золотосодержащего оруденения, II – Итака-Дарасунская зона золото-антимонитового оруденения; III – Тыргетуй – Жипкошинская зона кварц-антимонитового золотосодержащего оруденения субвулканического типа и комплексного ртутно-сурьмяно-вольфрамового оруденения. 2 – Основные недоразведанные месторождения (а) и проявления (б) сурьмы:

1 – Итакинское, 2 – Майское, 3 – Чалбучинское, 4 – Солонеченское, 5 – Нерчинское, Право-Телембинское, Костромихинское, 6 – Дельмачикское, 7 – Булыктинское и Южное, 8 – Жипкошинское, 9 – Ново-Ивановское, Сурьмяный овраг, 10 – Кулиндинское, 11 – Тыргетуйское, 12 – Барун-Шивейское, 13 – Боржигантайская площадь (геохимическая аномалия), 14 – Туринское, 15 – Агинское; 16 – Октябрьское, Железнодорожное, Цаган-Челутайское, 17 – Чалотуйское (Зун-Челутайское), 18 – Зуткулейское и Ново-Зуткулейское, 19 – Июльское (Солнечный ключ), Гашуновское, Оботуевское, 20 – Нарин-Кудуйское, 21 – Дырбылкейское

В кристаллическом фундаменте впервые выделены линейные флюидопроницаемые зоны III порядка, которые «пробиваются» на поверхность. Эти зоны являются рудовмещающими для мультиметалльного оруденения рудных районов, узлов, полей, месторождений, проявлений, пунктов минерализации, в них концентрируются многочисленные прямые признаки оруденения,

к ним приурочена и сурьмяная минерализация (рис. 2). Использование данных объемного геолого-геофизического картирования позволяет по-иному интерпретировать пространственные, возрастные и генетические составляющие закономерностей размещения полезных ископаемых одного из ведущих рудных регионов России.

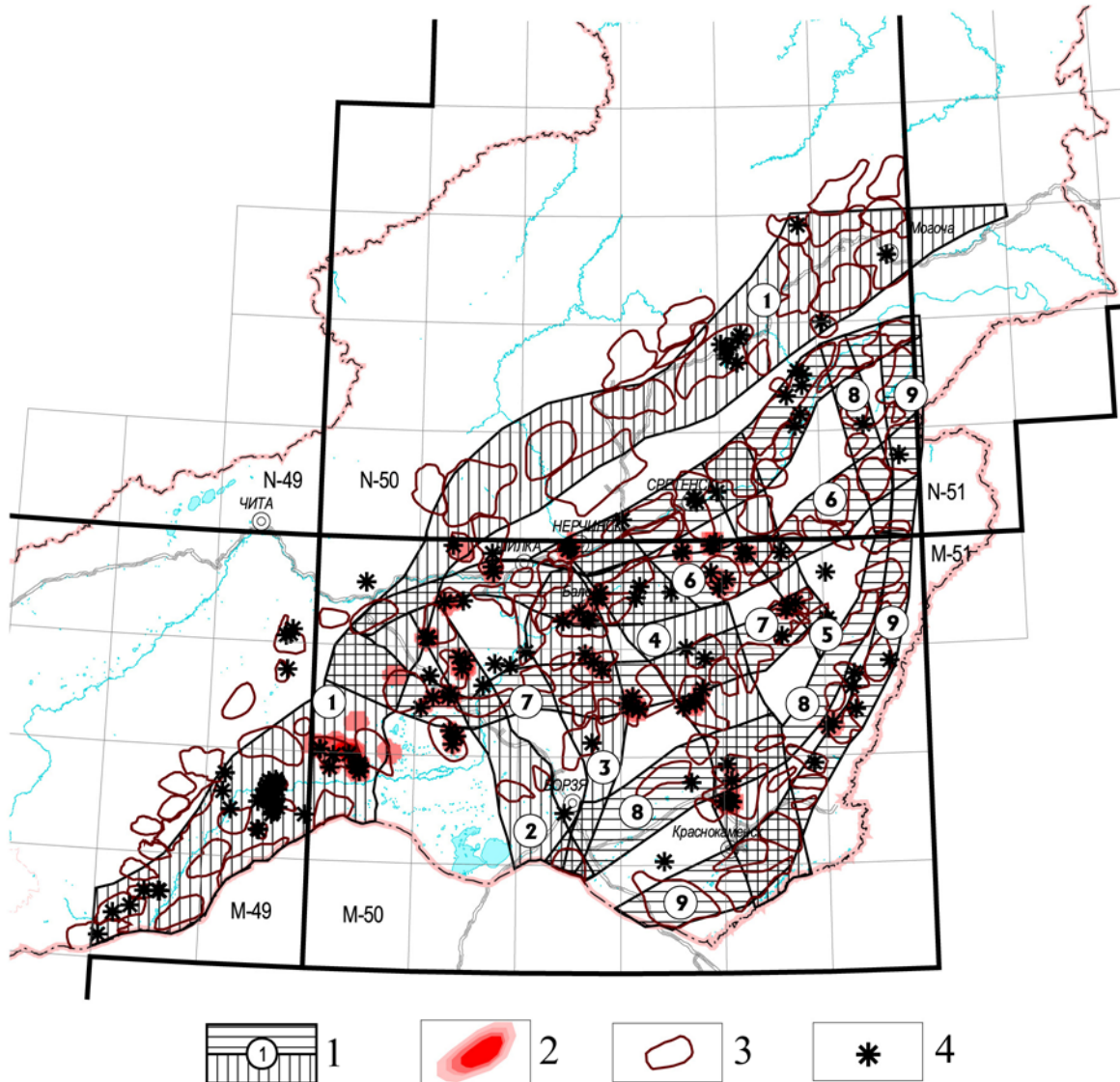

Рис. 2. Экстенсивность распространения сурьмяной минерализации в структурах активизации фундамента:

1 – линейные структуры активизации фундамента (цифры в кружках): 1 – Монголо-Удский шов, 2 – Ононская, 3 – Восточно-Агинская, 4 – Далайнор-Газимурская, 5 – Урово-Газимурская, 6 – Ингода-Куренгинская, 7 – Ага-Урюмканская, 8 – Борзя-Уровская, 9 – Приаргунская; 2 – поля экстенсивности сурьмяной минерализации; 3 – рудные узлы; 4 – месторождения, проявления сурьмы

Характер развития эндогенной минерализации свидетельствует о чрезвычайно сложных взаимоотношениях различных минеральных парагенезисов минералов, определяемых, вероятно, местными особенностями геологического строения, что исключает однообразную интерпретацию

последовательности их формирования. Наложение более позднего оруденения на раннее – явление в Восточном Забайкалье обычное. Пространственную и временную связь продуктивных и рудовмещающих формаций определяет глубинная рудоносная материнская формация.

В Юго-Восточном Забайкалье выделяется четыре самостоятельных ассоциации рудных формаций, среди них и сурьмяно-ртутно-вольфрамо-золоторудная, представленная преимущественно гидротермальными низкотемпературными месторождениями позднего мезозоя. Она проявлена на Ново-Широкинском, Центральном, Ртутно-Ильдиканском, Дарасунском, Балейском, в ограниченных объемах на Шерловогорском, Хапчерангинском, Шахтаминском, Смирновском, Савинском № 5, Кадаинском и др. месторождениях. Ведущая роль в локализации конвергентного оруденения принадлежит разрывным структурам. В состав ассоциации входят золото-халькопирит-бурнонитовая, золото-пираргиритовая и киноварно-антимонитовая рудные формации [6].

Ассоциации рудных формаций, а также рудные формационные подразделения более высоких порядков (типы, виды, разновидности) часто отделены друг от друга отдельными или группами даек, минеральный состав которых и последовательность формирования многообразны. Рудные формации полей и месторождений могут быть представлены группами, чаще отдельными формациями или их отдельными формационными типами. Согласно общей классификации рудных формаций основных типов полезных ископаемых [4], на территории России по сурьме значатся 3 «рудных формации» — золото-сурьмяная березитовая, сурьмяная аргиллизитовая, ртутно-сурьмяная джаспероидная. В регионе сурьмяная минерализация отмечена в трех полиформационных рудных формациях, сложенных галенитом, золотом, халькопиритом, сурьмой в форме сульфосолей (сульфоантимонитов Pb, Cu, Ag), а также в сульфидной сурьмяной (с примесью ртути) нескольких формационных типов. Отсюда следует, что в Юго-Восточном Забайкалье преобладающее развитие получили рудоносные геологические сурьмосодержащие формации.

Рудоносные геологические формации в различной степени проявлены на многих полиметаллических, молибденовых, оловяно-

ных, вольфрамовых, золоторудных и даже флюоритовых месторождениях. Они повсеместно сопровождаются метасоматитами специфической гидротермально-метасоматической продуктивной рудоносной формации, составной частью которой являются собственно рудные парагенезисы. Как и парагенезисы металлогенных, парагенезисы петрогенных элементов полиформационны, разновозрастны, часто пространственно совмещены, отчего на месторождениях, рудных полях и узлах представляют сложную неоднозначно интерпретируемую ассоциацию метасоматитов. По этой причине связывать рудные формации, формационные типы данного гипогенного оруденения с рудоносными формациями (как это трактуют формулировки) теряет смысл. В магматических и терригенных породах проявлены пиритизация, турмалинизация, окварцевание, березитизация, серицитизация, пропицитизация, хлоритизация, в карбонатных — пиритизация, турмалинизация, окварцевание, перекристаллизация карбонатов [2]. Все они относятся к низкотемпературным гидротермальным образованиям преимущественно поздней юры — раннего мела. Промышленное значение рудоносных геологических формаций на достигнутом технологическом уровне обогащения и сепарации сомнительно, содержание сурьмы не превышает первых процентов. В эту же группу относится преимущественно окисная (гипергенная) минерализация сурьмы в различных трещиноватых породах зоны окисления.

Таким образом, в Юго-Восточном Забайкалье экстенсивность проявления сурьмы в виде сульфоантимонитов Pb, Cu, Ag выше, чем в виде сульфидов, однако практическая значимость первых незначительная. Единственной промышленно значимой рудной формацией сурьмы в регионе является ртутно-сурьмяная (киноварно — антимонитовая), в которой выделяются формационные типы [6]:

1) антимонит-кварцевый пластовый преимущественно в брекчированных слоистых метаморфизованных карбонатных породах (джаспероидный), связанный с

разрывными структурами;

2) антимонит-вольфрамит-кварцевый слоисто-штокверковый в зонах динамометморфизма;

3) антимонит-кварцевый жильный и штокверковый в различных породах, связанный с трещинными структурами;

4) золото-антимонит-кварц-карбонатный жильный (штокверковый) в различных породах, связанный с разрывными нарушениями.

Все они отнесены к низкотемпературному (телетермальному?) генетическому классу.

В настоящее время наибольший практический интерес представляют три первых формационных типа. Благодаря общей особенности сурьмяных руд края (высокое качество и компактность, определяющие пригодность для селективной выемки), часть сурьмяных объектов может успешно обрабатываться без специальных капитальных вложений – получаемый при этом штуфной концентрат является рентабельным и высокотранспортабельным продуктом. Такой опыт накоплен ООО «Хара-Шибирский сурьмяной комбинат». Развитие сурьмяной отрасли в освоенных горнодобывающих районах Забайкальского края, кроме добычи собственно антимонитовых руд, может стимулировать комплексное освоение и сурьмосодержащих объектов, в которых сурьма является попутным компонентом наряду с золотом, вольфрамом, свинцом, цинком. Большинство прогнозируемых сурьмяных объектов в той или иной мере являются золотосодержащими, однако известные технологии извлечения золота могут быть рентабельными при его содержании не менее 6...7 г/т.

С сурьмяными проявлениями иногда ассоциируют ртутные. В настоящее время в Восточном Забайкалье известно более 20 проявлений ртути и около 100 коренных и россыпных пунктов ртутной минерализации. Их оценка не имеет первостепенной задачи, поскольку:

– мировые ресурсы ртути достаточны для обеспечения спроса на сырье более чем на 100 лет.

– применение жидкого металла и его соединений существенно ограничивает высокая токсичность;

– нарастающими темпами внедряются различного рода заменители ртути, снижается ее удельный расход на единицу продукции;

– накопления вторичной ртути и металла в виде ртутьсодержащих отходов; в России накоплено более 500 тыс. т отходов (ежегодно 200 т в пересчете на металл) при заявленной годовой потребности 4,4 тыс. т.

Потребление ртути остается стабильным в областях производства, где ей не находят альтернативы – отдельных отраслях приборостроения, электротехники, оборонной промышленности, медицины и др.

На территории Забайкальского края с 2006 г. организована добыча сульфидно-сурьмяного штуфного концентрата месторождения Жипкоши (Агинский Бурятский округ). В 2010 г. ООО «Хара-Шибирский сурьмяный комбинат» и ОАО «Забайкальский ГОК» приступили к реализации программы сотрудничества по совместной переработке рядовых руд Жипкошинского месторождения. Для этого проведены лабораторные исследования, опытно-полупромышленные исследования по обогащению руды, переработано 500 т исходной руды со средним содержанием сурьмы 2,5...2,7 % и отдельно богатая руда в количестве 48 т с содержанием сурьмы 4,7 %. Определены технические параметры процесса обогащения и получен вывод – экономически рентабельно перерабатывать руду с содержанием сурьмы 4 %. Для этого на борту Жипкошинского карьера предполагается организовать предконцентрацию рядовой руды на дробильно-сортировочной установке с применением рентгенометрической сепарации (ДСУ РРС). На первом этапе предусматривается переработка 150 тыс. т руды в год с последующим увеличением объема до 250 тыс. т/год.

Таким образом, Восточно-Забайкальская сурьмяная провинция, занимает часть крупной Монголо-Забайкальской структуры первого порядка. Специфические геологические условия её – коллаж группы тер-

рейнгов аккреационных призм и пассивной окраины. Эти тектонические особенности предопределили локализацию перспективного для изучения и освоения сурьмяного оруденения, которое востребовано современным рынком.

Литература

1. Васильев В.Г. Сурьмяные месторождения // Месторождения Забайкалья / Г.А. Юргенсон [и др.]; под ред. акад. Н.П. Лаверова. — М.: Геоинформмарк, 1995. — Т. I, кн. II. — С. 67-75.
2. Князев Г.И., Красников В.И. Поведение мезозойского гипогенного оруденения Восточного Забайкалья во времени и пространстве // Вопросы рудоносности Восточного Забайкалья. — М.: Недра, 1967. — С. 217-226.
3. Комин М.Ф., Ключарев Д.С., Волкова Н.М. Минерально-сырьевая база сурьмы России: проблемы и решения // Разведка и охрана недр. — 2006. — № 9-10. — С. 26-29.
4. Методическое руководство по составлению и подготовке к изданию листов Государственной геологической карты Российской Федерации масштаба 1:200 000. — М.: Роскомнедра, 2008. — 205 с.
5. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. — Чита: ЧитГУ, 2009. — 200 с.
6. Павленко Ю.В. К вопросу систематики рудных формаций юго-восточного Забайкалья // Геология и минерагения Забайкалья: сб. докл. и статей к научно-произв. конф., посвящ. 60-летию ФГУП «Читагеолсъемка», 22-23 апреля 2010 г. — Чита, 2010. — С. 205-213.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (30-22) 35-32-02

Yu. Pavlenko, Candidate of Geological and Mineralogical sciences, professor, Chita State University

Научные интересы: мелко-среднемасштабное геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений

Research area: small-and-middle-scale geologic mapping, prognosticating, exploration and mineral deposits prospecting

Поляков О.А., соискатель, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (30-22) 35-25-72

O. Polyakov, research fellow, Chita State University

Научные интересы: методы обогащения различных видов минерального сырья

Research area: methods of mineral products enrichment

Социология

УДК 316:316.346.32-053.6(571.61:571.55)

Клеткина Олеся Сергеевна
Olesya Kletkina

**ПРОФИЛАКТИКА НАРКОМАНИИ
МОЛОДЕЖИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ
И ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**PREVENTION OF DRUG-ADDICTION
WITH YOUNG PEOPLE IN AMUR
REGION AND ZABAİKALSKI KRAI:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Описана динамика возрастания уровня распространенности и заболеваемости наркоманией молодежи в Амурской области и Забайкальском крае, факторы, их обуславливающие, а также связанная с этим необходимость реализации комплекса профилактических мер для предотвращения дальнейшего развития аддиктивности. Уделено внимание составу и направлениям деятельности субъектов профилактики, анализу эффективности результатов их участия в системе предотвращения зависимого поведения молодежи в указанных регионах Российской Федерации

Ключевые слова: профилактика, молодежь, наркомания, распространенность наркомании, заболеваемость наркоманией, регион, управление профилактикой

The article describes the dynamic increase in prevalence and morbidity level of youth drug-addiction in Amur region and Zabaikalski Krai, determines its factors and subsequent necessity of preventive measures to curb addiction development. Attention is also paid to the structure and direction of prevention targeted subjects' activity as well as to the analysis of the efficiency of their participation in the youth addictive behavior prevention in the said regions of the Russian Federation

Key words: prevention, youth, drug-addiction, drug-addiction prevalence, drug-addiction morbidity, region, management of prevention

Управление профилактикой наркомании молодежи в регионе как сложной системой во многом зависит от состава элементов данной системы и характера связей между ними. Поскольку в широком смысле управление профилактикой в регионе подразумевает анализ и контроль над всеми условиями жизни в субъекте РФ, то строится оно с комплексным учетом социальных, экономических, технико-технологических, экологических, политических, этнических и прочих особенностей региона. В этой связи необходимо проводить обстоятельный и

подробный анализ ситуации в конкретном субъекте с целью выявления специфики причин, условий, динамики наркоситуации и совершенствования региональной модели профилактики данного явления.

Проблема распространения молодежной наркомании в Амурской области, по оценке исследователей, как и среди всего населения региона, характеризуется масштабностью и остротой. О возрастании уровня аддиктивности амурской молодежи свидетельствует официальная статистика, которая подтверждает, что с каждым го-

дом в Амурской области растёт число лиц, употребляющих психоактивные агенты. Например, в 2006 г., по данным правоохранительных органов, по сравнению с 2005 г. показатель распространенности наркомании здесь увеличился на 10 %, а в наркологических учреждениях области было зарегистрировано 18417 чел., употребляющих различные психоактивные вещества, что составило 2,1 % от общей численности населения области [11]. По данным ОГУЗ

«Амурский областной наркологический диспансер», в 2009 г. зарегистрировано 21271 больных психическими расстройствами и расстройствами поведения в связи с употреблением наркотиков и алкоголя, показатель составил 2462,8 на 100000 населения [1].

Динамика возрастания уровня распространенности наркомании в Амурской области в сравнении с предыдущими годами и со среднероссийским показателем представлена в табл. 1.

Таблица 1

Показатели учтенной распространенности психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением наркотиков (включая опииную, гашишную и иные формы зависимости) за 2005-2009 гг.

Год	Показатель распространенности наркомании в Амурской области (на 100 тыс. населения)	Темп прироста (+), снижения (-) показателя в субъекте (по отношению к предыдущему году), %	Среднероссийский показатель распространенности наркомании (на 100 тыс. населения)
2005	270,3	+2,8	246,8
2006	278,63	+3,1	245,82
2007	303,2	+8,8	250,5
2008	322,3	+6,3	252,2
2009	337,3	+4,65	298,0

В Амурской области подавляющее число больных наркоманией, почти 70 % употребляют наркотики каннабисной группы. В данном регионе этот показатель в 13 раз больше, чем по стране [11].

Проведенный в 2010 г. анализ особенностей социально-экономического развития региона позволил выделить предпосылки активного распространения наркомании в Амурской области:

1) наличие собственной обширной сырьевой базы для изготовления наркотиков каннабиоидной группы. Как отмечает С.П. Серополов, в южных районах, где проживает основная часть населения области, повсеместно распространена дикорастущая конопля с высоким содержанием тетрагидроканнабинола и мака. Постоянное расширение площадей произрастания конопли связано с сокращением посевов и действующих животноводческих ферм, вывоза с них на приусадебные и дачные участки органических удобрений [8; С. 71];

2) расположение Амурской области на юго-востоке России с развитой сетью автомобильного, железнодорожного, воздушного и водного путей сообщений обеспечивает простоту и доступность транспортировки наркотиков во все регионы Дальнего Востока;

3) близость границы региона с Китаем представляет опасность. Как указывает исследователь Е.В. Батрак, именно оттуда контрабандным путем на территорию области проникают наркотические средства группы психостимуляторов (амфетамин, фенамин, «экстази», эфедрин и его производные). В аптечной сети и учреждениях здравоохранения России эфедрин-гидрохлорид и содержащие его препараты учитываются и хранятся как наркотические лекарственные средства. В Китае же данные виды лекарственных препаратов находятся в свободной продаже и нелегально завозятся гражданами России [2; С. 4];

4) большое количество не трудоустро-

енной и не занятой общественно-полезной деятельностью молодежи, значительное количество которой сконцентрировано в Благовещенске — областном центре, имеющем непосредственную близость с Китаем; связанный с этим рост числа несовершеннолетних лиц, занимающихся проституцией и незаконным распространением наркотиков, служащими основным источником дохода;

5) низкий уровень материального благосостояния населения и отсутствие ответственного отношения к здоровью, в первую очередь, подростков и молодежи.

В Амурской области большой объем задач приходится решать в сфере профилактики наркомании. Приоритетным направлением является усиление борьбы с притоносодержателями и лицами, склоняющими граждан к потреблению наркотиков, массовая профилактическая работа с несовершеннолетними и молодежью. Профилактика химических зависимостей среди населения осуществляется ведомствами и учреждениями области в рамках реализации целевой комплексной региональной программы «Противодействие злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту на 2010-2014 гг.» № 398, утвержденной Постановлением Правительства области 15 сентября 2009 г.

В качестве основных задач программы выделены:

1) получение полной информации о динамике развития наркоситуации в области;

2) расширение форм и методов работы по профилактике немедицинского потребления наркотиков среди несовершеннолетних;

3) ежегодное уничтожение не менее 80 % дикорастущей конопли;

4) охват профилактическими мероприятиями до 80 % организованной молодежи, а также ежегодное увеличение детей, занимающихся спортом, на 1,5...2 %;

5) стабилизация в области уровня заболеваемости синдромом зависимости от наркотических веществ.

Сходные задачи регламентированы законом Амурской области «О профилактике

наркомании, токсикомании, алкоголизма в Амурской области» от 28 декабря 2006 г. № 282-ОЗ, где охрана здоровья населения, профилактика химических форм зависимостей, снижение наркотизации и алкоголизма населения являются одним из приоритетных направлений социальной политики региона. В системе профилактики задействован большой круг субъектов: Правительство Амурской области и его структурные подразделения, Антинаркотическая комиссия Амурской области, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти; органы местного самоуправления в пределах своей компетенции, а также общественные объединения [3].

Профилактика аддиктивного поведения молодежи в Амурской области осуществляется по следующим основным направлениям:

1) *правоохранительное*. Включает снижение и предотвращение правонарушений несовершеннолетних граждан, обнаружение и ликвидацию наркопритонов, работу с безнадзорными и беспризорными детьми и подростками, повышение правового сознания населения. По словам заместителя начальника управления Госнарконтроля по Амурской области, среди молодежи потребление наркотиков растет в среднем на 8 % в год, поэтому органами наркоконтроля на территории области систематически проводится всероссийская оперативно-профилактическая операция «МАК», целью которой являются выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков растительного происхождения. В 2008 г. проводилась операция «Канал-2008» по перекрытию каналов поступления наркотиков на территорию области, изъято более 800 кг наркотиков, ликвидировано 35 наркопритонов;

2) *образовательное*. Как отмечает С.Р. Латыпов, в данное направление входят, прежде всего, пропаганда здорового образа жизни, реализация образовательных программ, проведение семинаров и

круглых столов по проблемам аддиктивности и поиску способов борьбы с нею, воспитательная работа с молодежью, организация досуга молодежи [5; С. 87];

3) *социальное*. Предполагает осуществление социально-обеспечительных мер в отношении слабозащищенных и уязвимых категорий молодежи: детей, сирот, лиц с ограниченными возможностями, безработной молодежи и т.д. Так, по официальным данным Министерства социальной защиты населения Амурской области, по состоянию на 01 ноября 2009 г. в области действует около 10 социально-реабилитационных центров и центров социальной помощи для подростков и молодежи, вносящих вклад в реализацию профилактики наркомании, 9 социальных приютов для детей и подростков, центры занятости населения, организующие ярмарки вакансий и учебных рабочих мест;

4) *здравоохранительное*. Предусматривает комплекс мероприятий по охране здоровья населения от воздействия внешних факторов, снижение смертности детей и подростков, в том числе от употребления наркотиков в соответствии с целями и задачами долгосрочной целевой программы «Здоровое поколение» на 2009-2010 гг. от 12 ноября 2008 г. № 265 [6].

Таким образом, динамика развития аддиктивного поведения молодежи в Амурской области очевидна. Это требует реализации в её отношении целого комплекса

профилактических мероприятий, выдвигая на первый план соблюдение принципа системности как методологической основы региональных исследований аддиктивного поведения.

В Забайкальском крае в настоящее время социально-профилактическая работа с молодежью, подверженной наркозависимости, базируется на принципах, изложенных в Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами детьми и молодежью в образовательном пространстве региона, утвержденной распоряжением Правительства Забайкальского края от 24 марта 2009 г.: комплексность, дифференцированность, аксиологичность (ценностная ориентация), многоаспектность, последовательность (этапность), легитимность [4]. Применение такого комплексного методологического подхода к разработке единой стратегии профилактики наркомании молодежи обосновано объективными условиями состояния наркологической ситуации в Забайкальском крае.

Так, в 2009 г. в регионе зарегистрировано около 25 000 лиц, употребляющих психоактивные вещества, что составляет 2,2 % от общей численности населения. По состоянию на 1 января 2010 г. официально на учете в Краевом наркологическом диспансере состояло 1233 больных наркоманией, хотя реальное число потребителей наркотиков в г. Чита и Забайкальском крае в несколько раз больше [10; С. 135].

Таблица 2

Уровень распространенности зависимости от наркотических веществ по обращаемости за 2005 – 2009 гг. (в абсолютных величинах на 100 тыс. населения)

Год	Все возрастные группы населения по Забайкальскому краю	Взрослое население	Подростки
2005	97,82	124,90	73,50
2006	96,88	127,19	21,74
2007	99,55	129,88	20,20
2008	104,83	136,07	22,20
2009	105,82	137,01	22,50

Особую настороженность вызывает распространенность наркологической патоло-

гии у детей и подростков. Например, в 2008 г. в областном наркологическом диспансере

находились под наблюдением 1054 несовершеннолетних, в том числе 150 детей в возрасте до 15 лет, в 2009 г. число подростков, состоящих на учете, составило 1092 чел.

С целью предотвращения дальнейшего роста химических форм зависимостей среди населения Забайкальского края, и молодежи, в частности, в 2008, 2009 гг. в регионе приведена в действие система профилактических мероприятий, куда включены:

1) антинаркотические акции: «Родительский урок», «Здоровье молодежи – богатство России», «Призывник», «Сообща, где торгуют наркотиками», посвященные проблемам наркомании. В проведении акций задействован большой круг субъектов: представителей Краевого наркологического диспансера, ГОУ «Центр диагностики и консультирования «Семья», Министерства образования, науки и молодежной политики Забайкальского края, краевых центров по профилактике и борьбе со СПИДом и медицинской профилактики и т.д.;

2) пропаганда здорового образа жизни

посредством радио, электронных, печатных СМИ, телевидения;

3) проведение традиционной «Горячей линии Наркоконтроля» по Забайкальскому краю;

4) привлечение молодежи к участию в культурно-массовых и спортивных мероприятиях: например, ежегодное проведение традиционного турнира по боксу памяти В.А. Букатича, организация в 2010 г. открытого турнира по тяжелой атлетике, посвященного памяти Героя России Виктора Тюрикова.

Всего в 2008 г. в регионе организованы и проведены 388 мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, профилактику злоупотребления ПАВ молодежью с охватом порядка 190 тыс. чел., за 2009 г. – 379 профилактических мероприятий, в которых приняли участие свыше 200 тыс. чел.

Сравнительные показатели в динамике заболеваемости наркоманией в двух разных регионах РФ отражены в табл. 3.

Таблица 3

Динамика впервые выявленной заболеваемости синдромом зависимости от наркотических веществ в Амурской области и Забайкальском крае (в абсолютных величинах на 100 тыс. населения)

Год	Забайкальский край		Амурская область	
	все население	подростки	все население	подростки
2005	13,03	16,17	22,7	20,3
2006	7,27	4,66	23,5	25,1
2007	6,15	0,00	34,6	49,5
2008	9,21	9,25	28,4	53,2
2009	10,4	9,34	26,2	55,1

Таким образом, налицо устойчивая тенденция роста молодежной наркомании в обоих регионах. Однако показатели впервые выявленной заболеваемости наркоманией в Амурской области в 2...3 раза выше показателей по Забайкальскому краю.

Учитывая значительные масштабы распространенности молодежной наркомании в Амурской области, а также ежегодное увеличение показателя распространенности химических форм зависимостей, необходимо реализовать модель профи-

лактической работы в данном регионе, основанную на сочетании диагностико-терапевтической работы с молодежью с тотальным воздействием на условия и факторы, активно способствующие развитию девиантных форм поведения молодежи, с целью их устранения.

Поскольку темпы прироста показателей заболеваемости и распространенности наркомании в Забайкальском крае гораздо ниже, чем по Амурской области, то система профилактики наркомании молодежи в указанном регионе должна строиться, пре-

жде всего, на *стратегии сдерживания*, с использованием *модели, учитывающей три основные сферы жизнедеятельности детей и молодежи: семья, образовательное учреждение, досуг, включая связанное с ними микросоциальное окружение*. Реализация профилактических программ возможна только в рамках системной комплексной работы, а также работы с лицами, прошедшими курс терапии и реабилитации. Кроме того, профилактическая модель Забайкальского края должна обеспечивать комплексный межведомственный подход к организации профилактической работы с детьми и молодежью на всех уровнях (краевом, муниципальном, уровне

образовательных, правовых, социальных учреждений, учреждений культуры).

Практика показала, что осуществление профилактических программных мероприятий оказывает положительное воздействие на комплексное решение проблемы зависимостей молодежи на областном уровне [3]. Поэтому эффективным механизмом решения данной проблемы в целом для всех субъектов РФ является программно-целевой метод планирования деятельности с частым определением целей и задач, перечнем скоординированных мероприятий по устранению причин и условий, способствующих распространению аддикций, с учётом реальных возможностей областного бюджета.

Литература

1. Аналитическая записка по заболеваемости и распространённости алкоголизма, алкогольных психозов и наркоманий в Амурской области за 2009 год / УФС по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Амурской области [Электронный ресурс] // Rospotrebnadzor-amur.ru: офиц. сайт. Режим доступа: <http://www.rospotrebnadzor-amur.ru> [дата обращения 12.04.2010].
2. Батрак Е.В. Состояние вопроса аддиктивного поведения в Амурской области на современном этапе // Аддиктивное поведение как медико-социальная проблема. – Благовещенск: ПКИ «Зея», 2003. – С. 3-7.
3. Закон Амурской области от 28.12.2006 № 282-ОЗ «О профилактике наркомании, токсикомании, алкоголизма в Амурской области» // Амурская правда. – № 247. – С. 21-23.
4. Концепция профилактики злоупотребления психоактивными веществами детьми и молодежью в образовательном пространстве Забайкальского края, одобрена Распоряжением Правительства Забайкальского края от 24 марта 2009 г. // Электронная правовая система Consultantplus [версия «региональное законодательство»]. Дата обращения: 22.06.2010.
5. Латышов С.Р. (2008) Концептуальные подходы к определению государственной политики по борьбе с девиантным поведением молодёжи // Известия Саратовского университета. – Т. 8. – Сер. Социология. Политология. – Вып. 2. – С. 86-89.
6. Постановление Правительства Амурской области от 12.11.2008 № 265 (ред. от 15.09.2009) «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Здоровое поколение» на 2009-2010 годы» // Вестник губернатора Амурской области и Правительства Амурской области. № 19. С. 11-12.
7. Программа социально-экономического развития Читинской области на 2001-2010 гг. – Чита: Поиск, 2000. – 118 с.
8. Серополов С.П., Тыщенко А.А. Криминологическая характеристика наркомании в Амурской области // Аддиктивное поведение как медико-социальная проблема. – Благовещенск: ПКИ «Зея», 2008. – С. 69-73.
9. Лапа С.Э., Бурдинский Н.Е., Афанасьева В.А. [и др.]. Социально-гигиенический мониторинг: информационный сборник «Заболеваемость хроническим алкоголизмом, алкогольными психозами и наркоманией в Забайкальском крае за 2003-2008 годы» // ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Забайкальском крае». – Чита, 2009. – 75 с.
10. Уровень жизни населения Забайкалья. Статистический сборник / Забайкалкрайстат. – Чита, 2009. – 203 с.

11. Уровень наркотизации населения Амурской области в среднем на 24 % превышает общероссийский [Электронный ресурс] // TVGOROD.RU: офиц. сайт. 2010. Режим доступа: <http://www.rosec.ru/interkom-audit/kompanij/index.wbp> [дата обращения: 11.03.2010].

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Клеткина О.С., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
fridda@inbox.ru

O. Kletkina, research fellow, Chita State University

Научные интересы: профилактика наркомании, аддиктивное поведение

Research area: addictive behavior, drug addiction preventive measures

УДК 101.9

Лига Марина Борисовна
Marina Liga

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

ON THE TECHNIQUES OF THE QUALITY OF LIFE ESTIMATION

Анализируются проблемы измерения качества жизни населения. Обосновывается актуальность проблемы. Описываются периоды в истории развития социального измерения, существующие методики оценки качества жизни. Предлагаются авторские методики оценки качества жизни: методика интегральной оценки качества жизни, методика оценки качества жизни в муниципальном социуме, методика оценки потребностей социального субъекта

The article explores the problem of measurement of the quality of life of the population and substantiates its topicality. It traces the historic development of the social measurement and the existing techniques, including the author's method of integrated estimation of the quality of life, estimation of the quality of life in municipal society, a technique of estimation of the demands of the social subject

Ключевые слова: качество жизни, субъективные, объективные показатели качества жизни, методики оценки качества жизни

Key words: quality of life, subjective, objective indicators of quality of life, quality of life estimation technique

Проблемы измерения качества жизни, развития человека и общества на рубеже XX-XXI вв. приобрели стратегическое значение, вызвали интерес на международном и региональном уровнях во всех частях мирового интеллектуального и политического пространства.

Принципиальное значение имеет активизация и расширение спектра философских, социологических и в целом социогуманитарных исследований проблемы квалиметрии жизни вообще и человека как биопсихосоциального существа, в особенности, человеческого общества как особой формы организации жизни. Так, в 1990 г. А.И. Субетто была заявлена и обоснована необходимость развития квалиметрии жизни, а в 1991 г. под его редакцией выпущен сборник научных статей «Квалиметрия жизни», где опубликованы концептуальные статьи «Качество жизни» (А.И. Субетто), «Экономика человека, индексы вос-

производства репродуктивного потенциала общества (В.П. Казначеева), «Биоритмические индикаторы качества жизни» (Н.Р. Деряна) и др. [3].

В философско-социологическом плане активно развивается синтетическая квалиметрия, которая по сути своей является новой парадигмой квалиметрического мышления как науки об измерении и оценке качества объектов и процессов их измерения. Термин «квалиметрия» стал использоваться в России с 1968 г., когда в статье Г.Г. Азгальдова и А.В. Сличева он был применен для анализа новых технологий комплексных исследований [3].

Сегодня квалиметрия представляет собой «трехслойный» научный проблемно-ориентированный комплекс знаний и технологий их применения. Верхний слой – общая квалиметрия. Средний слой – специальные квалиметрические теории и соответствующие им технологии приме-

нения знаний. Третий слой синтетической квалитметрии образуют «предметные» квалитметрии (педагогическая, оценивающая психолого-педагогические и дидактические объекты; экологическая, оценивающая нагрузку социальной среды на природу, здоровье человека; медицинская, оценивающая качество предоставления медицинских услуг и др.).

В истории развития социального измерения исследователи выделяют несколько периодов.

Первый период охватывает конец 1940-х – начало 1960-х гг. В эти годы основной была идея о том, что прогресс общества зависит от экономического роста, поэтому в качестве социальных показателей использовались такие, как стоимостные показатели, показатели системы социальных счетов и др. В связи с изменением целей развития общества ставится вопрос о замене стоимостных индикаторов новой системой, ориентированной на оценку не денежной информации.

Второй период – начало 1960-х гг. В это время пришло осознание того, что одни только экономические показатели не в состоянии отражать и фиксировать все процессы и явления общественной жизни. В связи с изменением целей развития общества ставится вопрос о замене стоимостных индикаторов новой системой, ориентированной на оценку неденежной информации. Начинает складываться оформившееся в рамках ООН движение за социальные индикаторы, создаются комплексные системы социальных индикаторов, разрабатываются индексы удовлетворенности личности различными сферами жизнедеятельности. Уровень удовлетворенности понимается как отношение реального положения к желаемому. Социальные индикаторы получают практическое применение при определении целей, направлений, задач, результатов социальной политики, при оценке различных социальных программ помощи развивающимся странам в сфере удовлетворения естественных потребностей (пища, жилье, вода).

В 1966 г. за рубежом в свет выходит работа «Социальные индикаторы» под ре-

дакцией Р. Бауэра, в которой выделено 12 индикаторов *регионально-социального свойства* [13].

В этом же году в СССР принимается первый перспективный план социального развития производственного коллектива (ленинградское производственное объединение электронного приборостроения «Светлана»). Этот план предусматривал разработку социальных индикаторов по следующим направлениям:

- повышение технического уровня производства и изменение в социальной структуре коллектива;
- улучшение условий труда и укрепление здоровья трудящихся;
- улучшение социально-культурных условий жизни трудящихся, обеспечение роста их культурно-технического уровня и улучшение жизненно-бытовых условий;
- организация всестороннего учета влияния современного научно-технического процесса и экономической реформы на развитие коллектива [2].

Третий период охватывает 1970–1990-е гг. В 1970-е гг. изменяется главная цель развития общества, основное внимание переносится на оценку государственного социального прогнозирования, ставится задача разработки комплекса социальных показателей [4]. Наиболее интенсивно проблема социальных индикаторов качества жизни начала разрабатываться как в отечественной, так и зарубежной литературе в 1960-1970-е гг. Происходит расширение сферы государственного социального программирования, создаются системы социальных индикаторов, которые используются в качестве ориентиров социальной политики. Формируются общие требования к системам социальных индикаторов:

- 1) оптимальные по размерам системы должны отражать все социально значимые стороны общественной жизни;
- 2) набор социальных индикаторов должен соответствовать целям и задачам социальной политики;
- 3) используемые социальные показатели должны быть ориентированы на социально-экономические результаты;

4) должен быть учтен временной промежуток;

5) объективные характеристики качества жизни следует дополнять субъективными характеристиками;

6) необходимо, чтобы социальные индикаторы были приемлемы для международных сравнений [4].

На протяжении 60-80-х гг. XX столетия американские социологи изучают факторы, оказывающие влияние на субъективную оценку качества жизни. По их мнению, к этим факторам можно отнести доход, занятость, возраст, гендер, брачный статус, этничность, национальность, место проживания, здоровье и даже внешность [8].

В результате проведенных исследований была выяснена взаимосвязь между субъективной оценкой качества жизни и выделенными факторами. Доход оказывает существенное влияние на оценку личностью своего качества жизни. Занятость имеет относительную связь с качеством жизни. От возраста также зависит уровень удовлетворенности. Так, молодые люди имеют меньшую удовлетворенность качеством жизни, чем люди в возрасте. Люди, состоящие в браке, имеют более высокий уровень удовлетворенности качеством своей жизни. В данном случае гендерный фактор оказывает влияние на качество жизни, т.к. женщины, состоящие в браке, в меньшей степени удовлетворены качеством жизни, чем мужчины. Образование же, напротив, понижает удовлетворенность браком, а стало быть, и качеством жизни.

В отношении этничности было выяснено, что американцы азиатского происхождения более довольны жизнью, чем другие этнические группы. На международном уровне национальность имеет слабую связь с качеством жизни. Жители города в среднем более довольны жизнью, чем жители села. Здоровье оказывает влияние на оценку качества жизни только у пожилых людей. Интересный вывод был сделан относительно внешности. Люди, имеющие привлекательную внешность, более довольны качеством своей жизни [8]. Думается, что приведенные результаты носят субъек-

тивный характер и не всегда дают истинную оценку качества жизни.

Нам представляется, что есть все основания говорить о четвертом периоде в развитии системы социального измерения.

Четвертый период – с начала 1990-х гг. и до наших дней, обусловлен радикальными преобразованиями в мире, усиленным вниманием к вопросам организации социально-экономического планирования, повышением благосостояния, улучшением условий и качества жизни. Качество жизни становится интегральным индикатором оценки социальных программ, проектов, определителей условий жизнедеятельности.

За эти годы создано довольно большое количество различных методик оценки качества жизни. Эти методики дали возможность оценить качество жизни населения отдельных регионов планеты, стран. Особенно интенсивно в этот период ведется активная работа по созданию индикаторов для оценки качества жизни городов [5; 14; 12].

В отечественной литературе проблемы оценки и измерения качества жизни получили развитие в последние годы. Это связано, во-первых, с тем, что качество жизни объявлено стратегической целью развития российского государства; во-вторых, актуальной становится проблема оценки социальной политики, что можно сделать, сравнивая гарантированные показатели качества жизни с реальными показателями, фактические же показатели, как и гарантированные, можно определять с помощью той или иной методики оценки качества жизни.

Впервые расчеты индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) применительно к российским регионам были осуществлены учеными Всероссийского центра уровня жизни. При определении ИРЧП использовалась методика ООН и данные государственной статистики. ИРЧП рассчитывался применительно к 78 регионам России. Результаты исследования позволили разделить регионы России на следующие группы:

– регионы с высоким уровнем развития, подразделяющиеся на три подгруппы:

1) регионы с высоким уровнем сбалансированности социального развития;

2) регионы со сбалансированным уровнем социального развития;

3) регионы с деформированным социальным развитием;

– регионы со средним и ниже среднего уровнем ИРЧП;

– регионы ниже среднего и низким уровнем ИРЧП [1].

Н. Римашевская, отмечая недостаточность показателей ИРЧП, считает, что их надо дополнить. В частности, такой показатель, как продолжительность жизни, предлагается рассматривать в контексте анализа физического, психического и социального здоровья. Уровень образования предлагается заменить таким показателем, как профессионально-образовательные ресурсы и интеллектуальный потенциал. Уровень жизни должен быть дополнен культурно-нравственными, духовными ценностями, социокультурной активностью граждан. Однако при таком подходе в стороне остаются экономические составляющие качества жизни [11].

Для оценки качества жизни на международном уровне П.С. Мстиславским предложено использовать метод сравнения социальных параметров. Первый метод – сравнение параметров России со странами ЕС (Европейский Союз) и странами, претендующими на вступление в ЕС. Этот метод не дает объективных результатов, т.к. не учитываются уровень социально-экономического развития стран, национальные традиции, он не определяет пути достижения более высоких параметров, причины, детерминирующие те или иные уровни социальных параметров (высокий, средний, низкий). Второй метод – сопоставление России с избранными наиболее крупными странами, имеющими высокий уровень социальных параметров. Это позволяет определить пути достижения достойного качества жизни, использовать опыт социального развития. Однако и этот метод не учитывает национальных традиций. Третий метод предполагает сравнение России с каждой из стран – членом ЕС [7]. Однако, как нам

представляется, для использования метода сравнения необходимы более строгие критерии – основания сопоставления.

Некоторые отечественные исследователи, считая, что невозможно создать унифицированную методику оценки качества жизни применительно к российским регионам в силу разных природно-климатических, исторических и социально-экономических условий развития этих территорий, предлагают оценивать качество жизни по определенному показателю, оказывающему существенное воздействие на жизнь данного региона. Например, качество жизни может оцениваться по уровню загрязнения окружающей среды, средней продолжительности жизни, производству продуктов питания на душу населения.

Г.В. Осипов предлагает методику, основанную на сравнении предельно допустимых показателей с реальными показателями. Реальные показатели устанавливаются в процессе социологического исследования. К числу индикаторов, характеризующих состояние социальной сферы в процессе ее функционирования и развития, Г.В. Осипов относит контрольные показатели, охватывающие социальные изменения, намеченные на определенный исторический период; показатели средств или социальных процессов (научно-техническая революция, урбанизация и т.д.), используемые для реализации планируемых целей; показатели ресурсов, т.е. показатели материальных затрат на организационные, идеологические и другие мероприятия, позволяющие оптимально использовать те или иные социальные процессы для решения конкретных социальных задач; неманипулируемые показатели, т.е. показатели, которые отражают состояние наличных средств воздействия на социальные процессы (уровень развития науки, автоматизации и т.д.); показатели побочных процессов, которые не предусмотрены, но оказывают известное влияние на итоговые показатели и должны учитываться в текущем планировании; итоговые показатели, позволяющие оценить результаты социальных изменений и сопоставить их с контрольными показателями.

телями; показатели социальной эффективности реализации экономической и социальной программ общественного развития на данный период, раскрывающие степень приближения (отклонения) итоговых показателей к социальным целям общества, степень адекватности выбранных для их достижения средств и эффективности использования ресурсов [9; 10].

Качество жизни в регионе измеряется по срезам, которые организуются по направлениям (количество срезов не ограничено): образование, здравоохранение, экономика, наука, физкультура, спорт и др. В зависимости от соотношения позитивных и негативных процессов В. Косов рекомендует делить регионы на следующие группы:

- регионы-«отличники» (развиваются позитивные процессы и подавляются негативные);
- регионы, приближающиеся к катастрофе (позитивные процессы не развиваются, а негативные не подавляются);
- регионы, в которых продолжают развиваться позитивные процессы, несмотря на увеличивающийся рост негативных;
- регионы, в которых торможение негативных процессов не влияет на развитие позитивных [6].

Методика интегральной оценки качества жизни. В рамках данной методики определено, что оценка качества жизни может осуществляться по следующей формуле:

$$КЖ = УЭБ + УСБ,$$

где КЖ – интегральная оценка качества жизни;

УЭБ – интегральная оценка уровня экономического благополучия;

УСБ – интегральная оценка уровня социального благополучия.

Интегральная оценка УЭБ строится на основе статистических данных, включающих доходы населения; расходы населения; среднюю заработную плату; цены и инфляцию; условия труда; жилищные условия; транспортные услуги, возможности приобретения товаров не первой необходимости; уровень безработицы; денежные сбережения; накопленное имущество; индекс стоимости жизни; уровень жизни. Индикатор

УЭБ отражает взаимозависимость людей по поводу собственности (социально-экономические отношения), власти (социально-политические отношения), бытовых благ (социально-бытовые отношения).

Интегральная оценка УСБ строится на основе статистических данных, включающих медико-экологические показатели и показатели духовного благосостояния.

К медико-экологическим показателям относят здоровье населения, возможность получения медицинской помощи; экологическая обстановка; природно-климатические условия.

К показателям духовного благосостояния относят состояние образования; культуры; социального обеспечения; политические отношения; системы коммуникаций и сервиса; степень социальной напряженности; различного рода социальные риски.

Иногда к показателям духовного благополучия относят уровень социального доверия, степень социального равенства, социальное партнерство.

Интегральная оценка УСБ выражается по следующей формуле:

$$УСБ = (МЭП + ПДБ),$$

где МЭП – медико-экологические показатели;

ПДБ – показатели духовного благосостояния.

Интегральный показатель УСБ отражает взаимозависимость людей по поводу власти (социально-политические отношения); ценностей культуры, художественно-эстетических ценностей (духовно-культурные отношения); бытовых благ (социально-бытовые отношения); решения экологических проблем (социально-экологические отношения).

Показатели качества жизни формируются и проявляются в различных видах взаимозависимости по основным сферам их жизнедеятельности.

Качество жизни фиксирует уровень реализации потребностей личности. Эти потребности возникают на основе первичных социальных отношений владения, пользования, распоряжения, присвоения, потребления.

Вторая методика – оценка качества жизни в муниципальном социуме. Оценка качества жизни, согласно данной методике, может осуществляться по следующей формуле:

$$КЖМС = ИСР + ИФР + ИЭР,$$

где КЖМС – качество жизни муниципального социума;

ИСР – индикатор состояния социальной сферы;

ИФР – индикатор состояния финансовой сферы;

ИЭР – индикатор состояния экономической сферы.

Величина индикатора социальной сферы рассчитывается по следующей формуле: $ИСР = И. дем. + И. обр. + И. культ. + И. здор. + И. жил.$

Индикатор демографического состояния (И. дем) включает демографическую нагрузку на население в трудоспособном возрасте (%); рождаемость на 1000 жителей (чел.); смертность на 1000 жителей (чел.); структуру населения, его динамику, расселение по городам и селам, миграцию.

Индикатор состояния сферы образования (И. обр.) включает обеспеченность местами в дошкольных учреждениях на 1000 жителей; обеспеченность местами в общеобразовательных школах на 1000 жителей; численность учителей (чел.) и др.

Индикатор состояния сферы культуры (И. культ.) включает число зарегистрированных преступлений на 1000 жителей (ед.); общее число детских школ искусств, музыкальных и художественных школ (ед.); книжный фонд в библиотеках (млн экз.); число спортивных сооружений (ед.); количество детских лагерей отдыха (ед.).

Индикатор состояния сферы здравоохранения (И. здор.) включает обеспеченность населения больничными койками на 1000 жителей; обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями, число посещений в смену на 1000 жителей; обеспеченность населения врачами, чел. на 10000 жителей; обеспеченность населения средним медицинским персоналом, чел. на 10000 жителей; число детей, умерших в возрасте до 1 года, чел.

Индикатор жилищных условий (И. жил.) включает жилищный фонд, тыс. м², частный жилищный фонд, тыс. м²; среднюю обеспеченность населения жильем, м² общей площади на жителя.

ИФР оценивается по источнику формирования муниципального бюджета, соотношению доходов и расходов бюджета, процента финансовой помощи, состоянию муниципальной нежилой недвижимости и землепользованию.

ИЭР оценивается по доли трудоспособного населения, приросту населения, рождаемости и смертности, произведенного продукта на душу населения, расходов в муниципальном бюджете на производственные и непроизводственные сферы, процента безработных, производственному сектору, соотношению средней заработной платы и прожиточного минимума.

Разработанная методика строится на основе статистических данных, а расчет ведется путем сопоставления данных предыдущего года с данными текущего года.

На основе проведенного исследования становится возможным выделить различные уровни качества жизни:

- уровень роскоши (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие и трудовую активность человека);

- нормальный уровень (рациональное потребление продуктов по научно обоснованным нормам, являющимся основой развития интеллектуальных и духовных потребностей);

- минимальный уровень (удовлетворение потребностей существования, обеспечивающих выживание личности);

- нищенский уровень (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддерживать жизнеспособность человека).

В основе предложенных методик оценки качества жизни лежат объективные показатели, полученные с помощью статистики. Однако, учитывая то, что данные статистики не всегда дают адекватную картину действительности, особенно это усиливается в период реформирования, транс-

формации. Статистические данные бывают порой очень ненадежны, противоречивы, недостаточны. В связи с этим актуальной становится проблема адекватного сочетания объективных показателей, полученных на основе статистических данных, и результатов социологических исследований, основанных на мнениях и суждениях людей относительно условий их жизнедеятельности и удовлетворенностью жизнью.

Для исправления недостатков первой и второй методик предлагается их дополнить результатами, полученными в процессе использования третьей методики – оценки потребностей социального субъекта. В этом случае мы выделили показатели измерения жизненных сил социального субъекта; факторы, характеризующие жизненное пространство; социальные регуляторы (права и свобода); социальные гарантии.

Первая группа показателей включает пять групп потребностей: физиологические потребности в пище, одежде, жилье, воспроизводстве; потребности в безопасности, стабильности, защите от рисков; потребности в общности, принадлежности к сообществу людей; потребности в уважении, самоуважении, признании окружающих; потребности в актуализации, самовыражении, самоактуализации (в данном случае использована классификация потребностей А. Маслоу).

Вторая группа показателей включает индикаторы, отражающие внешние факторы, обуславливающие неудовлетворенность (удовлетворенность) субъекта своим жизненным пространством.

Третья группа показателей включает гражданские, политические, социальные и культурные права и свободы.

Гражданские права и свободы личности – право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, свободу совести, свободу мысли и слова, право гражданина на неприкосновенность жилища, выбор места пребывания и жительства, определение своей национальной принадлежности.

К *политическим* правам и свободам личности относят право участия в управлении государством, право граждан на объ-

единение, на свободу собраний и манифестаций, равный доступ к государственной службе, судебную защиту прав и свобод.

К *экономическим* правам относят право частной собственности на имущество и землю, а также их наследование, право граждан на занятие предпринимательской деятельностью.

К *социальным* правам относят право на труд, благоприятную окружающую среду, социальную защиту, жилище, образование.

К *культурным* правам относят свободу творчества и право на участие в культурной жизни.

Четвертая группа показателей включает социальные гарантии, в том числе минимальную заработную плату и пособие по временной нетрудоспособности; пособие по безработице для трудоспособных лиц; минимальные трудовые и социальные пенсии для пожилых и нетрудоспособных граждан, инвалидов; минимальные стипендии учащимся, регулярные или разовые социальные пособия наиболее уязвимым группам населения и др.

Способом, который позволяет выявить эти четыре группы показателей, является мониторинг качества жизни, который предполагает оценку факторов и условий жизнеобеспечения; функционирующих систем жизнеобеспечения; тенденций развития; процесса принятия решений и их реализацию; процесса корректировки целей и задач; процесса перераспределения ресурсов; элементов, свидетельствующих об усилении социальной направленности в деятельности органов власти.

Таким образом, в числе выделяемых индикаторов чаще всего встречаются такие, как качество образования, качество здоровья, качество жилища, качество окружающей среды. Причем качество жизни оценивается как через объективные показатели, так и субъективные. В настоящее время накоплен опыт проведения сравнительного анализа международных, государственных, региональных, муниципальных оценок качества жизни. Начались работы по оценке отдельных компонентов качества жизни:

здоровья, экологии и др. В соответствии с этим можно сделать вывод о том, что многообразие существующих методик и индикаторов свидетельствует о значимости и важности измерения качества жизни, т.к. это будет способствовать повышению эффективности функционирования современного

общества.

В соответствии с этим повышается актуальность разработки как теоретических, так и эмпирических исследований, связанных с разработкой показателей качества жизни и созданием методик его оценки.

Литература

1. Бобков В.Н., Мстиславский П.С. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. – 1996. – № 6. – С. 76-79.
2. Венцов Н.В. Категория «Качество жизни» и территориальное планирование // Стандарты и качество. – 2003. – № 2.
3. Григорьев С.И. Основы становления социальной квалитологии как отрасли современного социологического знания. – Барнаул-Москва, 2004. – 18 с.
4. Жукова Н.В. Индикаторы социального развития как инструмент социального программирования: зарубежный опыт // Социология. – № 3-4. – 1994. – С. 110-153.
5. Ветров Г.Ю., Визгалов Д.В., Шанин А.А., Шевырова Н.И. Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований. – 2-е изд., доп. – М., 2002. – 134 с.
6. Косов В.В. Динамика качества жизни в субъектах Российской Федерации и направленность социальной политики // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 12-18.
7. Мстиславский П.С. Социальные параметры в сопоставлении с Европейскими странами // Уровень жизни населения регионов России. – 2003. – № 2.
8. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 100-104.
9. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. – М., 2000. – 543 с.
10. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М., 2002. – 656 с.
11. Римашевская Н. Глобализация и мировое население: социодемографические и этнодемографические сдвиги // Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. – М., 2003. – С. 289-327.
12. Andrews F., Withney S., Social Indicators of Well-Being: American/s perception of Life Quality. – N.Y., L. Plenum Press, 1976.
13. Bauer R. Social Indicators. – London, 1969, P. 357.
14. Hughes W. Urban Indicators, Metropolitan Evolution and Public Policy. – New Brunswick: Rutgers, 1972.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Лига М.Б., д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, декан социального факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
m-Liga@inbox.ru

M. Liga, Doktor Nauk in sociology, Department of Sociology and social work (professor), Dean of School of social sciences

Научные интересы: социология качества жизни, социология образования, социальное познание, социальная безопасность

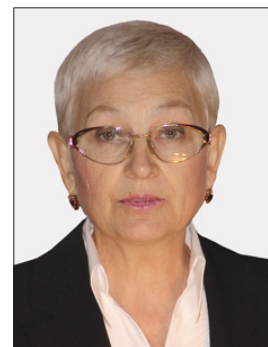
Research area: sociological aspects of the quality of life, sociological aspects of education, social cognition, social security

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

ОСНОВНЫЕ СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН АКТИВНОГО ТРУДОВОГО ПЕРИОДА

BASIC STATUS POSITIONS OF SINGLE WOMEN IN THEIR ACTIVE CAREER PERIOD

Дан анализ основных статусных позиций одиноких женщин – образование, профессия, положение на рынке труда, доходы и потребление, имущественная обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие сбережений и инвестиционных ресурсов

Ключевые слова: одинокие женщины, активный трудовой период, статусные позиции, социальная дискриминация, адаптация, конкурентоспособность, неформальная занятость, показное (демонстративное) потребление

The author brings in focus basic status positions of single women – education, profession, their stand in the labor market, income and consumption, material security, real estate property status, housing quality, bank savings and investment potential

Key words: single women, active career period, status position, social discrimination, adaptation, competitiveness, informal occupation, demonstrative consumption

Статусная позиция – это место в социальном пространстве, воздействующее в том или ином направлении и с той или иной силой на поведение занимающего ее индивида. Это характеристика детерминированности поведения, несвободы. Индивид свободен в своем поведении в пределах границ статусной позиции (например, потребление ограничено наличием доступных средств). Он сам выбирает варианты поведения (стиль жизни), допускаемые статусной позицией, детерминирующей его образ жизни.

Одной из наиболее серьезных теоретических проблем, встающих при попытке описания социального статуса той или иной социальной группы, выступает поиск статусных позиций, по которым можно было бы их адекватно выделить и описать. Определяя свой социальный статус в обществе, большинство одиноких женщин руководствуется своим материальным положением и реальным образом жизни.

К основным статусным позициям, характеризующим положение одиноких женщин, отнесем их образование и профессию, положение на рынке труда, доходы и потребление, имущественную обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие сбережений и инвестиционных ресурсов, спектр доступных платных услуг, досуговые возможности.

Рассматривая положение одиноких женщин на рынке труда, необходимо еще раз обратить внимание на то, что, несмотря на декларирование принципа равных прав и возможностей полов, одинокие женщины практически постоянно испытывают ущемление их социальных прав в экономической жизни: от прямого нарушения равных прав, например, при приеме на работу и увольнении, до создания явных препятствий женщинам пользоваться своими правами. Особенно ухудшилась ситуация с правами женщин в период осуществляющейся со-

циально-экономической трансформации общества, когда проявились негативные тенденции их явного неравенства по сравнению с мужчинами.

Формы и методы социальной дискриминации женщин в зависимости от сфер их деятельности могут быть различными (например, немотивированное увольнение с работы или сексуальные притязания со стороны начальника). По своим видам дискриминация может быть как насильственная, так и ненасильственная. Но в любом случае в основе дискриминационных дей-

ствий лежит насилие над личностью женщины. Дискриминация женщин меняет их социальный статус и социальные установки в конкретной ситуации (как семейно-бытовой, так и общественной) и влечет за собой перемены в ролевых функциях женщины.

По официальным данным [1] и нашим исследованиям, примерно треть руководителей предприятий различных форм собственности признают, что предпочитают при приеме на работу мужчин, а не женщин (табл. 1).

Таблица 1

Оценка частоты столкновения женщин с фактами их дискриминации при приеме на работу и увольнении (в % к опрошенным) с нашими дополнениями *

Формы проявления социальной дискриминации в сфере труда	Сталкиваются (всего)	Частота столкновения		Никогда не сталкиваются	Затруднились ответить
		часто	иногда		
При приеме на работу	82,3 (67,5)	40,7	41,6	7,1 (20,1)	(12,4)
При увольнении	74,2 (56,2)	41,2	33,0	11,3 (22,8)	14,5 (21,0)

* в скобках приведены данные, полученные при анкетировании одиноких женщин Забайкалья

В частном секторе социальная дискриминация женщин имеет выраженный авторитарный характер, ставит работницу в большую зависимость от работодателя-мужчины, чем на государственных предприятиях. Более того, уровень социальной и правовой защищенности женщин от дискриминации в частном секторе намного ниже, чем на предприятиях государственных или полугосударственных.

Экспертный опрос участников Всероссийского женского Конгресса «Труд. Занятость. Безработица» (1994), проведенный под руководством проф. Г.Г. Силласте и

при непосредственном участии Г.Ж. Кожамжаровой, позволил нарисовать общую картину распространенности различных видов социальной дискриминации женщин в сфере труда (табл. 2).

Дискриминация женщин в сфере труда и занятости имеет свои асоциальные последствия, означающие ожидаемые или стихийно возникающие результаты распространения того или иного социального процесса и явления, которые влияют как на социальные отношения личностей, общностей, так и на стабильность в обществе в целом.

**Категории женщин, чаще других ощущающих социальную дискриминацию
в сфере труда (в % к опрошенным) [2] с нашими дополнениями***

Категории женщин	Сталкивались (всего)	Частота столкновения		Никогда не сталкивались	Затрудились ответить
		часто	иногда		
Беременные	65,6	45,2	20,4	13,1	21
Инвалиды	56,5	39,8	16,7	12,2	31,3
Одинокие	5,4 (56,7)	25,3	27,1	17,2 (22,7)	30,4 (20,6)
Предпенсионного возраста	77,9 (82,4)	54,8	23,1	4,5 (10,9)	17 (6,7)

* в скобках приведены данные, полученные при анкетировании одиноких женщин Забайкалья

Асоциальными последствиями этих негативных процессов стали феминизация бедности, женская безработица, усиление внутрисемейной и общественной дискриминации женщин, рост насилия и преступности, непосредственно сказывающиеся на социальном статусе женщин.

Феминизация бедности, как одна из усиливающихся тенденций завершающих десятилетий прошлого столетия, была выделена многими исследователями. В результате анализа различий в уровне бедности населения и домохозяйств по гендерному признаку установлено [1], что одинокие пожилые женщины и матери-одиночки (неполные семьи) [мы рассматриваем одиноких матерей в широком социальном контексте и относим к ним не только тех, кто имеет юридическое право называть себя «одинокой матерью», но и тех, кто в силу определенных обстоятельств расстался с мужем, потерял мужа, или тех, кто никогда не был замужем, однако имеет на своем иждивении детей. Как следует из сказанного, «неполная семья» понимается как семья, в которой забота о детях и защита их интересов осуществляется одним из родителей (в нашем исследовании матерью), проживающим совместно с этими детьми] составляют группу населения с самым высоким риском бедности.

На эту общероссийскую ситуацию накладываются глубокие межрегиональные различия в уровне жизни, размерах текущих денежных доходов, объемах сбережений и уровне адаптированности населения. Существует прямая и тесная связь адаптации населения с уровнем развития регионов. В этом смысле Забайкалье является примером региона с низким качеством жизни. По большинству социально-экономических показателей оно занимает последние места среди регионов Сибирского федерального округа.

Для материнских семей к факторам бедности относятся как низкие индивидуальные доходы одинокой женщины-матери, так и недостаточный размер государственных трансфертов, призванных частично компенсировать отсутствие второго заработка в семье (алименты на детей после развода, пенсии детям после смерти отца, пособия одиноким матерям).

Если одни проблемы связаны с недостаточным финансированием социальных программ из бюджета (пенсии детям, пособия), то другие лежат в области экономических условий занятости женщин и оплаты их труда, неравенства экономических возможностей мужчин и женщин.

Для каждого из выделенных типов домохозяйств, в наибольшей степени под-

верженных бедности (материнские семьи, одинокие женщины-пенсионеры), можно выделить круг факторов, способствующих обеднению этих групп населения.

Факторы бедности пожилого населения лежат в сфере недостаточности размера существующих пенсионных выплат для лиц старших пенсионных возрастов, 90 % которых составляют женщины (среди них более 60 % одиноких): средний уровень пенсий достигает сегодня лишь 2/3 от прожиточного минимума пенсионера. При этом пенсии не покрывают даже минимальных физиологических потребностей пожилых людей.

В новых экономических условиях материальное положение пенсионеров и неполных семей усугубилось сокращением общественных фондов потребления. Для пожилых людей, пенсии которых не предусматривают затрат на медицинское и социальное обслуживание, это привело к недоступности данных услуг и увеличению уровня бедности. Одинокие женщины старших пенсионных возрастов с этой точки зрения оказываются наиболее уязвимыми.

Число детей в семье — показатель, характеризующий среднюю иждивенческую нагрузку, более высокий в полных семьях: 1,6 в среднем на 1 семью по сравнению с 1,37 в неполных семьях, которые в подавляющем большинстве однодетные. Но с учетом того факта, что в половине полных семей на двух родителей приходится всего один ребенок, среди неполных семей иждивенческая нагрузка с большей вероятностью продуцирует бедность.

Отсутствие полноценной компенсации в доходах неполных семей, второго заработка через систему государственных транс-

фертов ставит перед женщиной проблему обеспечения детей за счет ее индивидуальных доходов. Однако по сравнению с остальными работниками их карьера оказывается менее позитивной. Это объясняется ограниченным кругом областей занятости, где женщина может подрабатывать, а также препятствиями объективного характера при переходе в частный сектор: работа на негосударственном предприятии, в частном бизнесе требует больших затрат времени и полной отдачи сил, тогда как низкий уровень развития социальной инфраструктуры, сферы бытовых услуг, системы детских учреждений, а кроме этого, необходимость ухода за детьми не позволяют женщинам посвящать все время работе, в полной мере проявлять себя в профессиональной сфере. В результате предпочтение в формировании высокооплачиваемых рабочих мест на негосударственных предприятиях отдается мужчинам; женщины, как правило, используются там на вспомогательных работах. Они зачастую оказываются неспособными конкурировать на рынке труда и не имеют возможности кардинально улучшить положение своей семьи, что особенно актуально для одиноких женщин с детьми.

Предваряя описание положения одиноких женщин на рынке труда, охарактеризуем их образовательный ценз, причем дадим его с разбивкой на сферы трудовой деятельности. Для женщин только со средним и незаконченным средним образованием выделим одну категорию — рабочие профессии, для женщин со среднеспециальным и высшим образованием выделим техническую направленность образования и гуманитарную (табл. 3).

Таблица 3

Образование одиноких женщин Забайкалья

Образовательный ценз	Возрастные группы одиноких женщин		
	25-39	40-55	старше 55
Начальное	6,1	6,5	7,4
Неполное среднее и среднее	20,4	22,5	33,4
Среднее специальное:	30,6	29,1	9,6
– техническое	31	54,3	58,2
– гуманитарное	69	45,7	41,8

Образовательный ценз	Возрастные группы одиноких женщин		
	25-39	40-55	старше 55
Высшее и незаконченное высшее:	38,8	38,7	25,9
– техническое	20,1	50,1	60,8
– гуманитарное	79,9	49,9	39,2
Два высших образования, ученая степень:	4,1	3,2	3,7
– техническое	12,7	20,3	35,6
– гуманитарное	87,3	79,7	64,4

Главный вывод, который напрашивается при анализе приведенных данных, говорит о достаточно высоком образовательном потенциале женщин. Этот потенциал одинокие женщины готовы использовать на рынке труда, однако названные нами обстоятельства не позволяют сделать это в полной мере. Другой вывод говорит о существенном смещении в первой возрастной группе соотношения технического и гума-

нитарного образования в сторону заметного преобладания последнего. В нынешних условиях преобладающего развития сферы услуг это находит свое объяснение.

Сведения, приведенные в табл. 4, иллюстрируют степень удовлетворенности (неудовлетворенности) трудовой деятельностью одиноких женщин в разрезе полученного образования.

Таблица 4

**Удовлетворенность трудовой деятельностью одиноких женщин
в разрезе полученного образования**

Сфера образования	Трудовая деятельность							
	соответствует полученному образованию				не соответствует полученному образованию			
	25-39 лет		40-45 лет		25-39 лет		40-45 лет	
	%	У/Н*, %	%	У/Н, %	%	У/Н, %	%	У/Н, %
Образование по рабочей профессии	61,2	70/30	70,3	79/21	38,8	68/32	29,7	60/40
Техническое	18,6	51/49	40,3	62/38	81,4	38/62	59,7	49/51
Гуманитарное	78,1	60/40	71,6	65/35	21,9	47/53	28,4	42/58

* У – удовлетворяет; Н – не удовлетворяет

Характеризуя положение одиноких женщин на рынке труда как их статусную позицию, следует сказать, что ее ослабление связано, в первую очередь, с сокращением общей численности занятых в экономике женщин. Гендерная особенность этих изменений проявилась в том, что темпы роста женской занятости были отстающи-

ми, а темпы снижения – опережающими: в инфраструктурных отраслях численность женщин повысилась на 24 %, тогда как в индустриальном производстве упала на 43 %, в аграрном производстве – на 25 %, в сфере услуг – на 5,5 %. Иными словами, при тенденции к сокращению рабочих мест шансы женщин на их утрату были выше,

чем у мужчин, а при их создании шансы на заполнение – ниже.

Несмотря на абсолютный рост численности женщин, занятых в торговле, общественном питании и управлении, гендерная структура в этих и других отраслях рыночной инфраструктуры (кроме транспорта, где численность женщин невелика) изменялась не в пользу женщин. Мужчины «потеснили» женщин во всех инфраструктурных сегментах, которые до реформ считались отраслями традиционно женской занятости.

Данный процесс не затронул только те отрасли сферы услуг, которые относятся к социальной инфраструктуре – здравоохранение, образование, культура и искусство, т.е. тех сфер, которые финансируются в основном из бюджета. Они охватывают не менее 80 % всех женщин, занятых в сфере услуг.

Очень показательна гендерная структура этих отраслей в целом для Забайкалья. Так, в здравоохранении и органах социального обеспечения работает 82,3 % женщин от общей численности занятых в этой отрасли, среднемесячная начисленная зарплата 3649,7 руб. (67,0 % от среднемесячной областной заработной платы); в органах образования, организациях культуры и искусства работает 78,6 % женщин от всех занятых, зарплата от 2786,2 до 3259,4 руб. (51...60 % от среднемесячной областной заработной платы).

Более слабые конкурентные позиции женщин проявляются в характеристиках не только занятости, но и безработицы. Женщины испытывают более серьезные проблемы с трудоустройством. Более длительный поиск работы – один из аспектов уязвимой позиции женщин на рынке труда.

Женщины первыми страдают в случае увольнений, поэтому угроза потерять работу является для них серьезной проблемой. Подавляющее большинство работающих женщин боится лишиться работы и почти половина – совсем не уверены, что смогут найти работу не хуже той, на которой работают сейчас. При этом степень опасения потерять работу и уверенности в получении другой работы зависит от возраста женщи-

ны и ее образования. Пик опасений, связанных с работой, приходится на предпенсионный возраст. В свою очередь, чем выше образование, тем меньше у человека боязни потерять работу, и тем больше он уверен в своих возможностях.

Одним из факторов, поддерживающих конкурентоспособность женщин на рынке труда, остается низкая цена женской рабочей силы. Средние заработки в здравоохранении и отраслях социальной сферы в дореформенное время составляли всего 65...75 % от уровня средней заработной платы по стране. За период реформ положение в этих отраслях еще более ухудшилось.

Столь низкие трудовые доходы особенно негативно сказываются на материальном положении одиноких женщин, объективно являющихся «первыми» работниками (основные и единственные кормильцы семьи, женщины в неполных семьях). Слабая защищенность трудовыми доходами данных типов домохозяйств выступает одной из самых значимых причин гендерных расхождений в показателях бедности работников, которые у женщин выше, чем у мужчин.

Социальная незащищенность женщин проявляется в нарушениях трудового законодательства, концентрирующихся, в основном, в следующих сферах правового регулирования: оплата труда (произвольное установление зарплаты, штрафные санкции как мера дисциплинарного воздействия в размере 50 % месячной ставки), режим работы (ненормированный рабочий день без компенсации за сверхурочные работы и работу в выходные дни), процедуры увольнения (невыплата выходного пособия, незащищенность от произвольного увольнения), социальные гарантии (отказ в предоставлении очередного отпуска и выплата компенсации за временную нетрудоспособность). Эти нарушения более характерны для частных предприятий, чем для государственных, и типичны в «поле» неформальной занятости.

Неформальная занятость, в которую, по экспертным оценкам, с разной степенью регулярности включено почти 9 % экономически активного населения, для части поте-

рявших работу оказывается единственной реальной альтернативой безработице. В настоящее время она стала областью открытой дискриминации и сверхэксплуатации женщин. На сравнительно высокооплачиваемых работах доминируют мужчины, на среднеоплачиваемых — женщины, а на самых неквалифицированных, ненормированных и крайне низкооплачиваемых работах у частных лиц женский труд достигает практически 100 %.

Неформальная занятость находится вне зоны какого-либо правового регулирования, работающие по найму во всех вопросах, касающихся режимов, условий и оплаты труда, всецело находятся в зависимости от работодателя. Для женщин это оборачивается ущербом здоровью, в том числе репродуктивному (использование на физически тяжелых и вредных работах), невозможностью приемлемо совмещать трудовые и семейные функции, растратой трудового потенциала из-за деквалификации и неадекватной оплаты труда.

Таким образом, несмотря на большую активность в производственной сфере, женщины — главы неполных семей не в состоянии компенсировать отсутствие вто-

рого дохода в семье, дохода мужа, и здесь определяющую роль играет разница в заработках мужчин и женщин. Несмотря на то, что неполные семьи являются получателями социальных трансфертов — этот альтернативный источник материального благосостояния не компенсирует отсутствия второго работника.

Оценивая важнейшую статусную позицию одиноких женщин — материальный достаток, за его показатель примем душевой доход в сопоставлении с социально-экономической категорией «прожиточный минимум». Под прожиточным минимумом понимается минимальный объем жизненных средств, необходимый для поддержания жизнедеятельности работника и восстановления его работоспособности. Их объем должен быть достаточным для того, чтобы обеспечить удовлетворение общественно необходимых потребностей квалифицированных работников и членов их семей.

Согласно исследованию практически три четверти одиноких женщин возраста активной жизнедеятельности по месту основной работы имеют душевой доход меньше прожиточного минимума (рис. 1).

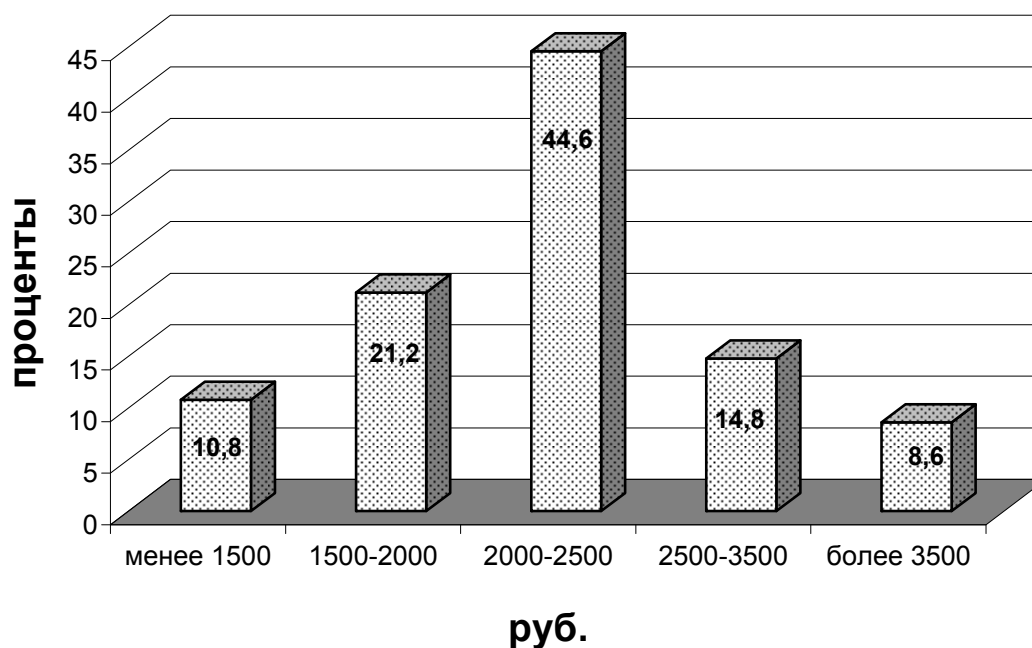

Рис. 1. Среднемесячный душевой доход одиноких женщин возраста активной жизнедеятельности по месту основной работы

Совокупный ежемесячный душевой доход большинства одиноких женщин несколько больше указанных величин из-за различных социальных выплат и, самое главное, из-за вынужденной интенсификации трудовой деятельности. По данным опроса, интенсифицировать свою трудовую деятельность вынуждены 39,6 % одиноких женщин, причем 27,5 % из них имеют более одного дополнительного места трудовой деятельности. Из интервью (преподаватель вуза, 41 год) «...набрала столько, сколько смогла, благо еще в одном месте, не нужно бегать как некоторым. Еще, слава Богу, дают часы: у дневников веду, у заочников, лицейстов (речь идет о педагогической нагрузке, Н.Р.), но многие уже косо смотрят, хотя и знают, что не на курорты коплю. Иногда кажется – все...».

Продолжая далее тему материального положения, остановимся еще на нескольких показателях, которые в определенной мере способствуют ее раскрытию. Во-первых, – это состав семьи, на который распределяется совокупный доход. Согласно опросу, в большинстве (78 % всей выборки) семей имеются дети, 47 % женщин отметили, что им приходится либо помогать детям, либо участвовать в содержании родителей или других родственников.

Кроме исследованного показателя – совокупного среднедушевого ежемесячного денежного дохода – материальное положение одиноких женщин характеризуют также имущественная обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие денежных сбережений и инвестиционных ресурсов.

По показателю имущественной обеспеченности мы выделили четыре градации уровня жизни одиноких женщин: живущих на уровне бедности, малообеспеченные, с приемлемым уровнем жизни и обеспеченным уровнем жизни.

При всей широте спектра располагаемого имущества и возможностях индивидуального выбора элементов вещной среды, исследования позволили установить минимальный перечень предметов длительного

пользования, которыми обладает подавляющее большинство опрошенных одиноких женщин и который это большинство в настоящее время признает минимально необходимым для нормального уровня жизни.

По результатам проведенных исследований, общепринятый имущественный набор в обязательном порядке включал пять предметов: холодильник (его не имели 2,4 % опрошенных), цветной телевизор (его не имели 7,1 % опрошенных), а также стиральную машину, пылесос и мебельный набор (не имели 11,7...15,9 %). Отсутствие всей совокупности этих предметов повседневной жизни не было установлено ни у одной из респонденток. Отсутствие двух и более из перечисленных видов имущества (прежде всего, холодильника и телевизора) позволяет отнести существование одиноких женщин к уровню бедности. Таких женщин оказалось 6,1 %. Имущественный набор, отвечающий только указанному нами полному перечню, имели 34 % семей одиноких женщин (малообеспеченные женщины).

Следующий уровень имущественного расслоения предполагал наличие в семье одиноких женщин видео- или аудиоцентра, компьютера, различных видов бытовой кухонной техники (электрочайник, кухонный комбайн, электромясорубка, электросоковыжималка, кофеварка и другие аналогичные бытовые приборы), мобильных телефонов. На наличие как минимум 60 % указанных видов имущества указало 51,7 % – по нашей градации это женщины с приемлемым уровнем жизни.

К одиноким женщинам, имеющим обеспеченный уровень жизни по обсуждаемому показателю (8,2 %), мы отнесли таких, кто помимо уже названных предметов имел три и более из пяти предметов длительного пользования, которые наименее распространены в повседневной жизни подавляющего большинства одиноких женщин (речь идет об автомобиле, домашнем кинотеатре, посудомоечной машине, кондиционере, спортивных тренажерах).

Здесь следует сделать оговорку, касающуюся одного из предметов длительного пользования, – автомобиля. Его наличие

отмечается в перечнях респонденток, уровень жизни которых определяется нами и как приемлемый, и даже как малообеспеченный. Однако качественное состояние автомобиля, косвенно оцениваемое по времени его приобретения, практически у всех одиноких женщин достаточно низкое. Это в основном автомобили отечественных марок, приобретенные 7...10 лет назад и в большинстве своем в период нахождения женщины в браке.

При анализе недвижимой собственности одиноких женщин нами не учитывалось наличие приватизированной квартиры. Это было связано с тем, что названный тип собственности за период реформ подавляющее большинство россиян получили бесплатно и использует лишь для потребления, причем, в общем, качество этих квартир приблизительно одинаковое, а шансы различных слоев населения получить такую квартиру в собственность были достаточно близки.

Используя те же градации, что и при дифференциации одиноких женщин по имущественному показателю, нами установлены их качественное содержание и примерная доля домохозяйств, отвечающих каждой из выделенных градаций. Так, 8,7 % семей одиноких женщин не имеют в собственности жилье и вынуждены жить у родственников, знакомых, в общежитиях или арендовать квартиру (уровень бедности). На наличие жилья в собственности (квартира, дом) указали все остальные женщины. Их дифференциация по показателю недвижимой собственности выглядит следующим образом: 37,2 % семей одиноких женщин имеют в собственности квартиры (комнаты в коммунальных квартирах) или дома (обычно малоблагоустроенные), не отвечающие нормативным показателям по площади или благоустройству, 53 % имеют квартиры и дома, по площади и коммунальному обеспечению отвечающие нормативным показателям. Владельцами современного качественного жилья (элитный тип) оказались 7,1 % одиноких женщин. В домохозяйствах одиноких женщин двух средних градаций имеются также дачи

или садово-огородные участки (51,6 %), у 11 % – гаражи.

Нами также была предпринята попытка получения достоверной информации о денежных сбережениях одиноких женщин. Подобная информация отражает не только дополнительные возможности финансирования имеющихся потребностей, но и способствует заметно лучшему социальному самочувствию, поскольку обеспечивает дополнительную прочность положения в обществе. Нами предполагалось получить эту информацию в двух ее аспектах: наличия сбережений в принципе и их количества в разрезе трех градаций: до 10 тыс. руб. (как оперативный резерв на «черный» день), до 50 тыс. руб. (стратегический резерв на финансирование образования, лечение, помощь детям и пр.) и более 50 тыс. руб. (депозитные накопления). Однако эту попытку не удалось реализовать в полной мере. Выявлена усиливающаяся тенденция роста количества одиноких женщин, имеющих сбережения. Но недостаток фактических данных не позволяет ее интерпретировать либо как рост благосостояния одиноких женщин, либо как повышение доверия к банковской системе.

Одной из определяющих позиций социального статуса является потребление. Длительное пребывание людей в условиях однотипного качества и уровня жизни формирует слоевую субкультуру, соответствующий потребительский габитус (свободные привычки, схемы, классификации), специфический набор критериев «нормальной жизни», «нормального питания» и т.д., общепринятые в данном слое ценности, устойчивые формы организации потребления и поведения на рынке труда.

В основном низкий уровень жизни одиноких женщин находит свое подтверждение и в распределении бюджета, или что то же самое – в потреблении. Большая его часть тратится на питание, оставшийся бюджет перераспределяется на статьи, поддерживающие обязательные расходы: квартплату, одежду, медицинские услуги и лекарства.

Одной из особенностей потребления

является возможность косвенной идентификации по его типу социального статуса. С точки зрения логики деятельностно-конструктивистского подхода, социальные структуры формируют условия, в которых возникает соответствующая субкультура, привязывающая людей к их статусу, обеспечивающая его консервацию. Субкультура обеспечивает и социальное исключение. Оно происходит в разных формах. С одной стороны, это буквальное неприятие, выталкивание «чужаков», наблюдающееся и в низших, и в высших слоях; с другой стороны, люди, прошедшие социализацию в определенном слое, часто чувствуют дискомфорт и даже психические муки от пребывания в чужом поле. Особенно мучителен переход «сверху вниз» — из относительно более богатого слоя в более бедный. Как раз переход такого рода сопутствует разведенным или овдовевшим женщинам.

Слой обозначает себя через систему потребительских знаков и символов. В первом случае это элементы потребления, «по которым узнают» принадлежность к определенному слою, независимо от желания индивида, которого классифицируют. Во втором случае это элементы системы потребления, которым сознательно придается статус опознавательных знаков, позволяющих опознавать «своих» и мимикрирующих «чужих».

Женщины, которые в силу наступившего одиночества понизили свой статус, продолжают некоторое время демонстрировать свой прежний социально-экономический статус за счет демонстративного потребительского поведения.

Т. Веблен, американский экономист и социальный теоретик конца XIX в. (1857-1929 гг.), ввел в оборот понятие, обозначающее это явление: «показное (демонстративное) потребление» (*Conspicuous Consumption*), а также «показной (демонстративный) досуг», «показные траты».

Примерно в то же время аналогичный феномен потребления как смысла повседневной жизни изучался немецким социологом Георгом Зиммелем (1858-1918 гг.), но уже на материалах Берлина.

Демонстративное потребление — это текст, состоящий из символов, т.е. сознательно сконструированных знаков. Это потребление, которое осуществляется в значительной мере для его чтения, раскодирования окружающими. В той или иной мере тенденция к показному потреблению характерна для всех эпох. Содержание этого текста просто: *«Я Богат(а). Я респектабельный человек. Я преуспевающий»*. Модель показного потребления предполагает логику анализа, не имеющую ничего общего с логикой Экономического человека, столь популярного в экономических науках. В ее основе погоня за символической, а не утилитарной стоимостью товара.

Активизация общения между людьми подталкивает развитие демонстративного потребления. Индустриализация стимулирует переселение людей в города (урбанизацию), что делает жизнь людей более анонимной. Человек в городе постоянно находится в толпе и при этом не перестает быть одиноким. Его в течение дня окружают тысячи людей, которых он не знает и которые не знают его. В этой ситуации лишь через демонстрацию потребления можно обозначить свой социально-экономический статус. Люди судят друг о друге в основном по отдельным штрихам, которые нередко являются сознательно сконструированными символами в виде стиля потребления или использования отдельных вещей. Это ведет к изменению структуры потребления: траты на его видимые формы в городе растут за счет экономии на скрытых формах потребления.

Вся суть демонстративного потребления одиноких женщин раскрывается в следующем монологе одной из респонденток (преподаватель вуза, 37 лет): *«... Мне никак нельзя выпасть из занятой страты — сразу скатишься вниз. А здесь важно все: и что на тебе надето, и макияж, и духи, и другие компоненты имиджа. А он сейчас стоит дорого. Вся моя внешность собрана по кирпичикам: одно куплю — берегу, пылинки сдуваю, коплю-коплю, приобрету другую вещь и так все время. Покупаю вещи обычно с подругой,*

и знаю, что на следующий день об этой акции будет знать весь коллектив.

Более всего из-за своей непредсказуемости для меня разорительны траты на работе – постоянные сборы денег на дни рождения, праздники, подарки. Но положение обязывает и приходится держат марку – с напускной легкостью отдаю часто последнее.

Восстанавливаю свою «экономику» в продуктовых магазинах. Здесь уж я никогда не делаю покупки с кем-то из своих знакомых. Только одна. Экономлю на всем...».

Об этом же можно прочесть и у Т. Веблена, «для поддержания приличного внешнего вида городскому населению в большей степени, чем сельскому, свойственна привычка жить впроголодь».

В сегодняшних условиях ярким стратификационным признаком является наличие возможности пользоваться платными социальными услугами. При раскрытии этого показателя уровня жизни мы учитывали, что ряд необходимых и ранее бесплатных социальных услуг в России (медицинских, образовательных, оздоровительных, рекреационных) в последнее время все больше замещается преимущественно платными возможностями их удовлетворения. Однако, учитывая, что эти услуги призваны удовлетворять базовые, наиболее значимые потребности людей, неравенство их возможностей в пользовании соответствующими платными услугами имеет огромное значение.

Отражением дифференцированности возможностей одиноких женщин в этой сфере могут служить результаты анализа их ответов на вопрос анкеты: «Какими платными услугами Вы пользуетесь в своей повседневной жизни?». Ответы распределились следующим образом: мелкие платные услуги (ремонт обуви, одежды, парикмахерская, фото на документы и т.п.) – 48,5 %; медицинскими и оздоровительными – 35,3 %; образовательными и развивающими (для детей и взрослых) – 17,1 %; туристические или образовательные поездки за границу – 5,6 %; строительство

или покупка жилья – 3,7 %. Как следует из приведенного распределения ответов, наиболее редкие и дорогие виды платных услуг могут позволить себе только 3...5 % одиноких женщин.

Говоря об индикаторах досуговых возможностей различных слоев населения, необходимо подчеркнуть, что свободное время и разнообразие форм его проведения является одной из важнейших сфер проявления неравенства возможностей людей и ярким примером различий в их уровне и качестве жизни.

В России за последние годы в этой сфере наблюдается заметная динамика расширения досуговых возможностей, связанная с быстрым расширением спектра форм социального участия (ростом рыночного предложения в области развлекательных, рекреационных, развивающих и т.д. компонентов организации досуга). Наиболее значимыми с точки зрения возможностей выбора определенного стиля жизни являются те формы проведения свободного времени, которые связаны с внедомашней досуговой активностью, но именно они требуют наибольших дополнительных материальных затрат.

По результатам многих социологических исследований [3], проводившихся в различных районах страны, совокупная ежедневная трудовая нагрузка работающих матерей составляет 12...14 часов, включая работу и обязанности по дому. Поэтому удовлетворенность одиноких женщин своим досугом является одним из важнейших индикаторов их положения и социального самочувствия, серьезно влияет на их собственное мировосприятие. Об этом свидетельствует тот факт, что отсутствие возможностей провести свой досуг так, как хотелось бы, наряду с плохим материальным положением, отсутствием социальных гарантий, проблемами с жильем и здоровьем, выделяется женщинами в качестве одной из наиболее болезненно переживаемых ими причин неустроенности собственной жизни.

На практике выясняется, что невозможность иметь полноценный досуг, во

многим определяющий качество жизни, беспокоит одиноких женщин практически так же, как ситуация с работой или с отсутствием социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности.

Анализ высказанных мнений одиноких женщин, касающихся своего досуга, показывает крайне ограниченный набор его доминирующих форм – всего четыре (рис.

2). Причем, как выяснилось, основные досуговые формы в представлениях одиноких женщин менее тяготеют к понятиям «отдых», «развлечения», а более – просто к смене трудовой деятельности (обязательной, каждодневной, рутинной). «...*Какой это досуг – телевизор, помотришь новостки между делами, да кино какое-нибудь ближе к ночи...А досуг – это когда все заботы прочь*».

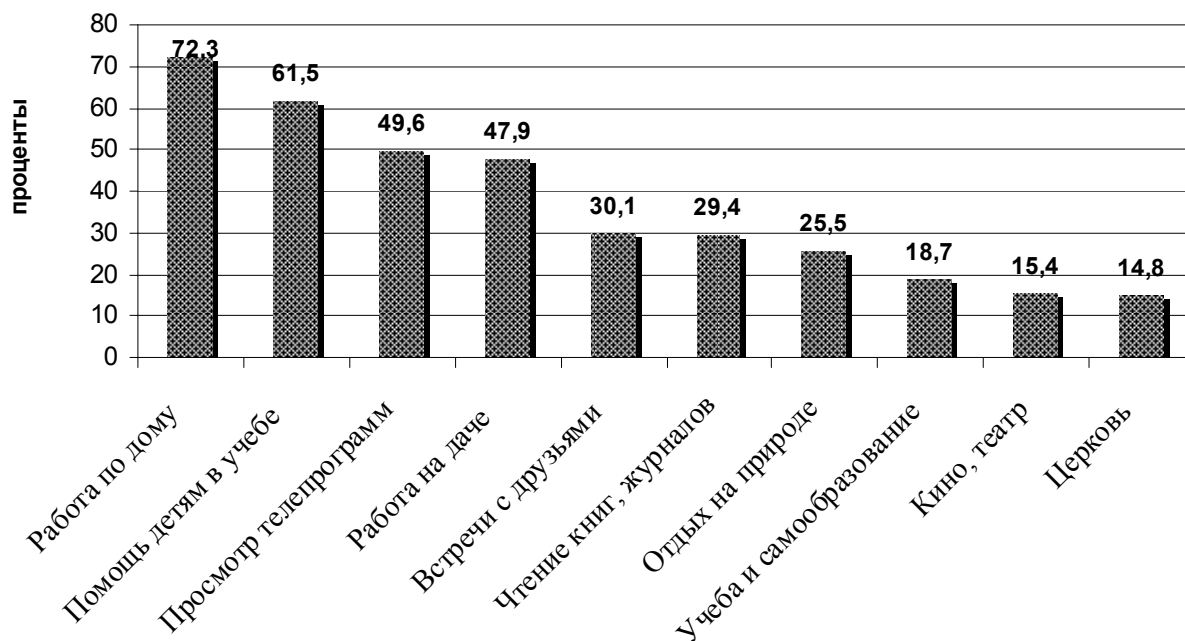

Рис. 2. Формы проведения свободного времени одинокими женщинами

Как следует из рис. 2, различные виды досуговой активности в реальной жизни одиноких женщин связаны преимущественно с домашним времяпрепровождением и отчетливо комбинируются в две группы: используемые большинством женщин и используемые примерно их третьей частью. Простые домашние формы проведения свободного времени (помощь детям, собственно работа по дому, телевизор, чтение) при отсутствии любой социальной деятельности вне дома и любых попыток как-то разнообразить свой досуг формируют простейший (домашний) тип досуговой активности.

Как уже сказано, только треть одиноких женщин расширяют этот тип досуга традиционными формами (кино, театр, от-

дых на природе). Выраженный развивающий компонент (учеба и самообразование) присутствует только менее чем у пятой части женщин. Эти женщины обладают ярко выраженной достижительной мотивацией.

Однако досуг указанных типов ограничен «домашней» нацеленностью проведения свободного времени. Социальные контакты, предпочитающих домашний досуг людей, способны расширяться только за счет более-менее регулярных встреч с друзьями или родственниками, и это становится едва ли не единственной формой их социальной жизни вне дома. Социальное участие начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов рекреационной,

развлекательной, политической или иной деятельности. Однако любая социальная активность вне дома требует заметных дополнительных затрат как материального, так и интеллектуального плана, а ограниченность материальных средств, дефицит времени и высокий коэффициент семейной нагрузки практически не позволяют ее реализовать в какой-либо форме.

Изложенное позволяет заключить: к основным статусным позициям, характеризующим положение одиноких женщин, относятся их образование и профессия,

положение на рынке труда, доходы и потребление, имущественная обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие сбережений и инвестиционных ресурсов, спектр доступных платных услуг, досуговые возможности. Анализ основных статусных позиций одиноких женщин активного трудового периода позволяет сделать вывод, что в современных условиях социальный статус этих женщин достаточно низок, а существующая тенденция к его ухудшению пока не ослабевает.

Литература

1. Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социс. – 1997. – № 12. – С. 112-120.

2. Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. – М.: РОНФ, 1996. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография (научный доклад) / Московский Центр Карнеги; Вып. 24. – М., 1998.

3. Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Шереги Ф.Э. и др. Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? / Аналитический доклад. – М.: ИКСИ РАН, 2002.

Коротко об авторе

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Briefly about the author

N. Romanova, Dr. Sc. (Sociology), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Research area: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

УДК 55.47

Щеткина Ирина Анатольевна
 Irina Shchetkina

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СТАНДАРТОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

SOCIAL INDICATORS AS A BASIS FOR DEVELOPING STANDARDS OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Анализируются социальные показатели качества жизни населения, рассматриваются объективные, субъективные и интегральные системы показателей. Дана характеристика отдельных методик оценки качества жизни населения, используемых в России и за рубежом

Ключевые слова: концепция качества жизни, социальные индикаторы, показатели качества жизни населения, измерение качества жизни, методики оценки качества жизни населения

The article assesses social indicators of the quality of life of the population (objective, subjective and integral systems of indicators) and analyzes assessment methods of life quality practiced in the Russian Federation and abroad

Key words: concept of the quality of life, social indices, indicators of population's quality of life, change in life quality, methods of the life quality estimation

Современный этап социального развития меняет парадигму управления социально-экономическими процессами в России. Государственные и муниципальные органы власти в своей социальной политике все больше внимания уделяют вопросам обеспечения достойного качества жизни населения. Разрабатываются и внедряются различные программы повышения качества жизни индивидов и социальных групп, апробируются инновационные механизмы обеспечения достойного качества жизни населения. Качество жизни населения в настоящее время выступает и как стратегическая цель, и как важнейший показатель социального развития государства.

Важным фактором, влияющим на обеспечение качества жизни населения в России, является создание условий для мониторинга социальных показателей качества жизни населения, позволяющего выявить аспекты, отражающие структурные преобразования; оценить слабые и сильные стороны жизнедеятельности современного об-

щества. Оценка качества жизни населения дает возможность определять механизмы перехода к политике улучшения качества жизни жителей как стратегической задаче, от реализации которой будет зависеть будущее. В связи с этим возрастает значимость теоретического анализа социальных показателей качества жизни населения.

Анализ научной литературы позволяет заметить, что одним из критериев классификации социальных показателей, являющихся основой формирования социальных стандартов качества жизни, выступает их содержание. Выделяют объективные показатели, которые отражают условия социального бытия (уровень социального благополучия, уровень жизни и др.), особенности различных видов деятельности, ее результаты; и субъективные показатели, фиксирующие отношение к социальному пространству, в котором он живет. При этом объективные и субъективные показатели могут быть уровневыми (статистически), показывающими абсолютные значе-

ния; структурными, которые представляют структуру уровневых показателей; динамическими, характеризующими относительное изменение уровневых показателей; одномерными, которые представляются скалярными функциями; многомерными (векторными и матричными) [4].

Деление социальных показателей при формировании социальных стандартов качества жизни на объективные и субъективные обусловлено необходимостью учета как объективных условий жизнедеятельности, так и оценки этих условий самим человеком.

С помощью объективных показателей становится возможным измерение качества жизни общества или индивида на основе статистической информации. Особенность таких показателей заключается в том, что они могут быть зафиксированы и измерены со стороны с помощью заданных и одинаковых для любого частного случая инструментов. Объективные показатели подразделяют на природные и социальные. Природные показатели делятся на три группы:

- 1) показатели, характеризующие различные физико-географические условия проживания;
- 2) биологические условия;
- 3) уровень антропогенной нагрузки на природу.

Среди социальных показателей выделяют демографические, экономические, правовые, показатели образования, культуры, здравоохранения и т.д. [5].

Отдельные исследователи утверждают, что качество жизни может быть измерено только объективными показателями. Такой подход определяет качество жизни населения на основе системы показателей, характеризующих объективные условия жизнедеятельности людей (уровень безработицы, преступности, загрязнения окружающей среды и т.д.). Систему оценки качества жизни населения, состоящую из объективных показателей, в 1971 г. предложил Дж. Форрестер. Его система включала такие индикаторы, как численность населения, количество накопленного капитала, доля капитала в сельском хозяйстве, количество

природных ресурсов [12].

Д. Прингл применяет систему показателей качества жизни населения, основанную на использовании ряда статистических оценок, характеризующих уровень занятости, состояние здоровья населения, уровень преступности и др. При этом автор указывает, что многие составные элементы качества жизни населения количественно не измеряемы (например, удовлетворенность). Этим он еще раз подчеркивает значимость и важность объективных показателей при оценке качества жизни [14].

Отечественные исследователи качества жизни населения А.Е. Когут и В.Е. Рохчин предлагают систему оценки качества жизни населения региона, включающую уровень жизни населения, состояние общественного здоровья, образ жизни населения. Система показателей содержит первичные и сводно-групповые показатели с учетом их периодичности. Среди них доходы населения, личное имущество, обеспеченность населения жилищно-коммунальными услугами, состояние транспортного обслуживания и т.д. [7].

Интересную постановку исследуемый вопрос получил в работах О.Г. Дмитриевой, предлагающей проводить оценку уровня экономического и социального развития регионов исходя из качества жизни их жителей. Основными показателями качества жизни населения региона при этом выступают младенческая смертность; доля учащихся общеобразовательных школ, занимающихся во вторую смену; обеспеченность больничными койками; обеспеченность местами в детских дошкольных учреждениях; вложения в социальную сферу и др. [6].

Система объективных показателей качества жизни населения, предложенная Международным банком реконструкции и развития – это плотность населения (количество человек на квадратный метр), ВВП (в долларах покупательской способности на душу населения), бедность (процент населения, живущего на доход менее одного доллара на душу в сутки), коэффициент смертности детей (на 1000 рождений), общий уровень фертильности (число рож-

дений детей на одну женщину), уровень грамотности взрослых (процент населения 15 лет и старше), доступность к санитарии (процент населения) [3]. При этом можно отметить, что данные показатели характеризует не столько качество, сколько факторы, его определяющие, причем большинство из них дублируют показатели уровня жизни.

Особое место занимают системы показателей, разработанные для оценки качества жизни населения отдельных государств. Большой вклад в исследование этой проблемы внесли специалисты Организации объединенных наций (ООН), которые одни из первых разработали широкую систему социальных показателей. Модель включает 186 показателей по 11 социально значимым областям, среди которых социальная стратификация, мобильность, распределение дохода, потребление и накопления, распределение времени и досуга, социальное обеспечение, образование, здоровье, общественный порядок, безопасность и др. При этом подразумевается, что для создания целостной картины необходимо эту систему дополнять другими методиками [2].

В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию качество жизни выступает интегральным показателем безопасного развития и измеряется через систему индикаторов: продолжительность жизни человека (ожидаемая при рождении и фактическая); состояние здоровья населения; отклонение состояния окружающей среды от нормативов; уровень знаний или образовательных навыков; доход, измеряемый ВВП на душу населения; уровень занятости; степень реализации прав человека [11].

В настоящее время существует значительное количество систем объективных показателей качества жизни населения, общим недостатком которых является полное игнорирование субъективных оценок, что приводит порой к одностороннему анализу качества жизни.

Наряду с объективными показателями при оценке качества жизни населения все чаще используются субъективные. Субъ-

ективные показатели фиксируют оценку индивидом своего качества жизни и могут быть выражены в когнитивной (рациональной) и аффективной (эмоциональной) компонентах.

Э. Эпплер выделяет субъективные индикаторы качества жизни населения, относя к ним социальную уверенность в будущем; соучастие в принятии решений; обеспеченность медицинским обслуживанием; охрану окружающей среды; оздоровление городов [9].

Важное значение имеет оценка качества жизни по такому показателю, как стресс. Группа зарубежных исследователей разработала систему субъективных показателей, которая включает не только сам стресс, но и оценку возможных реакций человека на состояние стресса (депрессию, тревожность и др.). Авторы пришли к выводу, что люди, имеющие большое количество стрессов в повседневной жизни, более впечатлительны, более подвержены депрессии, тревожности и имеют высокую неудовлетворенность жизнью, а значит и низкое качество жизни [13].

В практике социального анализа применяются несколько видов субъективных показателей качества жизни населения, весьма схожих по конструкции, но опирающихся на различные способы его измерения. Так, например, для измерения счастья применяют 27-ранговую шкалу счастья; Д-Т шкалу Эндрюса и Уайти; депрессивный индекс, шкалу депрессии; аффективную балансовую шкалу Брадбурна; шкалу позитивного аффекта Брадбурна; шкалу негативного аффекта Брадбурна; индекс аффекта Кэмпбелла; шкалу самоубийц, клиническую анкету; шкалу удовлетворенности жизнью Дайнера; депрессивную шкалу IPAT позитивного настроения; депрессивную шкалу MMPI; 7-ранговую шкалу счастья Михалоса; шкалу самочувствия Теллежена DPQ; шкалу настроения Андервуда и Фроминга [5].

Система субъективных показателей позволяет оценить качество жизни исходя из позиций субъекта, на основе представления самого субъекта о том, что он сегодня

имеет, о чем он мечтает, что он хочет получить. Однако субъективные показатели не позволяют дать объективную оценку материальных условий жизнедеятельности. В данном случае эти условия выступают только как детерминанты субъективных реакций человека. Измерение качества жизни населения на основе субъективных показателей сопряжено с определенными трудностями: люди не всегда могут адекватно выразить свое отношение к той или иной проблеме, оценить свое эмоциональное состояние и т.д. Кроме этого, субъективные показатели являются весьма динамичными и требуют регулярной корректировки. Все это приводит к определенным проблемам при интерпретации данных.

Последнее время отдельные исследователи приходят к выводу, что недостатков, имеющихся в объективных и субъективных системах показателей, можно избежать при оценке качества жизни населения на основе использования интегрального показателя, который сочетает объективные показатели, полученные на основе статистических данных, и результаты социологических исследований, основанных на мнениях и суждениях людей относительно условий их жизнедеятельности и удовлетворенностью жизнью [8]. В научной литературе обсуждаются разные предложения по конструированию обобщающего показателя качества жизни населения на основе частных показателей. Методология таких расчетов многообразна и предполагает, например, определение обобщающего показателя в виде средней взвешенной величины из частных показателей, нахождение среднего ранга по совокупности характеристик, построение синтетического индекса на основе стандартизированных значений исходных показателей, использование метода главных компонентов или его обобщения – факторного анализа, сопоставление фактических показателей с нормативными, расчеты индексов человеческого показателя и человеческого развития. При этом все методы построения интегрального показателя имеют как достоинства, так и недостатки.

Интегральный показатель качества

жизни населения разрабатывается на основе представлений о том, что качество жизни складывается в равной степени под влиянием как внешних (объективных) условий, так и перцепции (индивидуального восприятия) людей, качество жизни которых оценивается.

Существует множество исследований, главная цель которых состоит в разработке обобщенного показателя качества жизни населения. Так, новый подход к оценке качества жизни населения был предложен в системе «индикаторы Динера». Эта система представлена двумя группами показателей: базовый и продвинутый. Оба показателя могут быть использованы для межстрановых сравнений. Базовый показатель основан исключительно на объективных переменных и используется для анализа качества жизни населения преимущественно в развивающихся странах. Для продвинутого показателя используются и субъективные переменные. Он предназначен в основном для сравнения качества жизни в развитых странах. Базовый показатель позволяет оценивать удовлетворение элементарных потребностей человека (в соответствии с концепцией А. Маслоу). В продвинутом показателе используются результаты обследования отношения к таким ценностям, как самодисциплина, социальная справедливость, наслаждение жизнью, успех, защита окружающей среды. Показатели строятся в порядковых шкалах [13].

В последние годы получила распространение методика оценки качества жизни населения на основе Универсальной шкалы качества жизни Кумминса. Данная шкала ориентирована на изучение следующих компонентов: материальное благополучие; здоровье; производительность; личная жизнь; безопасность; благополучие сообщества; эмоциональное благополучие. Каждый из компонентов измеряется тремя объективными и двумя субъективными переменными. Конечным показателем выступает сумма объективной и субъективной оценок.

В Российской Федерации существует своя система социальных показателей, ис-

пользуемых для оценки качества жизни населения. В 2008 г. Указом Президента РФ утвержден Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Система предполагает использование 43 показателей по различным направлениям. Показатели характеризуют такие стороны качества жизни населения, как объем валового регионального продукта; доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума; уровень криминогенности; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя субъекта федерации; удовлетворенность населения медицинской помощью, качеством общего образования, начального и среднего образования, деятельностью органов исполнительной власти (процент от числа опрошенных) и др.

Отечественные исследователи Е.В. Давыдова и А.А. Давыдов предлагают свою модель обобщенного показателя качества жизни населения: «полный индекс качества жизни». Данный индекс представлен следующей формулой: $KЖ = КПС + КСС + СОУС$, где $KЖ$ – качество жизни, $КПС$ – качество природной среды, $КСС$ – качество социальной среды, $СОУС$ – субъективная оценка условий существования [5].

Стоит отметить, что эта система объединяет объективные и субъективные факторы, а также дает возможность представить качество жизни населения как целостную систему. Но все же индекс не в полной мере учитывает весь характер взаимодействия объективных и субъективных факторов, обуславливающих качество жизни населения.

Российскими учеными для оценки качества жизни населения был предложен показатель социальной напряженности. Социальная напряженность оценивается по следующим критериям:

- 1) степень обеспеченности потребительскими товарами;
- 2) уровень преступности;
- 3) степень недовольства населения комплексом нерешенных социально-экономических, политических, экологических проблем.

Группа исследователей под руководством С.А. Айвазяна предлагает свой интегральный индикатор качества жизни населения, который представляет собой определенное вида свертку оценок частных свойств. Данный индикатор измеряется по пяти компонентам:

- 1) «качество населения»;
- 2) «благополучие населения»;
- 3) «социальная безопасность»;
- 4) «качество окружающей среды»;
- 5) «природно-климатические условия»

[1].

В рамках каждого компонента определены свои наборы показателей.

Согласно методике, предложенной М.Б. Лига, измерение качества жизни выполняется по формуле:

$$KЖ = УЭБ + УСБ,$$

где $KЖ$ – интегральная оценка качества жизни;

$УЭБ$ – интегральная оценка уровня экономического благополучия;

$УСБ$ – интегральная оценка уровня социального благополучия.

Автор полагает, что интегральная оценка уровня экономического благополучия строится на основе статистических данных, включающих доходы и расходы населения; средний размер заработной платы по стране; уровень инфляции, безработицы; уровень развития социальной инфраструктуры; жилищные условия и др. Интегральная оценка уровня социального благополучия осуществляется на основе данных статистики, характеризующих медико-экологические показатели (здоровье населения, доступность услуг системы здравоохранения; экологическая обстановка и др.) и показатели духовного благополучия (состояние отдельных отраслей социальной сферы; степень социальной напряженности и др.) [5].

В то же время отдельные исследователи все чаще стали говорить о невозможности создания единого обобщающего показателя качества жизни населения. Так, Г. Мильнер свою позицию аргументирует тем, что показатели, используемые при создании такого индекса, зависят от исторических, климатических, природных условий. Кроме

того, не менее значимыми факторами, влияющими на качество, становятся традиции, обычаи, менталитет нации, личности [10].

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что оценка качества жизни населения на основе обобщающего показателя представляется особенно актуальной в период социальных преобразований, когда особенно важным становится изучение социальной реальности в сочетании с оценкой отношения к ней населения.

Исследование качества жизни населения может быть проанализировано в кон-

тексте неклассической науки, в частности, социологической концепцией жизненных сил, социальной и индивидуальной субъектности. Данная концепция предоставляет возможность для исследования основных показателей качества жизни населения региона. При этом анализ может быть осуществлен, с одной стороны, в контексте осмысления развитости жизненных сил населения региона, с другой – исходя из степени организации жизненного пространства, характера его взаимодействия с жизненными силами.

Литература

1. Айвазян С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. – М., 2000. – 118 с.
2. Анимица Е.Г., Елохов А.М., Сухих В.А. Качество жизни населения крупнейшего города. Ч. 1. – Екатеринбург, 2000. – 408 с.
3. Бобков В.Н., Метиславский П.С. Качество жизни: вопросы теории и практики. – М., 2000. – 31 с.
4. Бородкин Ф.М., Айвазян С.А. Социальные индикаторы. – М., 2006. – 607 с.
5. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. – М., 1993. – 52 с.
6. Дмитриева О.Г. Региональная экономическая диагностика: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 1992. – 25 с.
7. Когут А.Е., Рохчин В.Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения. – СПб., 1994. – 87 с.
8. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография; под ред. М.В. Константинова. – М., 2006. – 223 с.
9. Попов С.И. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. – М., 1977. – 280 с.
10. Тодоров А. Ст. Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций. – М., 1960. – 224 с.
11. Федотов Ю.Д. Социоэкологическая оценка качества жизни региона (на примере Республики Мордовия): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Саранск, 2000. – 21 с.
12. Форрестер Дж. Мировая динамика: пер. с англ. – М., 1978. – 166 с.
13. Michael R. Hagerty, Robert A. Cummins et al. Quality of Life Indexes for National Policy.
14. Pringl D.G. Measuring the Quality of Life: Some Methodological Problem // Colloquium Geographicum. – 1982. – № 15. – P. 24.

Коротко об авторе

Щеткина И.А., канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)

Научные интересы: качество жизни населения, методики оценки качества жизни населения

Briefly about the author

I. Shchetkina, Candidate of Social sciences), ZabGPU, Chita

Research area: people's quality of life, assessment methods of the quality of life

Дорфман
Юрий Валентинович
Yury Dorfman

Горячих
Наталья Викторовна
Natalia Goryachikh

Батухтин
Андрей Геннадьевич
Andrey Batukhtin

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ УГЛЕЙ ПРИ РАЗНЫХ СПОСОБАХ ЕГО СЖИГАНИЯ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

MODELS OF CONDUCT OF COALS WITH DIFFERENT BURNING REGIMES AND THEIR APPLICATION

Рассмотрены модели поведения углей при различных способах сжигания (слоевое сжигание, сжигание углей в топках с НТКС, факельное сжигание). Представлены зависимости, определяющие изменение выбросов вредных веществ для каждого из способов сжигания углей. Рассматривается возможность значительного снижения выбросов вредных веществ при распределении нагрузки между котельными агрегатами

Ключевые слова: котельный агрегат, слоевое сжигание, низкотемпературный кипящий слой, факельное сжигание, концентрация вредных выбросов

The authors consider the conduct of coals in different burning regimes (layer burning, burning of coals in fire chambers with low temperature boiling layer, torch burning). Factors determining the change in harmful substances emission with every particular method of coal burning are also described. Proper distribution of the working load among the boiler units might result in a considerable decrease of harmful emissions

Key words: boiler unit, layer burning, low temperature boiling layer, torch burning, concentration of harmful emissions

Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Госконтракт № 02.740.11.0028)

Значительная доля вредных выбросов приходится на тепловые электростанции и котельные, сжигающие твёрдое топливо, преимущественно угли. Основная масса

загрязнителей приходится на крупные котлы ТЭС. Котлы средней и малой мощности, расположенные в пределах городов, отличаются низкими экологическими показателями, оборудованы недостаточно высокими дымовыми трубами, в результате чего именно они во многом определяют уровень приземной концентрации токсичных веществ.

Газоочистные сооружения, как и способы, связанные с конструктивными из-

менениями агрегата, как правило, дороги и поэтому не всегда экономически оправданы. Поэтому большее распространение получают малозатратные режимные методы снижения выбросов загрязняющих веществ. К таким способам можно отнести использование цеолитов.

В настоящее время нет универсальных моделей поведения углей и других топлив и обоснованной системы их классификации. Это, во-первых, связано с многообразием и отличием по свойствам углей разных месторождений. Во-вторых, имеются различные варианты процессов использования углей (сжигание, углеобогащение, получение кокса, производство синтетического топлива, газификация и др.) с соответствующими наборами детерминирующих характеристик топлив.

Рассмотрим котельную установку как «черный ящик», на входе которого меняются величины тепловой нагрузки и расхода воздуха, а на выходе получаем изменение количества оксидов азота, окиси углерода и избыток воздуха.

На основании экспериментальных данных получены две системы уравнений, характеризующие изменение выбросов вредных веществ:

в приращениях:

$$\begin{cases} \Delta N_p = 91810 * \Delta P^{-3}, \\ \Delta C_p = -4,873 * 10^{53} * P^{-40,3} * \Delta P; \end{cases} \quad (1)$$

в абсолютных величинах:

$$\begin{cases} N_p = 291,8 - 45905 * P^{-2}, \\ C_p = 273,7 + 1,24 * 10^{52} * P^{-39,3}. \end{cases} \quad (2)$$

Нормативные материалы по организации сжигания касаются преимущественно типовых схем слоевого и пылеугольного топочного процесса. Рекомендаций для кипящего слоя по учету влияния характеристик углей, особенностям поведения топливных частиц, эффективности выгорания и организации низкотемпературного топочного процесса с наличием больших масс инертного заполнителя практически нет. Соответственно здесь для обоснования концепции НТКС требуются специальные исследования.

Установлено, что топочное устройство кипящего слоя имеет две предельные области тепловых режимов устойчивой бесплаковой работы – режим автотермической газификации угля в слое (повышенная концентрация горючих веществ) и режим сжигания угля при повышенных избытках воздуха (пониженная концентрация горючих веществ).

Промежуточные области тепловых режимов устойчивой работы кипящего слоя при низких температурах возможны при принудительной организации эндотермических процессов с помощью впрыска воды или водосодержащих смесей в слой, подачи охлажденных инертных материалов в слой (рециркуляции твердых материалов), рециркуляции газообразных продуктов сгорания и т.п. Однако из перечисленных методов наибольшим эффектом будут обладать те из них, которые не только предотвратят шлакование слоя, но и приведут к перераспределению энергии между кипящим слоем и надслоевым пространством без увеличения потерь тепла с механическим недожогом.

Регулирование температуры кипящего слоя с помощью впрыска воды является таким методом. В случае использования для этих целей воды, загрязненной органическими примесями – угольными частицами, маслами, мазутами, нефтью и т.п. – может быть получен существенный дополнительный эффект, поскольку в этом случае решается и еще одна сторона экологической задачи – обезвреживание загрязненных вод. Возможность сжигания высокозольного топлива в низкотемпературном кипящем слое обусловлена устойчивостью тепловых режимов горения при малых концентрациях горючих веществ в слое. Это позволяет использовать в качестве топлива не только забалластированные угли, промпродукты, углеотходы, сланцы, но и одновременно вводить в кипящий слой известняк, доломит, мел для предотвращения выбросов в атмосферу оксидов серы. Сжигание топлива при низких температурах одновременно уменьшает концентрацию оксидов азота в дымовых газах.

Гарантия высокой полноты сгорания высокобалластового топлива при температурах 850...950 °С обеспечивается увеличением времени пребывания частиц в реакционной зоне. Нижний предел температур ограничен возможным образованием оксида углерода.

Важнейшим параметром процесса горения является скорость или длительность озолоения частицы топлива. От значения этого параметра зависят величины допустимых тепловых напряжений и размеры топки, КПД процесса, температура частиц кипящего слоя. Известны работы, посвященные воспламенению, скорости горения или газификации частиц зольного угля. Практически во всех работах эксперименты проведены на частицах малых размеров, и полученные результаты можно экстраполировать в область больших размеров с достаточной осторожностью.

Определение времени сгорания частиц высокозольного топлива осложняется тем, что практически невозможно использовать известные методики, ориентированные, как правило, на малозольные или мелкодисперсные угли.

Можно выделить следующие стадии горения частицы:

- 1) прогрев частиц до начала воспламенения летучих веществ;
- 2) горение летучих веществ в газовой фазе за пределами относительно холодной частицы;
- 3) разогрев коксового остатка по завершении пламенного горения летучих;
- 4) выгорание коксового остатка в квазистационарном режиме.

Очевидно, что выделение стадий для условий горения более крупных частиц в форсированном (высокоскоростном) кипящем слое инертного материала должно иметь иной характер. В частности, нельзя исключать стадию испарения влаги из крупных частиц. Кроме того, в высокоскоростном кипящем слое не наблюдается отдельных пламен при горении летучих веществ.

Закономерности выхода и горения летучих веществ после поступления топлива в кипящий слой инертного материала важны

не только для расчетных оценок, но имеют и практическое значение, поскольку от динамики этих процессов зависят избыток окислителя, температурные режимы розжига слоя и подогрева вторичного дутья, образование из азотистых соединений (входящих в состав летучих) оксидов азота и выброс их и оксидов углерода в надслоевое пространство топочного устройства. Роль летучих веществ в общем развитии процесса горения одиночной частицы топлива при низких скоростях окислителя может быть двойственной – как активизатора всего процесса за счет повышения температуры частицы при горении летучих, с одной стороны, а с другой, – как фактора, препятствующего транспорту кислорода к углеродной поверхности частицы топлива.

По иному развивается эта стадия процесса горения частицы высокозольного топлива в кипящем слое инертного материала при высокой скорости дутья. Можно предположить, что в этом случае летучие вещества будут транспортированы смесью газов от частицы в верхнюю зону кипящего слоя, и процесс их горения будет подобен процессу сгорания газа в слое инертного материала. Влияние на процесс при этом может иметь и состав летучих веществ.

Длительность сгорания частиц высокозольного топлива τ_c зависит от суммы длительностей следующих друг за другом стадий: τ_1 – испарения влаги; τ_2 – прогрева частицы от завершения испарения влаги до начала удаления летучих веществ; τ_3 – прогрева коксового остатка от завершения выделения основной массы летучих веществ до начала реагирования коксового остатка с окислителями; τ – озолоения коксового остатка.

Относительная продолжительность каждой стадии зависит от природы угля (степени метаморфизма, пористости, выхода летучих и т.д.) и размера частиц. Выгорание коксового остатка занимает наибольшую долю (порядка 90 %) во всем времени горения частицы и так же, как и время испарения влаги, наиболее трудно для расчета.

Существует ряд математических моде-

лей, наиболее полно описывающих горение частицы топлива в котлах малой и средней производительности с топками НТКС.

Для характеристики и всестороннего расчета работы топки котла малой и сред-

$$\begin{cases} \Delta Q = 3,91 \cdot B^{0,08} \cdot \Delta B + 11,31 \cdot P_2^{1,17} \cdot \Delta P_2; \\ \Delta N = 116611,2 \cdot B^{-3} \cdot \Delta B + 12,95 \cdot P_2^{0,91} \cdot \Delta P_2 + 0,3472 \cdot t^{-0,72} \cdot \Delta t; \\ \Delta C = 12740 \cdot B^{-2} \cdot \Delta B - 983245 \cdot P_2^{-16,3} \cdot \Delta P_2; \\ \Delta S = 36785,8 \cdot B^{-3} \cdot \Delta B + 2,39 \cdot P_2^{0,67} \cdot \Delta P_2; \\ \Delta a = 3,12 \cdot 10^{-4} \cdot P_2^{6,51} \cdot \Delta P_2. \end{cases} \quad (3)$$

Полученные уравнения значительно проще традиционных универсальных формул расчёта концентраций и могут быть легко выведены из результатов испытаний. Комплексное решение описанной системы уравнений довольно сложно, поскольку очевидна сложноподчиненная зависимость одних показателей от других.

Рассматривая модель котла с факельным сжиганием как генератора вредных выбросов, можно определить обобщённую формулу расчёта концентрации оксидов серы:

$$C_{SO_2} = 12,2 \cdot S^{\Pi} \cdot \left(\frac{\alpha_T}{0,33} + 1 \right) \cdot \left(\frac{G}{G_0} \frac{1}{33} + 1 \right), \quad (4)$$

где S^{Π} – приведённая сернистость, %*кг/МДж;

α_T – коэффициент избытка воздуха в топке;

G – паровая нагрузка котла, т/ч;

G_0 – номинальная паровая нагрузка данного котла, т/ч.

Расчёт концентрации оксидов азота в уходящих газах проводится по формуле

$$C_{NO_x} = B \cdot e^{(1-\alpha_T)A} + C, \quad (5)$$

где эмпирические коэффициенты $A = 20 \cdot G/20$; $B = G/35$; $C = 1,8$.

Как видно из формул, зависимость эмиссии оксидов серы имеет преимущественно линейный характер, а эмиссия оксидов азота подчиняется экспоненциальному закону, что связано с тем, что выход воздушных оксидов существенным образом зависит от температуры в ядре горения. Полученные формулы отличаются прием-

ней производительности с топкой НТКС были получены зависимости выходных параметров от входных. Данные зависимости были сведены в систему уравнений [1, 2]:

лемой точностью и могут быть использованы для быстрого расчёта концентраций при изменении режимных параметров.

Таким образом, используя методику поведения углей при различных способах сжигания углей, возможно отследить выбросы вредных веществ, применяя полученную систему уравнений изменения выбросов. Значительное снижение выбросов вредных веществ возможно при распределении нагрузки между котельными агрегатами. Зная требуемую суммарную нагрузку, ее можно распределить между всеми или несколькими котельными установками, добившись минимальных суммарных выбросов вредных веществ, при этом учитывая как противоречивый характер возникновения оксидов азота и окиси углерода, так и изменение коэффициента полезного действия. В простейшем случае (например, на отопительных котельных), пользуясь ярко выраженной нелинейной зависимостью выхода оксидов азота от нагрузки, можно одинаково нагружать несколько котлов, останавливая остальные.

Если все котлы на электростанции или котельной одной марки или, по крайней мере, обладают сходными параметрами, то и приведенные зависимости у них будут сходными. Если котлы были реконструированы, то их зависимости могут значительно отличаться от соответствующих зависимостей нереконструированных агрегатов. В последнем случае имеет смысл распределять нагрузку как внутри группы котлов, так и между группами. Распределение нагрузки между котельными установками не

уменьшает концентрацию вредных веществ на выходе из отдельных котлов, а позволяет снизить суммарные выбросы без каких-либо дополнительных конструктивных нововведений и без изменений режима работы отдельных котлов.

В случае, если зависимость выхода оксидов азота от нагрузки линейна или близка к линейной, распределение не даст требуемого эффекта, и котлы могут работать на любом диапазоне нагрузок. Если зависимость не линейна, то в таком случае необходимо найти наилучший и наихудший с точки зрения экологизации режимы работы.

С точки зрения оптимальной экологизации требуется максимально нагружать котельный агрегат с наилучшими экологическими характеристиками. В то же время худшим режимом работы будет такой, при котором нагрузки распределены равномерно или близко к равномерному. Эта критическая точка зависит от кривизны характеристик всех котлов. Ее следует избегать.

После определения оптимального распределения нагрузки следует заняться более тонкой настройкой режима путем изменения расхода воздуха. Перед оптимизацией необходимо знать все коэффициенты для каждого котельного агрегата. Кроме того, задаётся общая нагрузка на всю станцию, котельную или часть котлов, среди которых её и следует распределить. Первым шагом определяем относительную экологичность котлов. Критерием является значение интеграла функций сравниваемых котлов, т.е.

$$I = \int_N^M \frac{a + b * x^c}{\text{int}} dx, \quad (6)$$

где N и M – соответственно верхняя и нижняя границы рабочего диапазона;

int – интервал между верхней и нижней границами рабочего диапазона соответствующего котла.

При расчёте интегралов для разных установок пределы интегрирования следует брать постоянными, что рекомендуется при максимальной разности между ними. Интервал же рассчитывается для каждого котла индивидуально [4].

Интегральный критерий позволяет определить знак площади результирующей функции. Чем выше значение переменной I, тем менее экологичен котёл. Исходя из этого, котельные установки сортируются по убыванию их экологической эффективности. Далее определяем, на какое количество котлов следует распределить заданную нагрузку. При этом, согласно результатам проведённой сортировки, необходимо в первую очередь максимально нагружать котлы с меньшим значением.

Основой расчёта является распределение нагрузки между парой котлов. Предварительно задав значения для остальных агрегатов, находим нагрузку для этой расчётной пары. Зная минимальный и максимальный пределы рабочего диапазона для каждого агрегата, определяем наилучший и наихудший способы распределения по суммарному значению концентраций. Затем изменяем распределение нагрузки между данной парой и прочими котлами на определённую величину и снова рассчитываем. Все промежуточные расчётные значения фиксируются и в итоге расчёта сравниваются для определения рекомендуемого (оптимального с точки зрения экологизации) распределения и наихудшего, которого следует, по возможности, избегать.

Оценка экологического эффекта от применения данной методики может быть осуществлена на основе годовых расходов топлива, определенных согласно [3].

Помимо оптимизации распределения нагрузки между котлами, данные модели могут быть использованы при формировании более сложных зависимостей. Например, для определения влияния различных добавок к топливу на экологичность сжигания. Аддитивный способ снижения вредных выбросов, используемый в [5-7] для сравнительной оценки эффективности способов получения дополнительной мощности от турбоагрегатов ТЭЦ, основанный на применении цеолитсодержащего сырья забайкальских месторождений, характеризуется зависимостями, основанными на представленной модели. Для определения влияния присадки цеолитов Шивыртуйского место-

рождения на снижение концентрации NO предложена следующая формула (7):

$$N_p = (291,8 - 45905 \cdot P^{-2}) \cdot (1 - 0,033 \cdot C_u),$$

где C_u – доля цеолита.

Данная методика определения степени снижения вредных выбросов при применении малозатратной технологии с использованием цеолитов может быть применена

при приведении к одному экологическому эффекту различных инвестиционных проектов в энергетике. Особенно актуально это для приведения к одному экологическому эффекту проектов с использованием возобновляемых источников энергии. Для Забайкальского края это проекты использования энергии солнца в системах отопления [8-10].

Литература

1. Дорфман Ю.В., Иванов С.А. Использование природного цеолита для снижения вредных выбросов котлов с топками НТКС // Вестник международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. – Чита, 2006. – 230 с. – С. 128-130.
2. Дорфман Ю.В., Иванов С.А. Повышение эффективности работы слоевых котлов путем реконструкции с переводом на технологию НТКС // Промышленная энергетика. – 2006. – № 9. – С. 19-20.
3. Басс М.С., Батухтин А.Г., Требунских С.А. Упрощенная методика расчета нормативов удельных расходов топлива в отопительных котельных применительно к условиям Забайкальского края // Промышленная энергетика. – 2009. – № 9 – С. 37-41.
4. Требунских С.А., Иванов С.А. Исследование экологических показателей котельной установки с НТКС // Вестник Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. – № 6. – 2004.
5. Иванов С.А., Горячих Н.В., Батухтин А.Г. Сравнительная оценка эффективности способов получения дополнительной мощности от турбоагрегатов ТЭЦ // Научно-технические ведомости СПбГТУ. – 2010. – № 2. – С. 33-44.
6. Иванов С.А., Батухтин А.Г., Горячих Н.В. Метод повышения электрической мощности турбин // Промышленная энергетика. – 2009. – № 12 – С. 13-15.
7. Goryachikh N.V., Batukhtin A.G. and S.A. Ivanov. Some Methods for Making Cogeneration Stations More Maneuverable // Thermal Engineering, 2010, Vol. 57, №. 10. – P. 892-896.
8. Батухтин А.Г., Батухтин С.Г. Современные методы повышения эффективности совместной работы установок гелиоотопления и систем централизованного теплоснабжения // Научно-технические ведомости СПбГТУ. – 2009. – № 3. – С. 48-53.
9. Батухтин А.Г. Методы повышения эффективности и увеличения располагаемой мощности систем централизованного теплоснабжения // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2010. – № 1. – С. 189-192.
10. Батухтин А.Г., Басс М.С., Батухтин С.Г. Методы повышения эффективности функционирования современных систем транспортировки, распределения и потребления тепловой энергии // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2009. – № 2. – С. 199-202.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дорфман Ю.В., канд. техн. наук, зам. генерального директора ОАО «ТГК-14»
Служ. тел.: (3022) 41-70-85

Yu. Dorfman, Candidate of technical sciences, «ТГК-14», deputy director

Научные интересы: энергетика, энергосбережение, снижение выбросов вредных веществ, котельные агрегаты, низкотемпературный кипящий слой

Research area: power, power conservation, decrease in emissions of harmful substances, boiler units, low temperature boiling layer

Горячих Н.В., специалист агентства по содействию, развитию и адаптации студентов ЭИ ЧитГУ
Служ. тел.: (3022) 41-70-85, 39-57-22

Научные интересы: энергетика, энергосбережение, снижение выбросов вредных веществ, котельные агрегаты, экономическое сравнение способов

Батухтин А.Г., канд. техн. наук, директор технико-внедренческого парка ЧитГУ
Служ. тел.: (3022) 41-70-85

Научные интересы: энергетика, энергосбережение, котельные агрегаты, нетрадиционные и возобновляемые источники энергии

N. Goryachikh, agency for assistance, development and adaptation of students of EI ChitGU, specialist

Research area: power, power conservation, decrease in emissions of harmful substances, boiler units, economic comparison of methods

A. Batukhtin, Candidate of technical sciences, ChitGU Techno-Park, director

Research area: power, power conservation, boiler units, alternative and replenishable energy sources

УДК 621.1

Иванов Сергей Анатольевич
Sergey Ivanov

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕПЛОВЫХ СХЕМ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЭЦ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПОТОКОРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕПЛОНОСИТЕЛЯ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМАХ ЭКСПЛУАТАЦИИ

IMPROVING HEAT SYSTEMS OF THERMO-ELECTRIC POWER STATIONS FOR THE SAKE OF OPTIMAL CURRENT DISTRIBUTION IN HEAT VEHICLES AT VARIOUS EXPLOITATION REGIMES

Рассмотрен ряд тепловых схем ТЭЦ, осуществляющих оптимизацию потокораспределения теплоносителя при различных режимах эксплуатации. Приведены тепловые схемы, основанные на перераспределении тепла внутри тепловой схемы турбины

This article examines a number of heat systems in thermo-electric power stations making for the optimal heat vehicle current distribution at various exploitation regimes. It illustrates heat systems that rely on the redistribution of heat within the heat turbine as well as on the efficacy of feeding the low quality heat network

Ключевые слова: оптимизация, турбина, энергия, теплоноситель

Key words: optimization, turbine, power plant, power, heat vehicle

Повышение эффективности энергетической отрасли всегда являлось приоритетным направлением экономики государства. Существенный промышленный спад в 90-х гг. прошлого века негативно отразился на развитии отрасли. В условиях острой нехватки собственных средств на внедрение новых технологий энергогенерирующие компании изыскивали малозатратные способы повышения эффективности производства энергии. Среди них, наряду с оптимизацией режимов работы основного энергетического оборудования ТЭЦ [1-3], а также всего комплекса централизованного теплоснабжения [4-6] повышение эффективности производства энергии может быть осуществлено путем оптимизации тепловых потоков и потокораспределения теплоносителя за счет совершенствования тепловых схем и применения передовых технологий.

Созданные генерирующие компании

имеют оборудование различной экономичности, причем многие энергетические системы в своем составе имеют станции, оборудованные теплофикационными турбинами, которые вследствие значительного снижения промышленной нагрузки, а также износа оборудования обладают низкой конкурентоспособностью. Существует ряд особенностей работы теплофикационных турбин, в результате чего снижается их экономичность. К таковым на примере Читинской ТЭЦ-1 и турбины ПТ-60-90 можно отнести следующие:

1) подключение деаэратора к промышленному отбору, что обуславливает снижение экономичности в определенном диапазоне нагрузок;

2) работа турбины с параметрами острого пара ниже расчетных как вследствие их снижения по условиям надежности, так и из-за неквалифицированного управления режимами работы оборудования;

3) дросселирование пара в регулирующих органах промышленного и теплофикационного отборов;

4) изношенность проточной части;

5) высокие недогревы в сетевых подогревателях, приводящие к повышению давления в отопительном отборе и снижению выработки электроэнергии на базе теплового потребления;

6) в отопительный сезон турбина работает с низким пропуском пара в конденсатор, что увеличивает долю рециркуляции конденсата и выброс высокопотенциально тепла в холодный источник.

Разработанные схемы по оптимизации работы энергетических систем можно разделить на два вида:

1) оптимизация тепловых потоков низкочастотного комплекса турбин;

2) оптимизация потокораспределения теплоносителя. Значительную часть отопительного периода ТЭЦ работают с небольшими тепловыми нагрузками без привлечения пиковых источников теплоты. Период работы на таких режимах зависит от климатических условий места расположения ТЭЦ и составляет в среднем около 2000 ч/год.

В качестве пиковых источников теплоты на многих ТЭЦ установлены пиковые сетевые подогреватели. Дополнительные сетевые подогреватели, обогреваемые паром от энергетических котлов через РОУ, вводятся в схемы базово-маневренных ТЭЦ, начинающих находить применение в ряде энергосистем. Тепловая экономичность теплофикационных турбин определяется выработкой электроэнергии на тепловом потреблении и существенно зависит от давления в теплофикационном отборе. В то же время давление в теплофикационном отборе влияет на величину электрической мощности турбоустановки и, в свою очередь, (при заданной тепловой нагрузке и температурном графике теплосети) определяется недогревом сетевой воды до температуры насыщения отборного пара.

$$g_H = t_H - t_2 = (t_2 - t_1) \exp\left(-\frac{kF}{Wc_B}\right), \quad (1)$$

Величина недогрева в сетевом подогревателе определяется по формуле

где t_H , t_1 , t_2 – температура соответственно насыщения греющего пара, сетевой воды на входе и выходе из сетевого подогревателя;

F – площадь поверхности теплообмена;

W – расход сетевой воды;

c_B – теплоёмкость воды;

k – коэффициент теплопередачи.

Нами предложен способ работы турбоустановки, позволяющий существенно уменьшить значение недогрева в широком диапазоне нагрузок [1]. Его суть заключается в увеличении поверхности теплообмена (величина F в уравнении (1) на величину поверхности теплообмена пикового сетевого подогревателя.

Реализация способа иллюстрируется схемой, приведенной на рис. 1. Пиковый сетевой подогреватель подключается за счёт дополнительного трубопровода к теплофикационному отбору. Пар в пиковый сетевой подогреватель через РОУ не подаётся. Таким образом, оба сетевых подогревателя оказываются подключёнными по пару параллельно к одному теплофикационному отбору. Сетевая вода последовательно проходит через подогреватели. Реализация этой схемы позволяет уменьшить недогрев в сетевой подогревательной установке, что, в свою очередь, приводит к понижению давления в теплофикационном отборе и увеличению мощности турбины за счёт дополнительной выработки электроэнергии на тепловом потреблении при сохранении требуемого отпуска теплоты. Данная схема требует незначительных капитальных затрат, включающих стоимость и монтаж дополнительного трубопровода и арматуры, и может быть достаточно легко реализована в любой действующей ТЭЦ, оборудованной пиковыми сетевыми подогревателями. Оценка экономической эффективности внедрения данной схемы показала срок окупаемости 0,32 года при реальных режимах оборудования Читинской ТЭЦ-1, а также годовой экономический эффект более 1 млн руб.

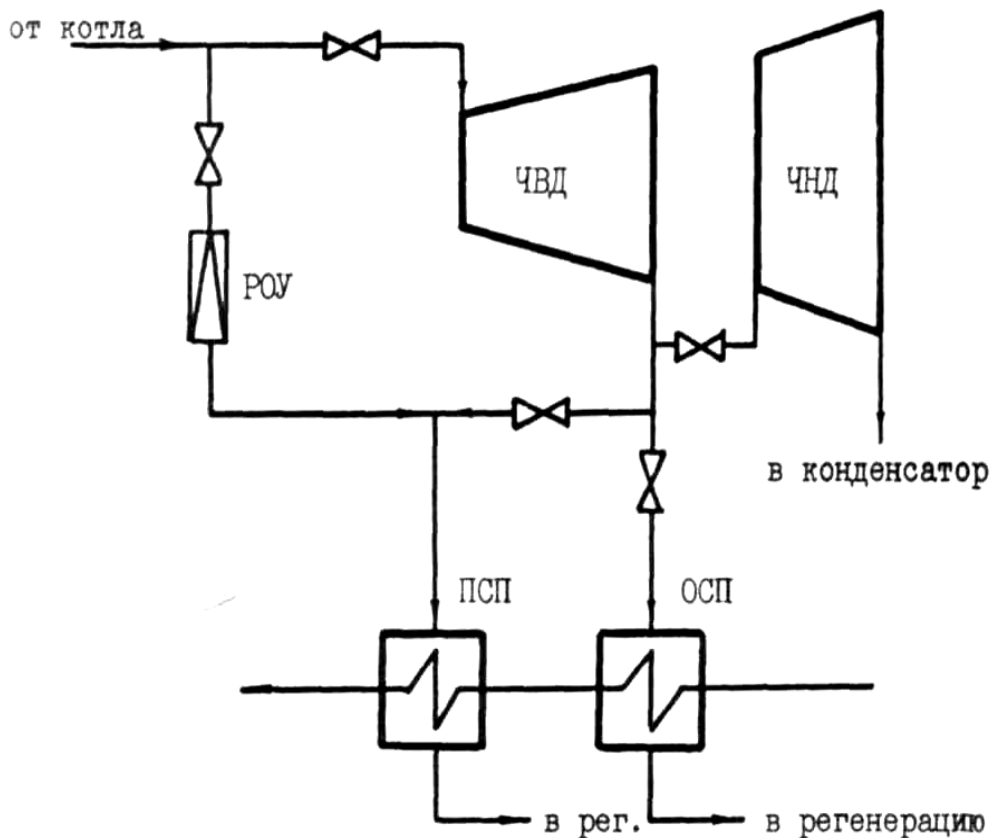

Рис. 1. Принципиальная схема повышения мощности и экономичности теплофикационной турбоустановки за счет снижения величин недогрева в сетевой подогревательной установке

На рис. 2 показана схема захлаживания сетевой воды. Перераспределение энергий достигается следующим образом: сконденсированный отработанный пар турбины конденсационного типа конденсатным насосом направляется по питательному тракту. Перед первым подогревателем низкого давления осуществлена врезка трубопроводов, соединяющих питательный тракт турбины с теплофикационной установкой турбины через поверхностный водо-водяной подогреватель (рис. 2).

При этом автоматическое управление турбиной не изменяется, а лишь дополняется элементами, управляющими потоками водо-водяного подогревателя. В качестве водо-водяного подогревателя можно использовать пластинчатый теплообменник, который является весьма компактным даже при больших тепловых нагрузках. Повыше-

ние экономичности турбины конденсационного типа связано с внешней регенерацией, подогретая питательная вода вытеснит часть пара из отбора и направит его в конденсатор, при этом расход пара на турбину уменьшится при неизменной мощности. Данное изменение приближенно можно оценить из следующего соотношения:

$$\Delta D_k = - \frac{\Delta D_m \cdot H_m}{H_i},$$

где ΔD_m – изменение пара теплофикационного отбора, кг/с;

H_m – теплоперепад до теплофикационного отбора, кДж/кг;

H_i – теплоперепад, приходящийся на турбину, кДж/кг.

Из данного соотношения следует, что расход пара на турбину при увеличении теплофикационного отбора возрастает.

В некоторых работах встречается мнение, что при определении экономичности схемы со снижением температуры обратной сетевой воды увеличение доли выработки электроэнергии теплофикационным отбором должно быть отнесено в полном объеме при определении удельного расхода топлива на выработку электроэнергии. Однако, по нашему мнению, полезное тепло от ТЭЦ в сравниваемых вариантах остается неизменным и в полном объеме отнесено быть не может. Критерий

при сравнении схем со снижением температуры обратной сетевой воды должен быть другим, и экономичность корректнее оценивать расходом теплоты или топлива в абсолютных величинах. Если суммарно по турбинам разница расходов теплоты до и после изменения уменьшится, то экономический эффект появится в снижении количества потребляемого топлива.

В табл. 1 и 2 представлены результаты расчета тепловой схемы, приведенной на рис. 2.

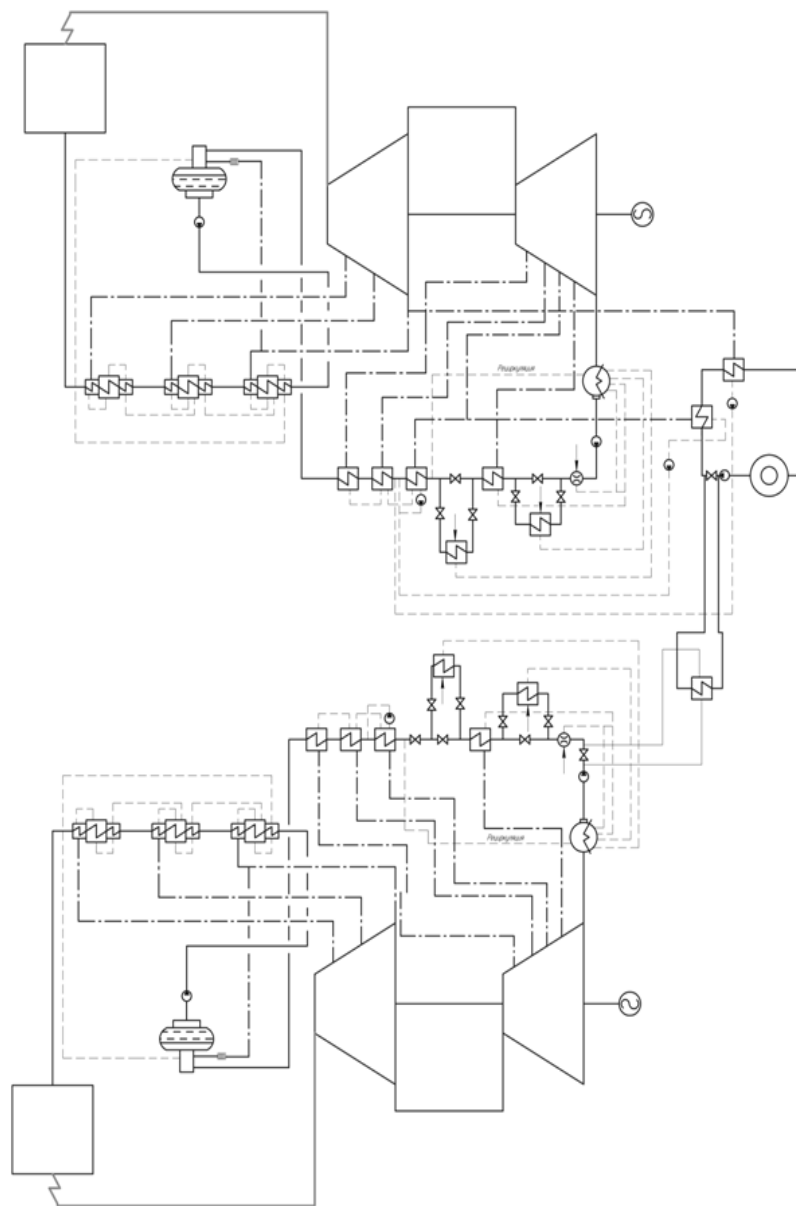

Рис. 2. Схема захлаживания сетевой воды

Таблица 1

Технико-экономические показатели схемы, приведенной на рис. 2

Наименование	ПТ 60-90	Т 87-90
Начальное давление, МПа	9	9
Начальная температура, °С	535	535
Мощность, МВт	55	70
Температура сетевой воды до/после сетевого подогревателя	100/55	100/55
Расход пара в промышленный отбор, кг/с	5	–
Расход сетевой воды, кг/с	250	250
Внутренний относительный КПД турбины	0,8	0,8
Давление в рассматриваемом отборе, МПа	0,144	0,144
Давление отработавшего пара, МПа	0,007	0,007
Расход пара на турбину, кг/с	72,17	86,37
Расход пара в конденсатор, кг/с	28,96	42,91

Таблица 2

Технико-экономические показатели схемы, приведенной на рис. 2

Наименование	ПТ 60-90	Т 87-90
Начальное давление, МПа	9	9
Начальная температура, °С	535	535
Мощность, МВт	55	70
Температура сетевой воды до/после сетевого подогревателя	100/55	100/53,6
Расход пара в промышленный отбор, кг/с	5	–
Расход сетевой воды, кг/с	310	310
Внутренний относительный КПД турбины	0,8	0,8
Давление в рассматриваемом отборе, МПа	0,144	0,144
Давление отработавшего пара, МПа	0,007	0,007
Расход пара на турбину, кг/с	71,94	86,56
Расход пара в конденсатор, кг/с	30,64	42,43

Как следует из таблиц, перераспределение потоков лучше осуществлять путем снижения потребляемого пара менее экономичной турбиной. Критерием в данном

случае выбран расход пара, т.к. температура питательной воды практически не изменится.

Таблица 3

Технико-экономические показатели схемы рис. 3

Вариант схемы	Без изменения	С изменением
Мощность, МВт	60	60
Температура воды перед сетевым подогревателем, °С	40	41,5
Температура воды после сетевых подогревателей, °С	100	100
Расход пара на турбину, т/ч	320,5/(308,3)	319,5/(307,9)
Расход отработавшего пара, т/ч	83,5/(71,8)	81,4/(70,79)
Давление в теплофикационном отборе, МПа	0,24/(0,137)	0,23/(0,132)
Недогрев в сетевом подогревателе, °С	24 (6,5)	22 (5,5)

* в скобках указаны расчетные значения

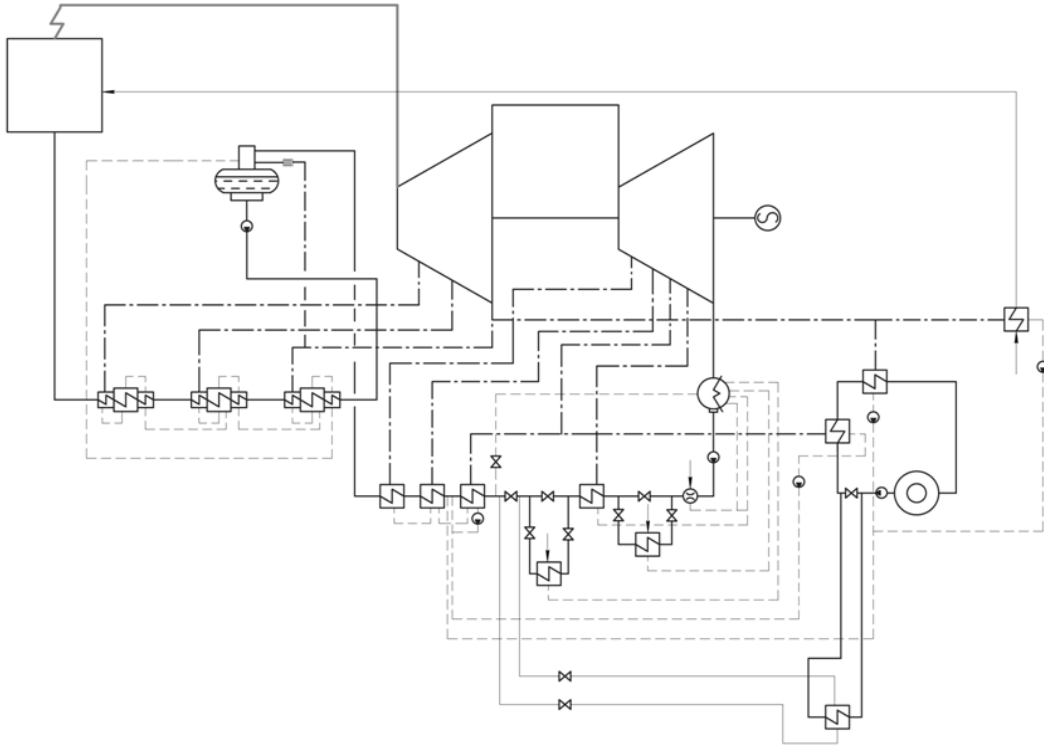

Рис. 3. Усовершенствованная тепловая схема ПТ-60-90

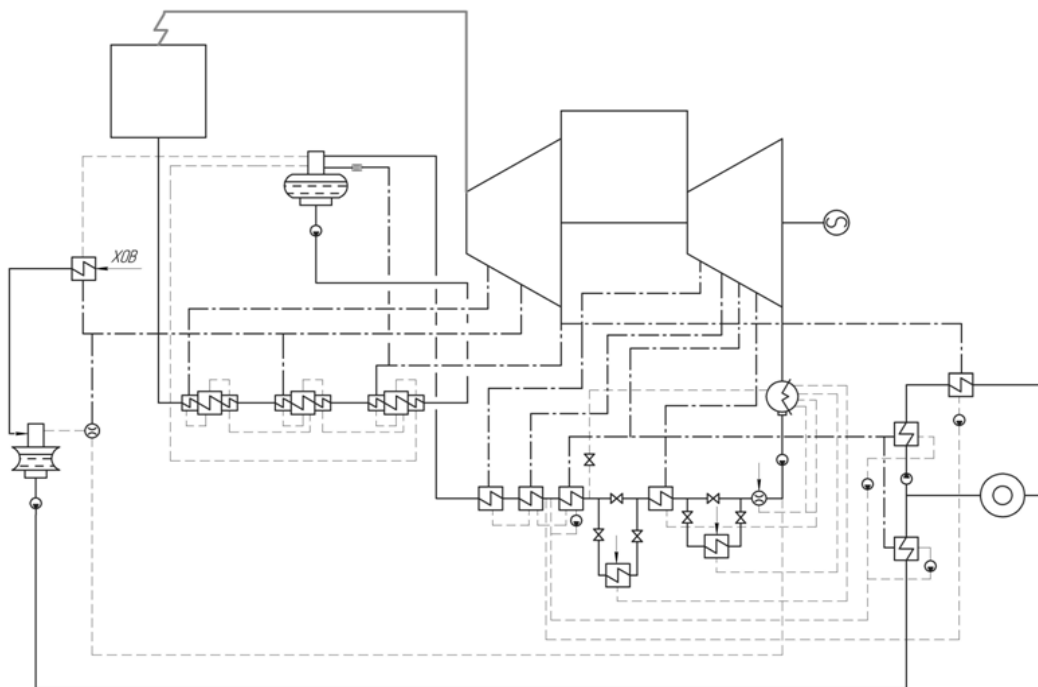

Рис. 4. Схема подпитки теплосети с дополнительным теплообменником

Анализируя данные, представленные в табл. 3, очевидным является то, что экономичность турбины повышается. Однако данное решение не может быть применимо при высоком уровне отработавшего пара из-за существующего ограничения по пропуску пара в конденсатор. В настоящее время экономичность конденсационного потока на ТЭЦ низка, особенно на ТЭЦ среднего и низкого давления. Максимальный пропуск пара в конденсатор возможен для турбины типа ПТ только при определенном сочетании тепловых нагрузок и выдаваемой мощности турбины или при работе в конденсационном режиме. Средняя годовая нагрузка всех турбин (в том числе промышленно-отопительной) Читинской ТЭЦ-1 значительно ниже номинальной. Следовательно, конденсационный поток в данных агрегатах ниже максимального.

Другим способом повышения эффективности производства энергии является повышение эффективности подпитки теплосети. Недогрев является одним из показателей эффективности преобразования энергии в сетевых подогревателях. Предлагаемый вариант подпитки тепловой сети представлен на рис. 4. Особенностью предлагаемой схемы является организация дополнительного подогрева подпиточной воды после вакуумного деаэратора в подогревателе, подключенным к теплофикационному отбору. Поскольку подпиточная вода не содержит включений, “повышающих недогрев”, то можно утверждать, что

такое перераспределение пара позволит снизить общий расход пара в отбор и на сетевой подогреватель, в частности.

Главным критерием эффективности предложения может служить более высокая температура после подогревателя подпиточной воды. Выполнение паропроводов до подогревателя подпиточной воды и площадь теплообмена подогревателя должна быть такой, чтобы эквивалентный недогрев был меньше, чем в сетевом подогревателе, в противном случае эффективность от внедрения будет отрицательна. Снижение расхода пара на сетевой подогреватель вызовет снижение эквивалентного недогрева подогревателя ввиду меньшего расхода пара, вследствие чего можно ожидать снижения давления в теплофикационном отборе, увеличение экономичности турбины и повышение эффективности комбинированной выработки энергии [7].

При такой организации отбора можно рассмотреть два варианта: включение дополнительного подогревателя последовательно перед сетевым подогревателем или параллельно сетевому подогревателю. В этом случае можно ожидать снижения давления пара в теплофикационном отборе. Для параллельной схемы следует учесть необходимость в более высоком давлении после подогревателя. Показатели рассматриваемых схем в сравнении со стандартной схемой, по результатам численного эксперимента, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Показатели экономичности схем, приведенных на рис. 4

Показатели	Варианты схем		
	стандартная	с последовательным включением	с параллельным включением
Мощность турбины, МВт	60	60	60
Расход пара на турбину, т/ч	258,9	256,8	256,3
Расход сетевой воды, т/ч	1008	1008	1008
Расход подпиточной воды, т/ч	108	108	108
Расход пара на сетевой подогреватель, т/ч	81,30	73,80	74,02
Расход пара на подогреватель подпиточной воды, т/ч	–	1,78	1,73
Давление в теплофикационном отборе, МПа	0,17	0,17	0,165

Окончание табл. 4

Показатели	Варианты схем		
	стандартная	с последовательным включением	с параллельным включением
Температурный график, °С	98/58	98/58	98/58
Температура подпиточной воды после вакуумного деаэратора, °С	72	72	72
Температурный напор сетевого подогревателя, °С	15	15	15
Температурный напор подогревателя подпиточной воды, °С	–	5	5
Удельный расход топлива на выработку э/э, г/кВт*ч	263,5	259,8	259,1
Δb , %	–	1,40	1,66

При анализе эффективности предложенных тепловых схем турбин КПД котельного отделения принят 0,9; КПД транспорта тепла 0,98; теплота сгорания топлива (Харанорский уголь) 11930 кДж/кг; его стоимость 786 р/т. В качестве критериев экономичности выбраны четыре следующие показателя:

- 1) чистый дисконтированный доход (ЧДД);
 - 2) индекс доходности инвестиционного проекта (I_D);
 - 3) срок окупаемости инвестиций ($T_{ок}$);
 - 4) внутренняя норма доходности IRR.
- Все показатели для удобства сопоставления сведены в табл. 5.

Таблица 5

Сводная таблица экономических показателей

Наименование показателя	Формулы расчета критериев эффективности	Рис. 2	Рис. 3	Рис. 4
ЧДД, млн руб.	NPV	15,57	5,62	5,76
I_D	$I_D = \frac{\sum_{n=1}^{N_{сн}} K_D \cdot R_t}{K}$	10	4,76	3,31
$T_{ок}$, лет	$T_{ок} = - \frac{\ln \left\{ 1 - \frac{1}{I_D} \cdot \left[1 - (1 - E^*)^{-N_{сн}} \right] \right\}}{\ln(1 + E^*)}$	4,53	8,2	13,9
IRR	$IRR = I_{rr}^{min} + \frac{NPV(I_{rr}^{min})}{NPV(I_{rr}^{min}) - NPV(I_{rr}^{max})} \cdot (I_{rr}^{max} - I_{rr}^{min})$	17,5	6,6	3,85

Оценка всех мероприятий показывает их значительную эффективность.

Литература

1. Иванов С.А., Сафронов П.Г., Горячих Н.В. Оптимизация систем централизованного теплоснабжения с учетом динамических характеристик объектов // Научно-технические ведомости

СПбГПУ, 2009. – № 3. – С. 53-63.

2. Батухтин А.Г. Методы повышения эффективности и увеличения располагаемой мощности систем централизованного теплоснабжения. Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2010. – № 1. – С. 189-192.

3. Иванов С.А., Батухтин А.Г., Горячих Н.В. Оптимизация систем централизованного теплоснабжения. Вестник Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. – Т. 14. – № 3. – Санкт-Петербург – Чита, 2009. – С. 102-104.

4. Иванов С.А., Батухтин А.Г., Маккавеев В.В. Методика расчета параметров потребителя при качественно-количественном регулировании в открытых системах централизованного теплоснабжения. Промышленная энергетика. – 2008. – № 4. – С. 32-34.

5. Иванов С.А., Батухтин А.Г., Маккавеев В.В. Расчет суточного графика отпуска теплоты от источника теплоснабжения при качественно-количественном регулировании в открытых системах централизованного теплоснабжения. Промышленная энергетика. – 2008. – № 5. – С. 25-27.

6. Маккавеев В.В., Куприянов О.Е., Батухтин А.Г. Практическое применение некоторых методик оптимизации режимов отпуска теплоты. Промышленная энергетика. – 2008. – № 10.

7. Способ работы теплофикационной паротурбинной установки / В.А. Иванов, В.М. Боровков, С.А. Иванов и др. / А.с. № 1193275 Бюл. изобретений № 43, 1985.

8. Сафронов П.Г., Батухтин А.Г., Иванов С.А., Батухтина И.Ю. Способ увеличения экономичности основного оборудования ТЭЦ. Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2010. – № 1. – С. 175-178.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Иванов С.А., канд. техн. наук, профессор, первый проректор ЧитГУ
Служ. тел.: (3022) 41-70-85.

S. Ivanov, Candidate of technical sciences, professor, Chita State University, First vice president

Научные интересы: энергетика, энергосбережение

Research area: power engineering, energy conservation

Книгоград

Бессонова В.В. Конституционно-правовые основы образования Забайкальского края: научное издание. — Чита: ЧитГУ, 2010. — 138 с.

Современные федеративные отношения в России находятся на этапе реформирования, одним из направлений которых стало укрупнение субъектов Российской Федерации. Процесс слияния двух и более субъектов Российской Федерации, взаимосвязанных в правовой, политической, социально-экономической и культурной сферах, отвечает современным тенденциям централизации федеральной государственной власти, улучшения управляемости территориями.

Актуальность темы определяется недостаточной теоретической разработкой вопросов конституционного регулирования процесса укрупнения субъектов Российской Федерации, в частности, образования Забайкальского края при объединении Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. Процесс укрупнения регионов следует рассматривать, прежде всего, как восстановление целостности тех территорий, которые искусственно разделены, однако обладают общей взаимосвязанной структурой экономики, инфраструктурой, социальной сферой. При этом необходимо учитывать национальную специфику объединяющихся регионов.

Монография адресована и интересна практикующим юристам, научным работникам, студентам юридических вузов, специалистам в области федерализма

Цыренжапов З.О. Информационно-коммуникативный потенциал имиджа Российского государства: научное издание — Чита: ЧитГУ, 2010. — 210 с.

В монографии анализируется состояние современного имиджа российского государства в международном информационно-коммуникативном пространстве. Сформулировано понятие имиджевого потенциала государства, рассмотрены и проанализированы его компоненты. Предложена концептуальная модель государственной имиджевой политики, основанная на реализации в международном информационно-коммуникативном пространстве имиджевого потенциала России.

Монография предназначена для политологов, журналистов, работников высшего образования и студентов, занимающихся изучением политических наук

Содержание

Экономические науки

Баранова Е.С. Развитие систем управления предприятием E. Baranova Managerial Systems Development	3
Малышев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э. Прогнозирование электропотребления регионов в процессе территориального планирования (на примере Забайкальского края) E. Malyshev, E. Sokol-Nomokopov, V. Sokol-Nomokopov Regional Planning and Electric Power Consumption Forecasting (Zabaikalski Krai Case Study)	9

Философские науки

Зенкова Т.Л. Духовно-антропологическая парадигма познания человека T. Zenkova Spiritual Anthropological Paradigm of Human Being Study	17
Кондакова Н.С. Протестантизм на конфессиональном поле Восточного Забайкалья N. Kondakova Protestantism in East Zabaikalie	23
Намсараева Е.Ц. Трансформация базовых ценностей корейцев в контексте процессов глобализации E. Namsaraeva Transformation of Basic Values of Koreans in the Context of Globalization	29

Филологические науки

Варламов А.Н. Лук в эвенкийском эпосе и неолитических памятниках Прибайкалья: к вопросу о соотношении фольклора и археологии A. Varlamov The Bow in Evenk Epos and Pribaikalye Neolithic Monuments: Folklore and Archaeology Correlated	36
Коногорова А.В. Стереотипы восприятия концепта «женщина» в разноязычных культурах A. Konogorova Stereotypical Perception of the Concept «Woman» in Different Language Cultures	43
Фельде О.В. Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP (Language for Special Purposes) O. Felde Russian Professional Substandard Language in Light of LSP (Language for Special Purpose) Theory.....	48

Политология

Козыкина Н.В. Современная китайская миграция в Забайкальском крае: основные тенденции, проблемы и перспективы N. Kozykina Current Chinese Migration in Zabaikalski Krai: Trends, Problems, Prospects	53
--	----

Науки о Земле

Барабашева Е.Е., Стремечкая Е.О. Комплексность рудогенетической модели Стрельцовского рудного поля E. Barabasheva, E. Stremetskaja On Complex Model of ore Forming Processes in Streltsovsk Ore Belt.....	60
--	----

Гаврилов А.А. Эффективная технология подземного выщелачивания урана из маломощных крутопадающих жил Стрельцовского рудного поля A. Gavrilov Effective Technology of Uranium Underground Leaching In Low-Power Steep Veins of Streltsovsk Ore Field.....	65
--	----

Коростовский Р.А. Методика геолого-экономической оценки местонахождений фоссилий Юго-Востока Забайкалья R. Korostovskii Geologic and Economic Evaluation of Fossils Occurrence in South-East Transbaikalia	72
---	----

Павленко Ю.В., Поляков О.А. Восточно-Забайкальская сурьмяная провинция Yu. Pavlenko, O. Polyakov Antimonial Province of East Zabaikalie	77
--	----

Социология

Клеткина О.С. Профилактика наркомании молодежи в Амурской области и Забайкальском крае: сравнительный анализ O. Kletkina Prevention of Drug-Addiction With Young People in Amur Region and Zabaikalski Krai: Comparative Analysis.....	85
---	----

Лига М.Б. Методики оценки качества жизни M. Liga On the Techniques of the Quality of Life Estimation	92
---	----

Романова Н.П. Основные статусные позиции одиноких женщин активного трудового периода Nelly Romanova Basic Status Positions of Single Women in their Active Career Period	100
---	-----

Щеткина И.А. Социальные показатели как основа формирования стандартов качества жизни населения I. Shchetkina Social Indicators as a Basis for Developing Standards of the Quality of Life o the Population	113
---	-----

Энергетика

Дорфман Ю.В., Горячих Н.В., Батухтин А.Г. Модели поведения углей при разных способах его сжигания и их применение Yu. Dorfman, N. Goryachikh, A. Batukhtin Models of Conduct of Coals With Different Burning Regimes and their Application	119
---	-----

Иванов С.А. Совершенствование тепловых схем существующих ТЭЦ для оптимизации потокораспределения теплоносителя при различных режимах эксплуатации S. Ivanov Improving Heat Systems of Thermo-Electric Power Stations for the Sake of Optimal Current Distribution in Heat Vehicles at Various Exploitation Regimes	126
---	-----

Книгоград	135
------------------------	-----

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 9 (66)

2010

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.11.2010

Сдано в производство 27.11.2010

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 10,0

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 9,2

Заказ № 167

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
